

ЯЗЫКИ ДОНБАССА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы Всероссийской заочной студенческой
конференции, посвящённой
Международному дню родного языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДОНЕЦКИЙ ФИЛИАЛ

Кафедра краеведения

**ЯЗЫКИ ДОНБАССА:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы
Всероссийской заочной студенческой конференции,
посвящённой Международному дню родного языка**

(Донецк, 20 февраля 2026 года)

Донецк
2026

УДК 811(063)
ББК Ш1я431
Я41

Я41 Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы развития : материалы Всерос. заоч. студенч. конф., посвящённой Международному дню родного языка (Донецк, 20 февраля 2026 г.) / Донецкий филиал РАНХиГС ; Кафедра краеведения. – Донецк : Донецкий филиал РАНХиГС, 2026. – 220 с.

Сборник материалов конференции содержит работы участников Всероссийской заочной студенческой конференции «Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы развития», посвящённой Международному дню родного языка. Труды сгруппированы в следующие тематические направления: «Языки Донбасса в синхронии и диахронии», «Ономастика Донбасса», «Социокультурные процессы в региональном аспекте», «Язык СМИ в полиязыковом обществе», «Гуманитарное образование в полиязыковом обществе».

Издание заинтересует преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, занимающихся проблемами современной лингвистики, культурологии и педагогики.

УДК 811(063)
ББК Ш1я431

Организационный комитет:

Василенко Д. В. – председатель организационного комитета, заместитель директора института-филиала;

Балко М. В. – заместитель председателя организационного комитета, заведующий кафедрой краеведения.

Члены организационного комитета:

Рощина Ю. О. – декан факультета государственной службы и управления, к. экон. н., доцент;

Осипова А. Н. – доцент кафедры краеведения, к. экон. н., доцент;

Светличная В. Ю. – старший преподаватель кафедры краеведения;

Садовская Н. Н. – старший преподаватель кафедры краеведения;

Стеценко Н. М. – доцент кафедры краеведения, к. филол. н., доцент;

Юрьева Е. В. – доцент кафедры краеведения, к. филол. н., доцент;

Янакаева С. Ш. – ассистент кафедры краеведения.

© Авторы тезисов, 2026

© Донецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКИ ДОНБАССА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

<i>Азарова В. М., Усова О. О.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	9
<i>Бакаева А.-М. О., Колпенский Б. Е., Юрьева Е. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ И СОХРАНЕНИЮ.....	11
<i>Баркова А. В., Гулякина Е. В.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	14
<i>Братковская Е. А., Гулякина Е. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК ДОНБАССА И ЕГО ДИАЛЕКТ – УСТОЙЧИВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С СОБСТВЕННОЙ ИСТОРИЕЙ	17
<i>Дегурко А. В., Максименко А. В.</i> РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В МОЛОДЁЖНОМ ИНТЕРНЕТ-ЖАРГОНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА	19
<i>Дель А. Р., Максименко А. В.</i> МОЛОДЁЖНЫЙ ЖАРГОН КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ	22
<i>Димитрова А. М., Гулякина Е. В.</i> ПОЛИЛИНГВИЗМ ДОНБАССА, ОТРАЖЁННЫЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ	25
<i>Каракича К. О., Назар Р. Н.</i> АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И СТАНДАРТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТНО-СМЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ	27
<i>Качакулян В. И., Максименко А. В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В РЕЧИ МОЛОДЁЖИ	30
<i>Колесников Д. В., Гулякина Е. В.</i> ДИАЛЕКТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДОНБАССЕ	32
<i>Кузовкова А. А., Дмитриева А. А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ДОНБАССЕ В XIX–XXI ВВ.	35
<i>Макеева Е. В., Гулякина Е. В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ РУССКО-УКРАИНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В ДОНБАССЕ В XX–XXI ВВ.	38
<i>Матющенко О. Е., Назар Р. Н.</i> РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИСТА	39
<i>Осичкина В. Е., Гулякина Е. В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОЛЕКТА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	41
<i>Приймак А. С., Максименко А. В.</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МНОГОЯЗЫЧИЯ: ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ БИЛИНГВОВ	44
<i>Ракипова В. Д., Назар Р. Н.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ	47
<i>Савенко К. Э., Максименко А. В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	50

<i>Седнева В. С., Максименко А. В.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА	54
<i>Ситниченко В., Гулякина Е. В.</i> ЯЗЫКИ ДОНБАССА – ЗЕРКАЛО ЕГО ИСТОРИИ И ЕГО НАРОДА	57
<i>Степанова Д. А., Дмитриева А. А.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РЕЧИ ДОНБАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	59
<i>Степанова П. А., Лях П. В., Юрьева Е. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В ХХІ ВЕКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	62
<i>Хайко В. Е., Гулякина Е. В.</i> ЯЗЫКИ ДОНБАССА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	65
<i>Хайко В. Е., Дмитриева А. А.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	67
<i>Хараберюш И. В., Назар Р. Н.</i> ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	70
<i>Цурикова М. П., Максименко А. В.</i> СУРЖИК КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ДОНБАССА	73
<i>Черных С. В., Назар Р. Н.</i> РОЛЬ «СТРОИТЕЛЬНОГО» ЯЗЫКА ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАСЧЁТА СМЕТЫ	76
<i>Черных С. С., Гулякина Е. В.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА	79
<i>Чижиикова А. А., Гулякина Е. В.</i> ДИАХРОНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА: ДАННЫЕ ПЕРЕПИСЕЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ (КОНЕЦ ХІХ – НАЧАЛО ХХІ ВВ.)	82
ОНОМАСТИКА ДОНБАССА	
<i>Бойченко И. С., Гулякина Е. В.</i> ОНОМАСТИКА ДОНБАССА	85
<i>Димитрова А. М., Дмитриева А. А.</i> ГИДРОНИМЫ ДОНБАССА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ	87
<i>Седова Л. Д., Дмитриева А. А.</i> ОНОМАСТИКА ДОНБАССА	90
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ	
<i>Азарова В. М., Максименко А. В.</i> ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	93
<i>Бакаева А.-М. О., Осипова А. Н.</i> ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ КАК ОСНОВА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ	96
<i>Бакланов Е. И., Назар Р. Н.</i> ЯЗЫК КАК ЗЕРКАЛО И ХРАНИТЕЛЬ ДУХОВНЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА	98
<i>Бойченко И. С., Дмитриева А. А.</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИЛИНГВИЗМА И ПОЛИКУЛЬТУРАЛИЗМА	102
<i>Гаюн К. А., Дмитриева А. А.</i> РОЛЬ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ	105

<i>Гукова С. В., Губская В. С.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И РОЛЬ ЯЗЫКА В ИХ ПРЕОДОЛЕНИИ	108
<i>Дегурко А. В., Дмитриева А. А.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	111
<i>Дёмина И., Осипова А. Н.</i> ЕДИНСТВО НАРОДОВ РОССИИ – ТРАДИЦИОННАЯ БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ ОБЩЕСТВА	114
<i>Дидоренко В. В., Губская В. С.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ	116
<i>Жужа М. В., Фурса В. В., Максименко А. В.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩНОСТИ НАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	119
<i>Иваненко Е. Н., Юрьева Е. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК – ХРАНИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ	122
<i>Ильина М. П., Гулякина Е. В.</i> ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	125
<i>Пономоренко О. С., Губская В. С.</i> КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ	127
<i>Свежинцев К. Л., Назар Р. Н.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СИТУАЦИИ «КУЛЬТУРНОГО ШОКА» И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ	130
<i>Синенкова Е. Д., Балко М. В.</i> РОЛЬ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ	132
<i>Степанова К. А., Черкасова М. Г.</i> МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ	134
<i>Цукуров М. В., Юрьева Е. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	137
<i>Чаус А. А., Гулякина Е. В.</i> РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНАХ	140
<i>Юрьев М. М., Юрьева Е. В.</i> ВОЙНА И МИР В ФОТОГРАФИЯХ ЕВГЕНИЯ ХАЛДЕЯ: ЗНАМЯ ПОБЕДЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД. НАША ОБЩАЯ ИСТОРИЯ	143
<i>Яровая Ю. В., Усова О. О.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	146

ЯЗЫК СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Воротило М. А., Дмитриева А. А.</i> СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ ДОНБАССА	149
<i>Гризодуб А. М., Гудиленко А. А.</i> ЯЗЫК КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ МЕДИАРЫНКЕ	152

<i>Гринченко А. Д., Дмитриева А. А.</i> РОЛЬ СМИ В ДИНАМИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ	154
<i>Зеленчук Д. Ф., Дмитриева А. А.</i> ПОЛИЯЗЫКОВОЕ ОБЩЕСТВО И СМИ ...	158
<i>Клименко А. А., Черкасова М. Г.</i> СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ ...	161
<i>Кудрявцева Д. И., Черкасова М. Г.</i> СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ	163
<i>Маляр Д. А., Осипова А. Н.</i> СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ	165
<i>Милютин Д. И., Готра А. О., Дмитриева А. А.</i> ПОЛИЯЗЫЧНЫЕ СМИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	168
<i>Огиенко Д. И., Максименко А. В.</i> ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	171
<i>Подолька Д. А., Садовская Н. Н.</i> РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ АУДИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	174
<i>Саминина Л. Е., Балко М. В.</i> СМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	178
<i>Скурихина В. Ю., Садовская Н. Н.</i> РОЛЬ БИЛИНГВАЛЬНОГО КОНТЕНТА В МОЛОДЁЖНЫХ МЕДИА НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК КАК СУБЪЕКТОВ ПОЛИЯЗЫКОВОГО ОБЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	181
<i>Цевкач К. Д., Назар Р. Н.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦИФРОВЫХ МЕДИА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	183
<i>Черников Д. А., Усова О. О.</i> ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И СОХРАНЕНИИ ПОЛИЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ДОНБАССА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ ...	186

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Багликов А. С., Герасименко Е. Е.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	189
<i>Верходай А. А., Герасименко Е. Е.</i> ВЫЗОВЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ	191
<i>Данин Г. В., Янакаева С. Ш.</i> ГРАМОТНОСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДОНБАССЕ: ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	194
<i>Иванченко Я. В., Московская Т. В.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕНЦИЯ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ	197
<i>Клавдеева А. В., Гудиленко А. А.</i> АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ	200

<i>Лийченко Д. В., Герасименко Е. Е.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОДЕРЖАНИЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИЯЗЫЧНОМ ОБЩЕСТВЕ	203
<i>Макеева Е. В., Дмитриева А. А.</i> ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: МЕТОДИКИ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛИЯЗЫЧНОГО КОМПОНЕНТА В ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ	205
<i>Марущак А. С., Назар Р. Н.</i> ПРАВИЛЬНОЕ УДАРЕНИЕ И КУЛЬТУРА УСТНОЙ РЕЧИ: ВАЖНОСТЬ СОБЛЮДЕНИЯ НОРМ ПРОИЗНОШЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРАВИЛЬНОГО УДАРЕНИЯ	208
<i>Попова Д. Ю., Садовская Н. Н.</i> ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВИЗМА: ОПЫТ ДОНБАССА И ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	211
<i>Сахно М. В., Назар Р. Н.</i> МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В БИЗНЕСЕ И ОБРАЗОВАНИИ: КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО	213
<i>Тиханова М. Н., Балко М. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ	217

ЯЗЫКИ ДОНБАССА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

УДК 81.23

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Азарова В. М., студентка 1-го курса института юстиции
Усова О. О., канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русского,
иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Языковая ситуация Донбасса представляет собой сложное, многослойное и динамично развивающееся социолингвистическое явление, сформировавшееся под воздействием совокупности исторических, демографических, экономических и социально-культурных факторов. Регион на протяжении длительного времени являлся территорией активного взаимодействия различных этнических и языковых групп, что обусловило формирование особой языковой среды, отличающейся высокой степенью вариативности и многообразием форм речевого поведения. В современных условиях языковая ситуация Донбасса продолжает трансформироваться, отражая изменения в общественной жизни и коммуникативных потребностях населения.

Одной из ключевых характеристик языкового пространства Донбасса является устойчивый билингвизм, основу которого составляет взаимодействие русского и украинского языков. В рамках социолингвистического подхода билингвизм рассматривается как сложная система, включающая не только владение двумя языками, но и специфику их функционального распределения в различных сферах общения [2]. В Донбассе данный билингвизм носит асимметричный характер, поскольку языки обладают различной социальной значимостью и степенью распространённости.

Русский язык исторически выполняет функцию основного средства межнационального и повседневного общения, обеспечивая коммуникативную стабильность и целостность языкового пространства региона. Он широко используется в бытовой, профессиональной, общественно-политической и культурной сферах, доминирует в средствах массовой информации, официальной коммуникации и цифровом пространстве. Как подчёркивает Л. П. Крысин, высокая функциональная нагрузка языка способствует его устойчивости и закреплению в общественном сознании [3]. В данном контексте русский язык выступает не только как средство общения, но и как важный фактор социальной интеграции населения Донбасса.

Функционирование русского языка в регионе сопровождается формированием определённых региональных речевых особенностей. Эти особенности проявляются преимущественно на уровне лексики, фразеологии, а также интонационного оформления речи. Подобные региональные черты

являются закономерным результатом длительного языкового контакта и не противоречат нормам литературного языка. Напротив, они свидетельствуют о живом развитии языка, его способности адаптироваться к конкретным социокультурным условиям, что неоднократно подчёркивается в трудах по социальной лингвистике [4].

Украинский язык в языковом пространстве Донбасса занимает более ограниченную позицию. В устной повседневной речи украинский язык представлен в меньшей степени, что обусловлено историческими условиями языковой социализации населения региона и доминирующим положением русского языка в ключевых коммуникативных сферах. Подобное функциональное распределение языков является типичным для асимметричного билингвизма и отражает реальные языковые предпочтения носителей [1].

В условиях длительного и интенсивного языкового контакта важную роль играют процессы языковой интерференции. Результатом данных процессов становится появление и распространение смешанных форм речи, одной из которых является суржик. Суржик представляет собой нестандартизированное сочетание элементов русского и украинского языков и широко используется в неофициальной коммуникации [3].

Несмотря на отсутствие нормативного статуса, суржик отражает реальные процессы языкового взаимодействия и динамику региональной языковой ситуации. Его распространение свидетельствует о гибкости языкового сознания носителей и их способности приспосабливаться к сложным коммуникативным условиям. В научных исследованиях подобные смешанные формы речи рассматриваются как показатель переходных языковых процессов и нестабильности языковой нормы в условиях билингвизма.

Современный этап развития языков Донбасса характеризуется усилением влияния средств массовой информации и цифровой коммуникации. Интернет-пространство и социальные сети формируют новые модели речевого поведения, способствуют распространению разговорных и полуофициальных языковых форм, а также закрепляют доминирующее положение русского языка как основного средства онлайн-общения. Эти процессы особенно активно проявляются в молодёжной среде, где формируются новые языковые привычки и коммуникативные стратегии.

Существенное значение для формирования и развития языковой ситуации региона имеет система образования, выступающая важнейшим институтом языковой социализации. Образовательные учреждения обеспечивают усвоение литературных норм, формирование языковой компетенции и развитие речевой культуры. Как подчёркивает А. А. Залевская, успешное формирование билингвальной компетенции возможно лишь при учёте реального языкового опыта обучающихся и особенностей конкретной языковой среды [1]. Игнорирование данных факторов может приводить к снижению эффективности языкового образования и формированию языковой неуверенности.

Языковая ситуация Донбасса тесно связана с проблемами языковой нормы и языковой идентичности. Для значительной части населения язык является

важным маркером социальной принадлежности, культурной самоидентификации и исторической памяти. В современных условиях наблюдается переосмысление языковых ценностей и установок, обусловленное изменениями в общественной жизни и расширением цифрового коммуникативного пространства. Это свидетельствует о том, что языковая среда региона остаётся динамичной и открытой для дальнейших трансформаций.

Таким образом, функционирование и развитие языков Донбасса на современном этапе представляет собой сложный, многоуровневый и динамичный процесс. Доминирующее положение русского языка, функциональная ограниченность украинского языка, распространение суржика, а также влияние образовательной и информационной среды формируют уникальную языковую модель региона. Исследование данных процессов позволяет глубже понять механизмы регионального билингвизма, специфику языкового взаимодействия и определить перспективы дальнейшего развития языковой ситуации Донбасса.

Литература

1. Залевская А. А. Вопросы теории двуязычия : учебник / А. А. Залевская. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 144 с.
2. Беликов В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 440 с.
3. Крысин Л. П. Русское слово в современном обществе / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 2008. – 352 с.
4. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика : учебное пособие / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.

УДК: 81`27

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ И СОХРАНЕНИЮ

*Бакаева А.-М. О., студентка группы ФИК-25-1;
Колпенский Б. Е., студент группы ФИК-25-1;
Юрьева Е. В., канд. филол. наук, доцент кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Русский язык – это не просто набор грамматических правил и лексических единиц, это живая душа народа, многовековое хранилище его истории, культуры и духовного опыта. Через язык передаются традиции, ценности, особенности мышления и восприятия мира. Потеря языка – это не просто утрата средства коммуникации, а исчезновение целого пласта культуры, уникального способа видеть и описывать действительность.

Русский язык всегда был объединяющим фактором для миллионов людей. Он соединял народы огромного государства, формировал общее культурное

пространство, становится инструментом познания мира и самовыражения. Литературное наследие России – от А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого до А. А. Ахматовой и А. П. Платонова – неразрывно связано с богатством и выразительностью русского языка. Бережное отношение к нему – это не формальность, а проявление уважения к собственной истории и культуре.

Через язык мы усваиваем «культурный код»: понимаем, что такое *соборность* и *душевность*, чем *тоска* отличается от *грусти*, почему *авось* – это не просто слово, а целое мировоззрение. Каждое слово, каждый фразеологизм – это капля народной мудрости, историческая память, отлитая в речи. Утрачивая язык, мы рискуем утратить ключ к пониманию самих себя, своей истории и своих корней.

Кроме того, язык – это мощный инструмент развития и мышления. Как утверждал Л. С. Выготский, мысль рождается и формируется в слове [1]. Богатство и гибкость русского языка, его способность к словообразованию и образности напрямую влияют на интеллектуальный потенциал нации. Обеднение языка, его засорение жаргонизмами, неуместными заимствованиями и примитивными конструкциями ведёт к обеднению мышления. Защищая язык, мы защищаем нашу способность к тонкому анализу, глубокому чувствованию и творческому выражению.

Так что же значит «защищать» русский язык в XXI веке? Это не означает возводить вокруг него неприступную стену и отказываться от всего иностранного. Защита – это не изоляция, а сознательное и бережное развитие.

Защита языка предполагает:

1. Личную ответственность каждого носителя. Стремление говорить и писать грамотно, ясно и красиво, расширять словарный запас, читать классическую и современную качественную литературу. Это уважение к языку в повседневном общении.

2. Поддержку со стороны государства и общества. Эффективную языковую политику в образовании, науке и СМИ. Важно, чтобы русский язык оставался полноценным инструментом во всех сферах жизни – от дипломатии до IT.

3. Борьбу не с заимствованиями, а с языковой ленью. Заимствования – естественный процесс, но проблема возникает тогда, когда они вытесняют точные и ёмкие русские аналоги без всякой необходимости. Следует отметить, что значительная часть населения нашей страны понимает остроту данной проблемы и ищет пути её решения. Определённые шаги в борьбе с избыточными заимствованиями делаются и на законодательном уровне. Так, с 01 марта 2026 года вступят в силу новые требования к оформлению потребительской информации [3]. Поправки к закону «О защите прав потребителей» обяжут бизнес использовать русские слова в публичных пространствах. Это касается вывесок, надписей, указателей, информационных табличек, знаков, конструкций и любых других носителей, где компания может размещать информацию для потребителей, например, табличек *open* и *closed*, надписей *sale*, *discount*, *free* и др. Закон не запрещает использовать иностранные языки, но требует, чтобы информация для потребителей, в первую очередь, была на русском языке, что

значительно облегчит жизнь простых граждан и не будет вводить их в заблуждение. Информацию можно дублировать на другие языки, но исключительно в качестве вторичной.

4. Развитие и адаптацию. Язык должен жить и меняться, но эти изменения должны быть органичными, а не хаотичными. Защита означает помощь языку в его естественном развитии, а не консервацию в неизменном виде.

Новые слова зачастую появляются в силу необходимости. Например, человеку, связавшему свою жизнь с компьютерной техникой целесообразнее употреблять в речи именно английские слова, так как найти перевод некоторых из них зачастую бывает не просто трудно, но иногда и вовсе невозможно. Такие слова – неологизмы, и распространение их в современной речи в век научного прогресса – не только неизбежный процесс, но и достаточно безобидное явление для языка. Этот процесс скорее можно отнести к развитию языка, чем к его деградации [2, с. 96].

Итак, защищать русский язык необходимо – не из-за страха перед утратой, а из-за любви и ответственности перед культурным наследием. Именно язык формирует наше мышление, объединяет общество и помогает сохранять духовные основы нации. Уважение к родному слову, стремление говорить грамотно и осмысленно – это не просто личное дело каждого, а вклад в будущее страны, её культурную устойчивость и самобытность.

Литература

1. Выготский Л. С. Мысль и слово / Л. С. Выготский // Психология развития как феномен культуры : избранные психологические труды. – Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. – С. 393–470.
2. Иова М. П. Сохранение и защита русского языка / М. П. Иова, В. В. Дзюбан // Вестник УМЦ. – 2018. – № 4 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-zaschita-russkogo-yazyka>
3. Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

УДК 811.161.1

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

*Баркова А. В., студентка группы 231-ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Донбасс – это регион курганов и степей, с огромной историей и своей языковой идентичностью. Наш край характеризуется полиэтничностью, на территории которого проживают более 130 этнических групп. Наличие разных национальностей на территории Донбасса обусловлено историческими событиями и особенностью заселения края. В связи с этим в разных областях края были свои главные языки.

После Октябрьской революции и установления советской власти на территории УССР и, соответственно, Донбасса, была начата политика коренизации, цель которой – выстроить контакт между образовавшейся новой центральной властью и национальными меньшинствами путём продвижения на руководящие должности представителей местных национальностей и введения родного языка республик в делопроизводство, образование, общий обиход, а также в печать новостных изданий.

Совнарком УССР 27 июля 1923 г. издал декрет «О мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений», а 01 августа 1923 г. совместно с ВУЦИК было опубликовано постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и содействие развитию украинского языка» [1]. Оба документа свидетельствовали о законодательном закреплении равенства всех языков на территории Украинской республики и, соответственно, равенство возможностей носителей этих языков.

В период с 1920-х по 1930-е годы Донбасс стал центром самой масштабной миграции в истории Украины. Войны, разрушения и голод привели к сокращению численности многонационального населения региона. После Гражданской войны советская власть поставила перед собой задачу первоочередного восстановления рабочей силы на заводах и шахтах Донбасса. С началом индустриализации эта задача стала ещё более приоритетной. Основной приток населения обеспечивали русские, прибывая преимущественно из Приуралья, Центральной России, Сибири, а также из Брянской и Курской областей, а также часть переселенцев других национальностей.

Из-за перемещения части украинского населения в сёла и большого притока русскоговорящего населения образовался отдельный, разговорный языка. Такой вид диалекта получил название суржика.

Суржик – это некодифицированный разговорно-бытовой стиль языка (речь), который возник вследствие массового продолжительного контактного украинско-русского двуязычия в его диглосной форме. Суржик возникает в результате системной интерференции на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях; он репрезентирован цельюоформленными лексемами – суржикизмами, которые накладываются на украинскую или русскую языковую основу; проявляется на базе региональных

разновидностей украинского языка как языковой код в среде индивидов различных типов языковой компетенции, в разнотипных социально-корпоративных и коммуникативных сферах.

Как правило, грамматика и произношение остаются украинскими, а если фонетические и грамматические явления и проникают из русского языка, то остаются лексикализованными: не переходят на однотипные свойства украинских языковых единиц, однако затрагивают словообразование.

По данным переписи населения в 1923 года, мы можем сделать вывод, что среди 2 518 010 чел., проживающих на территории Донецкого края, украинцев – 1 609 713 (62,97%), русских – 655 962 (26%), немцев – 56 834 (2,3%), греков – 86 615 (3,4%), болгар – 867 (0,03%), поляков – 6 622 (0,3%), татар – 5 347 (0,2%), евреев – 42 727 (1,7%), других – 16 032 (0,6%), неизвестных – 37 303 (1,5%). Из опрошены 63,92% обозначало своим родным языком украинский, в то время как русский признавало своим языком всего 26,05% [2].

В начале 1930-х годов период коренизации, или же украинизация, сменился русификацией, когда при условном равенстве языков в системе образования русскому языку отдавалось большее предпочтение в силу его большей востребованности и распространённости, хотя спрос на украиноязычное образование также поддерживался, особенно в сельской местности.

В Сталинской области, по данным переписи 1939 г., общее количество населения – 3 099 810 чел. Родным языком считали: украинский – 1 545 487 чел. (49,9% жителей области), русский – 1 412 577 (45,6%), греческий – 52 681 (1,7%), немецкий – 36 081 (1,2%), еврейский – 15 995 (0,5%), татарский – 11 431 (0,4%), белорусский – 8 973 (0,3%), молдавский – 3 805 (0,1%), армянский – 2 157 (0,1%), болгарский – 1 579 (0,1%), польский – 1 241 (0,4%) [3].

Согласно переписи 1970 г., общее количество городского и сельского населения Донецкой области – 4 891 979 чел. Анализируя эти данные, видим, что наибольшее количество представителей разных этнических групп отдают предпочтение русскому языку как родному, а именно: греки, белорусы, евреи, молдаване, поляки, болгары, армяне. Следует отметить, что 2 945 825 чел., а это 60,21% от общего количества населения Донецкой области, родным считают русский язык [4].

Что касается сферы образования, то формально, язык определялся родителями. По переписи 1989 года, русский язык называли родным 67,7 % жителей края, однако образование на нём в 1991 году получали 96,7 % школьников. И наоборот – при доле считавших родным украинский язык около 30 % (1989 год, перепись) образование на украинском получали лишь 3,3 % учеников 1991 года.

Проанализировав всё выше сказанное, можно выстроить следующую цепь: с началом политики коренизации основным языком во всех сферах жизни общества становится украинский, но также на законодательном уровне закрепляется равенство языков посредством постановления Совнаркома УССР и ВУЦИК «О мерах обеспечения равноправия языков и содействия развитию украинского языка». Согласно переписи населения Донбасса, родным для

большинства опрошенных становится украинский. После упразднения политики коренизации наступает период русификации, когда при формальном равенстве языков предпочтение отдаётся русскому как основному. В связи с этим уже по новой переписи населения в 1939 году вторым по значимости языком становится русский. К 1991 году во всех учебных заведениях образование получают на русском языке, что делает его доминантным на территории Донбасса.

Литература

1. Постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка» [Электронный ресурс]. – URL : <https://constitutions.ru/?p=10345>.
2. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (Янв.-февр. 1923 г.) / Донец. губ. испол. ком. Сов. р., к., к. и каз. д. (Донец. губ. статбюро); [Предисл.: уполномоч. Донецгубисполкома по проведению переписи в Донбассе Сергей Мазлах]. – Харьков : Донбасс, 1923-1924. – 28 см [Электронный ресурс]. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1SV_60924/
3. Распределение служащих по отраслям народного хозяйства (сводная по СССР) // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Лл. 62 об., 63 об., 64 об. Подлинник [Электронный ресурс]. – URL : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/47611-raspredelenie-sluzhaschih-po-otraslyam-narodnogo-hozyaystva-svodnaya-po-sssr>
4. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. (Табл. 17, 18, 19, 20-22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 30а, 30б), [1]- / ЦСУ при Совете Министров СССР. – Москва : Б.и., 1972. – 30х41 [Электронный ресурс]. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_3420291/

УДК 811.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК ДОНБАССА И ЕГО ДИАЛЕКТ - УСТОЙЧИВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С СОБСТВЕННОЙ ИСТОРИЕЙ

*Братковская Е. А., студентка группы 131ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
Донбасского государственного университета юстиции*

Донбасский региолект – это комплексный социолингвистический диалект, представляющий собой **устойчивую, исторически сформировавшуюся разновидность разговорного русского языка**, функционирующий на территории Донбасса. Данный региолект сложился в результате длительного и интенсивного использования литературного русского языка, южнорусских говоров и украинских диалектов на территории Донбасса.

Донбасс представляет собой уникальный регион, чьё языковое разнообразие формировалось под влиянием сложного переплетения исторических, этнических и социальных факторов. Территорию исторически населяет полиэтничное сообщество, каждая группа которого внесла свой вклад в формирование местных языковых идиом, сохраняя при этом элементы собственного языкового наследия.

На протяжении столетий Донбасс развивался в условиях интенсивных контактов, прежде всего со славянскими языками (украинским и русским), а также испытывал влияние южнорусских диалектов и идиом других народов, населявших регион. Этот продолжительный процесс взаимовлияния привёл к формированию специфических языковых комплексов.

В аспекте исторического развития языковые системы Донбасса прошли сложный путь эволюции. Взаимодействие и влияние различных языков оказали воздействие на все уровни местных говоров и региолектов. Это влияние наиболее отчётливо прослеживается в фонетике, морфологии и, особенно, в лексике, которая обогатилась большим количеством заимствований, уникальных смысловых образований, отражающих культурные и промышленные реалии [1, с. 10].

Донбасский региолект представляет собой переходную речевую систему, которая сформировалась в результате длительного контактного взаимодействия южнорусских говоров и восточнукраинских диалектов на территории интенсивного развития миграции. Его статус определяется как городской диалект с признаками промежуточного языка.

Лексический состав Донбасса является производным от нескольких ключевых сфер, сформировавших региональную идентичность и повседневные практики. Основной лексикон включает терминологию, связанную с вооружёнными конфликтами, профессиональную лексику горнорудной промышленности и общебытовые слова, часто имеющие украинское или южнорусское происхождение [2, с. 15].

Например, в повседневной речи распространены следующие слова: *ставок* – водоём; *брасматик* – тушь для ресниц; *тремпель* – вешалка для одежды; *буряк* – свёкла; *скибка* – долька; *баклажка* – пластиковая бутылка; *кушать* – употребляется нейтрально для любого приёма пищи; *толчёнка* – картофельное пюре; *синенькие* – баклажаны; *бахнуться* – удариться, упасть.

Также в донбасском региолекте наиболее маркированной чертой является устойчивая реализация фонемы /г/ как звонкого фрикативного [ɦ] в абсолютно всех позициях: *но[ɦ]а*, *о[ɦ]онь*, *[ɦ]ород*. Это прямое следствие украинского субстратного влияния. Также можно заметить тенденцию к смягчению зубных согласных перед гласным переднего ряда [е]: *[с']екция*, *[д']еньги*, *[т']етрадь*. В

некоторых идиолектах фиксируется щелевое произношение звука [ч]: [ш']ашка, [ш']то.

Речи, характерной для Донбасса, свойственна особая просодическая организация, формирующая её уникальную мелодическую идентичность. Эта интонационная система занимает промежуточное положение между русским и украинским стандартами, вырабатывая собственные устойчивые паттерны.

Одной из ключевых черт является общая **сглаженность интонации**. Вместо восходящих или нисходящих скачков тона, характерных для эмоциональной московской речи, например, здесь наблюдается тенденция к **ровному, монотонному звучанию с плавным завершением**. Это создаёт впечатление сдержанности и уверенности. Эффект усиливается **замедленным темпом речи и более длинными, ощутимыми паузами** между смысловыми отрезками. Такой ритм придаёт высказыванию неспешность и иногда оттенок отстранённости.

Наиболее показательное своеобразие проявляется в построении **общих вопросов**. В стандартном русском языке пик восходящей интонации обычно приходится на последнее ударное слово. В донбасском варианте **максимальный тональный подъём часто смещён на предударный элемент или более раннюю часть фразы**. Вслед за этим пиком следует нисходящий спад. Такая **восходяще-нисходящая конструкция** лишает вопрос категоричности, энергичности или живого интереса. Вместо этого он звучит как спокойное уточнение, риторический вопрос или запрос, предполагающий предсказуемый или уже известный ответ. Это снижает общую экспрессивность и может восприниматься внешним слушателем как оттенок безразличия или хронической усталости [З, с. 24–36].

Литература

1. Карелов Д. И. Языки Донбасса в диахроническом аспекте / Д. И. Карелов, О. О. Усова // Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Всерос. заоч. студенч. конф., посвящённой Международному дню родного языка (Донецк, 21 февраля 2024 г.) / ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», Кафедра краеведения. – Донецк : ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», 2024. – С. 9–12. https://donampa.ru/images/2024/05/21fevralya_rus.pdf
2. Клименко О. Э. Сленг в медицинском дискурсе Донбасса / О. Э. Клименко, О. В. Подолина // Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Всерос. заоч. студенч. конф., посвящённой Международному дню родного языка (Донецк, 21 февраля 2024 г.) / ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», Кафедра краеведения. – Донецк : ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», 2024. – С. 15–17.
3. Стёпкин В. П. Донецк. Иллюстрированная история / В. П. Стёпкин. – Донецк : Апекс, 2007. – 252 с. – URL : <https://djvu.online/file/q2zSd03AXwNJR?ysclid=mlcz5435i9445108801>

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В МОЛОДЁЖНОМ ИНТЕРНЕТ-ЖАРГОНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА

*Дегурко А. В., студент 1-го курса института юстиции,
Максименко А. В., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Современная молодёжь активно осваивает цифровую среду, в которой важную роль играют заимствования из английского языка. Эти заимствования влияют на представление о мире, формируются собственные концепции и категории, используемые молодым поколением. Изучение этого процесса помогает понять, каким образом меняется структура и содержание языковой картины мира молодёжи.

Одним из учёных, обративших внимание на проблему заимствований в молодёжном интернет-жаргоне, ещё 15 лет назад стала И. В. Горбунова. Её исследования показывают, что англицизмы появляются в русской речи не случайно, а обусловлены особенностями виртуального общения: компьютерное общение на русском языке отличается активным вторжением терминов, использованием транслитерации и транскрипции, словообразовательных и семантических калек, а также обыгрыванием английских слов с использованием русских. В её работах подчёркивается, что английский язык становится приоритетным в пространстве глобальной сети и умышленно или неумышленно превращается в средство разрушения естественного лингвистического разнообразия, что представляет собой серьёзный экологический урон [1].

Значительный вклад в изучение жаргона также принадлежит работам А. А. Елистратова. Он провёл подробный контрастивный анализ заимствований в английском и русском молодёжном жаргоне, отметив, что русский молодёжный жаргон проявляет большее разнообразие относительно своих генетико-этимологических и структурных черт, чем сленг англоязычной молодёжи. В ходе исследования автором было обнаружено, что в жаргоне русскоязычной молодёжи присутствуют заимствования из двадцати языков, тогда как в англоязычном сленге – только из тринадцати [2, с. 211]. При этом процесс структурной модификации иностранных заимствований в русском молодёжном жаргоне также более разнообразен: здесь фиксируются такие явления, как прочтение заимствуемой единицы в иной графике на русский манер (*eggor* \ *egop* – от англ. *error*), буквальная транслитерация (*врптер* – от англ. *writer*) и ложное калькирование английских лексем с их «переводом» на иностранный язык (*о'бэби* от англ. *oh baby* 'о, крошка – окрошка), что не наблюдается в английском сленге [2, с. 212].

Также примечательны работы И. В. Эделева совместно с А. Р. Мустафиной. Они провели опрос среди студентов Башкирского государственного аграрного

университета, который подтвердил, что большинство заимствований используется сознательно и уверенно: респонденты продемонстрировали высокий уровень владения такими словами, как *хейтер* (98%), *пранкануть* (96%), *банить* (95,1%), *рофлить* (92%), *чилить* (91%). Основными сферами употребления англицизмов были названы социальные сети (84,3%), молодёжная среда общения (81,4%) и видеоблоги (80,4%) [3, с. 127]. Авторы также выявили, что главной причиной использования заимствований является стремление к краткости передачи мысли (42,2%) и эмоциональности речи.

Эти работы подтверждают идею, что активные заимствования из английского языка приводят к качественным изменениям в картине мира молодого поколения, отражающимся в употреблении специализированной лексики и стиле общения.

Современные англицизмы активно внедряются в молодёжный интернет-жаргон, отражая потребности и предпочтения молодой аудитории. Процесс формирования сленга реализуется через несколько основных способов заимствования лексики. Одним из наиболее распространённых способов является транслитерация, при которой происходит передача английских слов посредством русских букв. В результате данного процесса в компьютерный жаргон вошли такие слова, как *юзер* (от *user* – пользователь), *хакер* (от *hacker* – специалист по взлому систем), *сайт* (от *site* – веб-сайт).

Значительное количество компьютерных терминов проникает в русский язык посредством транскрипции, то есть передачи звукового облика английского слова. К таким заимствованиям относятся *лайк* (от *like* – отметка одобрения в социальных сетях), *стрим* (от *stream* – прямая трансляция), *фриланс* (от *freelance* – свободная работа).

Особую группу составляют кальки – дословные переводы английских терминов на русский язык. В компьютерном жаргоне широко используются такие кальки, как *вирус* (от *virus*), *мышь* (от *mouse*), *окно* (от *window*).

В процессе формирования компьютерного жаргона также активно используются гибридные формы, сочетающие элементы английского и русского языков. К ним относятся *аватар* (от *avatar* – изображение профиля), *мемориз* (от *memory* – память устройства), *юзерник* (от *user picture* – изображение пользователя).

Важной составляющей компьютерного жаргона являются аббревиатуры, образованные на основе английских выражений. В современной коммуникации активно используются такие сокращения, как *ИМХО* (от *IMHO* – *In My Humble Opinion* – по моему скромному мнению), *ЛОЛ* (от *LOL* – *Laughing Out Loud* – громко смеюсь), *БМ* (от *BM* – *Bad Manners* – плохие манеры).

Распространение англицизмов может быть связано с необходимостью адаптации языковой личности к специфике виртуального мира, вследствие чего происходят сдвиги в национальных культурно-языковых системах [1]. Ярким примером такой адаптации служит профессиональный IT-сленг, где большинство терминов используется в оригинальной английской форме.

Так, в сфере программирования сформировался единый профессиональный язык, где специалисты из разных стран оперируют одними и теми же понятиями: *баг* (ошибка в программе), *бэкенд* (серверная часть продукта), *коммит* (сохранение изменений в коде), *митинг* (рабочая встреча). Эти термины не только упрощают коммуникацию между специалистами разных национальностей, но и создают единое профессиональное пространство.

Сдвиг в национальных культурно-языковых системах проявляется в том, что многие англицизмы становятся более употребительными, чем их русские аналоги. Например, слова *лайк*, *френд*, *чат* полностью вытеснили русские эквиваленты в интернет-коммуникации. Это связано с такими факторами, как экономичность языковых средств (английские термины часто короче русских аналогов), международный характер интернет-коммуникации (он требует единого терминологического аппарата), престижность использования англоязычных терминов в профессиональной среде, динамичность развития технологий, требующая быстрого введения новых терминов.

В результате происходит не просто заимствование отдельных слов, а формирование новой языковой реальности, где традиционные языковые нормы переплетаются с инновационными формами коммуникации. При этом важно отметить, что заимствования не разрушают русский язык, а обогащают его, создавая новые возможности для выражения современных реалий.

Особенно активно этот процесс происходит в молодёжной среде, где владение современным интернет-сленгом становится показателем социальной адаптации и принадлежности к определённой группе. Таким образом, заимствования из английского языка становятся не просто словами, а маркерами новой цифровой культуры.

Распространённость англицизмов в молодёжной интернет-среде – закономерное следствие глобализации и технологического прогресса. Хотя это положительно влияет на формирование креативного мышления и способность свободно общаться на международном уровне, возникают серьёзные угрозы, связанные с потерей аутентичной русской лексики и культурной идентичности. Задача общества состоит в том, чтобы находить разумный компромисс между принятием полезных заимствований и сохранением родных языковых традиций.

Литература

1. Горбунова И. В. Функциональные особенности англицизмов в русском интернет-дискурсе / И. В. Горбунова // Вестник ИГЛУ. – 2010. – № 3 (11). – С. 89–95.
2. Елистратов А. А. К вопросу о заимствованиях в молодёжном жаргоне: контрастивный анализ на материале английского и русского языков / А. А. Елистратов // Вестник ИГЛУ. – 2014. – № 2 (27). – С. 208–213.
3. Эделева И. В., Особенности употребления английских заимствований в речи современной молодёжи: лингвистический и социологический анализ / И. В. Эделева, А. Р. Мустафина // Известия ВГПУ. – 2021. – № 6 (159). – С. 123–129.

МОЛОДЁЖНЫЙ ЖАРГОН КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Дель А. Р., студентка 2 курса института юстиции,
Максименко А. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В нынешний период совершенствования русского языка явным предметом обсуждения становится массовое и местами избыточное употребление жаргонной лексики в общении молодёжи. Вне всяких сомнений, данное явление выступает как отрицательное, в первую очередь, по отношению к чистоте речи, способствует созданию ситуаций недопонимания между представителями разных возрастов, где последствия могут вытекать в более серьёзные проблемы, такие как война поколений. Более того, активное применение жаргона искажает и ухудшает обмен информацией между разными культурами, показывает учение о русском языке не в лучшем свете.

Данная проблема была актуальна в прошлом веке, актуальна по сей день и, возможно, к сожалению, будет актуальна и в будущем. Вопрос «засорения» речи посредством наполнения русского языка иностранными словами, а также появлением жаргона непосредственно в русском языке всегда вызывал интерес и, безусловно, тревогу у лингвистов.

Так, Б. А. Серебренников указывает, что «языковой базой жаргона обычно является просторечие, через которое происходит перенос лексических единиц из одной формы существования языка в другую» [2, с. 110]. Таким образом, если разговорному диалекту присущи понятия и наименования с прямой эмоциональной окраской, соответственно, и жаргоны имеют похожее свойство. В связи с тем, что жаргон формируется с ориентацией на упрощённый речевой стиль и функционирует в просторечии, его основы являются наполнением для разговорной речи людей выразительностью. Сленг в общении молодёжи активно применяется не из мыслей о том, что без него невозможно общение в принципе, жаргон рассматривается как способ подчеркнуть свою индивидуальность, разбавить дискуссию. Он является средством освежить надоевший словарный запас и делает повседневную речь менее скучной и однообразной для молодых людей. Нередко в процессе формирования новых определений слов молодёжь наделяет их дополнительным смысловым оттенком. Многие исследователи делают акцент на том, что лексика молодёжного жаргона отличается яркой экспрессией [2, с. 110].

Обсуждая молодёжный жаргон, следует помнить, что он может быть разным, в том числе и в силу гендерных различий. Опираясь на труды В. И. Желвиса, можно сказать, что раньше употребление жаргона было частым

явлением среди мужской половины населения [4]. Ненормативная лексика в большинстве случаев ранее была частью общения мужчин, однако и женская половина всё более активно начинает пополнять свой словарный запас жаргонизмами, становясь на один уровень с мужчинами. Стоит отметить, что сленг мужской и женский 25 лет назад, безусловно, отличался, у девушек он был более мягким, чем у юношей. Например, *киндер*, *отпрыск*, *спиногрыз* – жаргонизмы, встречавшиеся в лексиконе парней, *кроха*, *карапузик*, *беби* – сленгизмы, употребляемые девушками. Однако среди современной молодёжи жаргон утратил гендерные различия, к примеру, слова *краш*, *кринж*, *вайб*, *агриться* одинаково употребляются обоими половинами населения.

Важно подчеркнуть, что нормализация сленгов является вытекающим фактором из применения жаргонизмов средствами массовой информации, которые даже в важных работах не отказываются от упрощённого речевого стиля. Ярким примером проникновения сленга в официальные медиатексты служат современные заголовки и материалы крупных изданий: «На Южном Урале полицейский *крышевал* продавца контрафакта» [5], «Век воли не видать»: Самый “*хайповый*” дизайнер Демна Гвасалия показал коллекцию из “лихих 90-х”» [6].

Таким образом, жаргон ускоренно расширяется на все слои населения, проникая во всевозможные группы людей, применяется в семьях, среди профессий. Данное явление обусловлено смягчением нормативных рамок в коммуникативной культуре, а также переходом к демократическим нормам, влияющими на речь в целом.

Сленг возникает в связи с наличием разных групп людей, которых связывают различные увлечения. По данному свойству можно составить несколько категорий, которым свойственны определённые жаргонизмы, например: 1) учёба и работа – *хвост* (долг по предмету); *дедлайн* (крайний срок); *автомат* (зачёт без экзамена); 2) автомобильная тема – *тачка* (автомобиль); *тапка в пол* (резко ускориться); *ведро* (плохой автомобиль); *обвес* (внешние элементы); 3) геймерская среда – *имба* (что-то очень сильное / превосходное, *рарка* – редкий предмет; 4) музыкальная сфера – *дроп* (кульминация трека); *движ* (активность, тусовка); 5) спорт – *масса* (набор мышц); *сушка* (избавление от жира).

В конечном счёте, каждой категории людей присущи свои определённые жаргонизмы, которые употребляются преимущественно внутри таких групп. Из ненормативной лексики отдельно стоит упомянуть жаргоны в общении школьников (например, *домашка*, *хавка*, *столовка*). В связи со сменой времени, программы обучения, технологий, которые доступны подросткам, молодое поколение способно получать информацию из социальных сетей, и, увы, в частности плохую. Таким образом, ненормативная лексика закрепляется у учащихся школы. Безусловно, инициатива со стороны преподавателей по вопросу борьбы с этим присутствует, но, как показывает практика, является безуспешной. Данной проблеме следовало бы уделять куда больше внимания, так как в обиходе подростков присутствует не только нецензурная речь, также

активно применяются заимствованные слова из других языков, что усугубляет ситуацию ещё больше (*краш* (от англ. crush) – объект симпатии, влюблённости, *свайпать* (от англ. swipe) – проводить пальцем по экрану, *чилить* (от англ. chill) – отдыхать, расслабляться). Решением данной проблемы может стать обогащение словарного запаса молодёжи посредством изучения тем на уроках литературы и русского языка, тем самым развивать умение чётко формулировать свою речь, пересказывать материал, при этом не используя бранные слова и слова-паразиты. Данная работа должна проводиться систематически не только для того, чтобы избавляться от таких ситуаций, а также для того, чтобы не допускать их вовсе [1, с. 4].

На основании вышеизложенного стоит сказать, что наличие жаргона необязательно всегда носит негативный характер. Жаргонизмы способны украшать разговорную речь экспрессивностью, разбавлять пресность в личных дискуссиях. Между тем, избыточное употребление жаргонов и тем более полноценное их использование недопустимо. Избыточное применение сленга следует ограничить до минимума, чтобы развить у молодого поколения способность адекватной коммуникации между собой.

Литература

1. Швецова В. М. Жаргонная лексика в условиях молодёжной среды / В. М. Швецова, П. В. Подхватилина // Наука и образование. – 2022. – № 3. – С. 1-6.
2. Кропачева М. А. Особенности стилистической маркированности лексики молодёжного жаргона / М. А. Кропачева // МНИЖ. – 2014. – № 1-2 (20). – С. 110–111.
3. Гришкова В. И. Проявление гендерного фактора в молодёжном жаргоне / В. И. Гришкова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2006. – № 1 (3). – С. 53–56.
4. Желвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Желвис. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.
5. Карелина Е. На Южном Урале полицейский крышевал продавца контрафакта [Электронный ресурс] // МК. Челябинск. – URL: <https://chel.mk.ru/incident/2022/11/14/na-yuzhnom-urale-policeyskiy-krysheval-prodavca-kontrafakta.html> (дата обращения: 11.02.2026).
6. Булычева К. «Век воли не видать»: Самый «хайповый» дизайнер Демна Гвасалия показал коллекцию из «лихих 90-х» // Комсомольская правда. – URL : <https://www.kp.ru/daily/26851.4/3892868/> (дата обращения: 11.02.2026).

УДК 37.014.5

ПОЛИЛИНГВИЗМ ДОНБАССА, ОТРАЖЁННЫЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ

*Димитрова А. М, студентка группы 131 ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Языковая ситуация в Донбассе (территория современных Донецкой и Луганской Народных Республик) в XX веке претерпела значительные изменения, которые прослеживаются по данным переписей населения. Диахронический анализ выявляет переход от преобладания украинского языка в конце XIX – начале XX в. к доминированию русского в советский и постсоветский периоды. Это было обусловлено индустриализацией, миграциями, урбанизацией и языковой политикой, включая коренизацию 1920-х и русификацию 1930-х годов. В повседневной жизни изменения проявлялись в школах, на работе и в общении: от попыток внедрения украинского языка в образование и промышленность до его вытеснения русским как языком техники, науки и межнационального общения [1, с. 1–3].

По данным Первой всеобщей переписи 1897 года в Екатеринославской губернии, которая являлась основной частью Донбасса, украинский язык называли родным 52,4–63,9 % населения (в зависимости от уездов), русский – около 28–40 %. В сельской местности преобладал украинский, в городах и промышленных центрах – русский, что отражало аграрный характер региона. На работе в шахтах и заводах, где собирались мигранты из разных регионов, русский уже служил языком общения, а украинский оставался бытовым в деревнях [1, с. 4–5].

В 1917–1920-е гг. украинский язык активно развивался под влиянием революционных событий, но в Донбассе это встречало сопротивление. Перепись 1926 г. показала сохранение украинского большинства: в Донецкой губернии/округах украинский язык оставался родным для 52–64 % жителей, русский – для 25–40 %. Однако в городах (Сталино, Луганск) русский доминировал из-за притока рабочих. В рамках коренизации (украинизации) в 1920-е гг. пытались внедрять украинский в школы: к 1920 г. лишь в 20 % школ Донбасса преподавание велось на украинском. Чтобы укомплектовать их, привозили учителей из западных регионов и Полтавщины, но это вызвало протесты русскоязычных рабочих – забастовки и отказы от обучения. На предприятиях техническая документация (длястроек, электростанций, железных дорог) готовилась на русском, что подчёркивало его роль как языка науки и техники [2, с. 22–24].

В 1930–1950-е гг. политика русификации усилилась: в 1933 г. почти все украинские школы Донбасса были закрыты, учителей увольняли и арестовывали как «классовых врагов» или «националистов». С возникновением СССР, где экономическая и научная жизнь была централизована, русский, естественно, стал языком межгосударственного общения. В школах обязательным стал русский, а на работе (шахты, заводы) он доминировал в документации и повседневном общении. По переписям 1959 г. в Донецкой области русский язык стал родным для 53,7 %, украинский язык – для 44,4 %. К 1970 г. соотношение

изменилось: русский язык – 60,6 %, украинский язык – 37,9 %; в 1979 г.: русский – 66,5 %, украинский – 32,2 %; в 1989 г.: русский язык – 67,7 %, украинский язык – 30,6 % [3, с. 10–12].

Всеукраинская перепись 2001 г. зафиксировала пик русификации: в Донецкой области русский язык родной для 74,9 %, украинский язык – для 24,1 %. В Луганской области аналогичная тенденция: русский – около 68–70 %. В городах (более 90 % населения – горожане) русский функционировал как язык образования, СМИ и межнационального общения, в то время как украинский сохранялся в сельской местности и быту [4, с. 16–18].

В целом, данные переписей демонстрируют устойчивую диахроническую тенденцию: от преобладания украинского языка в 1897–1926 гг. к постепенному росту доли русского (с 25–40 % до 67–75 % к концу XX в.). Основные факторы – интенсивная индустриализация, миграционные потоки и последовательная советская языковая политика. Несмотря на кратковременные усилия по украинизации в 1920-е годы, сопротивление населения и последующая русификация привели к закреплению русского языка в качестве доминирующего в официальной и производственной сферах. При этом украинский сохранил позиции в сельской местности и в неформальной коммуникации, что обеспечило устойчивый полилингвизм региона, отражённый в диахроническом аспекте языковой истории Донбасса.

Литература

1. Первая советская украинизация Луганщины // КиберЛенинка. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-sovetskaya-ukrainizatsiya-luganschiny> (дата обращения: 06.02.2026).
2. Талакина Н. Г. Родной язык Донбасса (о чём свидетельствует история) / Н. Г. Талакина // Маоизм.Ру. – 2024. – URL : <http://maoism.ru/24958> (дата обращения: 06.02.2026).
3. Языки Украины // Википедия. – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_Украины (дата обращения: 06.02.2026).
4. Языковая ситуация в Донбассе: синхрония и диахрония // КиберЛенинка. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-donbasse-sinhroniya-i-diahroniya> (дата обращения: 06.02.2026).

УДК 81.161.1

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И СТАНДАРТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТНО-СМЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

*Каракича К. О., студент группы ИСИ-9а;
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации*

Язык служит не только средством общения, но и инструментом профессиональной деятельности, обеспечивая точность, однозначность и эффективность взаимодействия в конкретных предметных областях. В сфере капитального строительства и инвестирования таким инструментом является язык проектно-сметной документации (ПСД). Его изучение лежит на стыке лингвистики и отраслевой специфики, демонстрируя, как общеязыковые нормы трансформируются под влиянием требований стандартизации, юридической силы и технологических процессов. Актуальность данного анализа обусловлена тем, что качество языкового оформления ПСД напрямую влияет на реализацию масштабных экономических проектов, минимизируя риски недопонимания между участниками инвестиционно-строительного процесса. Целью данной работы является выявление и характеристика специфических языковых норм и стандартов, действующих в сфере проектно-сметного дела [3, с. 16].

Язык проектно-сметной документации формируется под прямым воздействием нормативной базы, регламентирующей состав и правила её оформления. Ключевыми документами в этой сфере являются Градостроительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», а также система сводов правил (СП) и государственных стандартов (ГОСТ).

Как справедливо отмечают исследователи, «юридическая природа проектной документации предопределяет такие качества языка, как стандартизованность, точность и неэмоциональность». Эти требования исключают возможность использования экспрессивной лексики, метафор и многозначных выражений. Каждое слово или термин должно иметь строго определённое значение, исключающее двусмысленное толкование. Например, использование терминов *должно* (обязательное требование) и *следует* (рекомендательное требование) регламентировано ГОСТ Р 1.0-2012 и строго соблюдается в текстовых частях проектов [1, с. 45].

Основу лексикона ПСД составляют три пласта:

1. Общеупотребительная лексика, используемая в своем прямом значении: *здание, стена, фундамент*.

2. Общетехническая и научная терминология: *деформационный шов, несущая способность, теплотехническая однородность*.

3. Узкоспециальная (профессиональная) терминология и аббревиатуры, закреплённые в нормативных документах: *ПЗ* (пояснительная записка), *КР* (конструктивные решения), *ОВ* (отопление и вентиляция), *ГОСТ* (государственный стандарт), *СНиП* (строительные нормы и правила) [5, с. 5].

Характерной чертой является высокая степень стандартизации не только отдельных терминов, но и целых речевых формул и клише. Например: *проектные решения разработаны в соответствии с действующими нормами и правилами, несущие конструкции запроектированы из..., отклонение от*

указанных размеров не допускается. Эти устойчивые выражения обеспечивают единообразие и полноту описания, экономя языковые средства.

Фразеология ПСД также специфична и представлена, в основном, стандартными словосочетаниями номинативного характера: *монтаж конструкций, прокладка инженерных сетей, ведение строительных работ.* Как подчёркивает А. В. Суперанская, «в терминологии важна системность, и строительная терминология представляет собой строгую систему, где каждый элемент занимает чёткое место» [2, с. 112].

На грамматическом уровне для языка ПСД характерно:

- Преобладание имён существительных, особенно отглагольных, что придаёт тексту категоричность и статичность: *возведение, устройство, соединение, анкеровка.*

- Широкое использование страдательных конструкций и возвратных глаголов, которые позволяют акцентировать внимание на действии или результате, а не на исполнителе: *бетонирование производится, соединения выполняются, установлено, что...*

- Использование настоящего времени вне временного контекста («настоящее предписания»): *Фундамент воспринимает нагрузки от вышележащих конструкций.*

- Преобладание сложных предложений, особенно сложноподчинённых с придаточными условия, цели и определительными. Это позволяет в рамках одного предложения оговорить все необходимые условия и ограничения.

Синтаксис ПСД отличается логичностью, но часто тяжеловесен. Предложения могут быть распространёнными, с большим количеством однородных членов, причастных и деепричастных оборотов, что затрудняет восприятие для неподготовленного читателя, но является вынужденной мерой для обеспечения полноты информации.

Доминирующим стилем ПСД является официально-деловой. Ему присущи все классические черты: нейтральность, объективность, безличность, стандартизация форм изложения. Эмоционально-оценочная лексика полностью отсутствует.

Композиция текстовых документов в составе ПСД строго регламентирована. Каждый раздел (пояснительная записка, описание инженерных решений) имеет жёсткую структуру: вводная часть, основная часть, заключительные положения. Это обеспечивает лёгкую навигацию и поиск нужной информации для экспертов, заказчиков и подрядчиков. Текст органично сочетается с графическими материалами (чертежами, схемами) и таблицами, образуя единый информационный комплекс [4, с. 12].

Языковая норма в сфере проектно-сметной документации представляет собой строгую систему, сформированную под влиянием внешних – нормативно-правовых и технологических – требований. Она характеризуется высокой степенью стандартизации на всех уровнях: лексическом (специальная терминология и клише), грамматическом (преобладание имён, безличных и

пассивных конструкций) и синтаксическом (сложные, но логически выверенные предложения).

Отступление от этих жёстких языковых стандартов не является лишь стилистической ошибкой; оно может привести к смысловым неточностям, стать причиной судебных споров, срывов сроков строительства и удорожания проекта. Таким образом, язык ПСД выступает не пассивным средством описания, а активным инструментом обеспечения качества, безопасности и экономической эффективности в строительной отрасли. Его дальнейшее изучение представляет значительный интерес как для лингвистов, исследующих функционирование языка в профессиональной среде, так и для практиков, заинтересованных в повышении культуры проектного дела.

Литература

1. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Айрис-пресс, 2023. – 448 с.
2. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Либроком, 2021. – 248 с.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 24.04.2020).
5. ГОСТ Р 1.0-2012. Стандартизация в Российской Федерации. Основные положения.
6. ГОСТ Р 21.1101-2013. Система проектной документации для строительства. Основные требования к проектной и рабочей документации.

УДК 81.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В РЕЧИ МОЛОДЁЖИ

*Качакулян В. И., студент 2-го курса института юстиции,
Максименко А. В., старший преподаватель кафедры русского,
иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В наше время молодёжь склонна использовать особую разновидность речи, выходящую за рамки стандартного языка, которая называется сленгом. Причиной этого явления служит развитие глобализации, а также активное использование интернета, при помощи которого иностранные слова проникают в речь молодого поколения. Исследование данной темы становится особо

актуальным среди учёных в силу массового использования англицизмов в речи молодого поколения.

Язык – это изменяющаяся и сложная гибкая система, в которой постоянно появляются новые слова, а старые постепенно выходят из обихода. В наше время, в эпоху цифровизации, когда развитие технологий вышло на новый уровень, эта проблема стала особенно важной.

Это связано с развитием интернета, наличием гаджетов практически у каждого молодого человека, благодаря чему возможность взаимодействия со всем миром стала легкодоступной. Не отказываются от англицизмов и рекламные тексты, предпочитая преподносить информацию с употреблением иностранных слов с целью охватить интересы большего количества людей, включая молодёжь, чем только усиливают заинтересованность в применении слов, пришедших из иностранных культур.

Стоит отметить, что сленг чаще всего используется с целью экономии времени, ведь в понимании подростков проще сказать *Хейтер троллит меня*, нежели следующее: *Оппонент неподобающе общается со мной, чем вызывает у меня чувство грусти*.

Учёных-языковедов всегда интересовало возникновение и использование новых слов. С. А. Бойко выделяет хаотичность применения англицизмов и заимствований в средствах массовой информации в силу заманчивости, широкого распространения и востребованности английского языка [1, с. 234]. Возвращаясь к глобализации, есть смысл посмотреть на взгляды молодёжи в целом. О. Р. Бондаренко обращает внимание на то, что английский язык ассоциируется с успехом, прогрессом, изучается в учебных заведениях для укрепления своего положения и улучшения карьерного роста [2, с. 125].

Многие языковеды выражают тревогу по поводу того, что настолько широкое распространение заимствований из английского языка в русской речи может повлечь за собой негативные последствия. Считается, что чрезмерное употребление иноязычной лексики подрывает строй русского языка и в итоге приводит к искажению национального языкового поля. Так, А. В. Кравченко и С. А. Бойко сходятся во мнении, что использование англицизмов в рекламной сфере создаёт отличающуюся от традиционной культуры систему взглядов и ценностей среди молодёжи, что, безусловно, способно привести к серьёзным проблемам, например, таким, как кардинальные перемены в общественном мышлении, где ценность и важность родного языка отходит на второй план [2 с. 124].

Попадая в систему русского языка, иностранные слова постепенно приспособляются к её нормам и правилам, начинают зависеть от языковых структур – в первую очередь, орфографических, словообразовательных и смысловых: «...интеграция английских слов является показателем высокой степени их ассимилированности: русскоязычный человек принимает их в качестве равноправных лексем, образуя от них русские дериваты и используя их в речи...» [2, с. 125].

Таким образом, главным методом формирования англицизмов служит использование аффиксов путём присоединения к иностранным словам, к их основе. Например: в глаголах чаще всего наблюдается употребление суффикса *-и-*: *хейтить*, *рофлить*, *банить*, в именах существительных можно увидеть суффикс *-ер-*: *хейтер*, *донатер*, *геймер*, *блогер*. Среди имён прилагательных же – суффикс *-ов-*: *чилловый*, *топовый*, *кринжовый*. Помимо суффиксов, есть и другой способ образования заимствованных слов – при помощи префиксально-суффиксального способа: *залайкать*, *задефать*, *заскринить*, *прочекать*. Стоит отметить тот факт, что некоторые слова, пришедшие из других языков в наш, русский язык, сохранили своё изначальное значение, например: *мьют/mute* – означает отключать звук; *фейк/fake* – подделка, ложь; *скрин/screen* – делать снимок экрана [2, с. 126].

Что касается того, какие иностранные слова чаще всего употребляются в общении, необходимо понять, при каких ситуациях используется сленг. Больше всего использование англицизмов встречается в общении подростков в социальных сетях, личных переписках, а также личном, очном общении. Тут можно встретить такие слова, как: *жиза* – *жизненное чувство*, *знакомая ситуация*; *треш* – *что-то странное, жёсткое*; *рофл* – *шутка, прикол*. Далее можно отметить такую среду, как интернет-игры, чаты. Например: *бан/банить* – *запретить доступ*; *кик/кикнуть* – *выгнать из лобби*; *фриз/фризить* – *зависать (в игре)*; *нуб* – *новичок*.

Также стоит вспомнить, что иностранные слова активно используются в медиапространстве. Известные личности, в первую очередь певцы – редко обходятся без употребления сленга в произведениях, общении, интервью. В свою очередь, молодое поколение с целью подражания кумиру начинает так же разговаривать, использовать заимствованные слова ещё более усиленно. Можно заметить применение англицизмов и в радио-телепередачах, в погоне за трендами и с целью заинтересовать как можно больше людей. Таким образом, и более взрослое поколение, так или иначе, добавляет в свой словарный запас иноязычные слова. Если молодёжь ускоренно перенимает сленг посредством пользования интернетом, то взрослые люди обзаводятся новыми словами при помощи телевизоров, где использование такой техники более понятное, привычное и интуитивное.

Подводя итог, в первую очередь, стоит сказать, что столь активное пополнение русского языка англицизмами – процесс негативный. С целью экономии времени, погони за трендами молодёжь пополняет словарный запас словами иноязычными, предпочитая обогащать речь в социальных сетях, нежели в учебных заведениях и при изучении русской литературы. Таким образом, ставится под сомнение знание собственного языка, что недопустимо. Но если посмотреть через призму истории – всё циклично. В последнее время можно наблюдать интерес к устаревшей культуре нашей страны, это просматривается в одежде, оформлении бытовой техники, соответственно, и языковая часть не останется в стороне. Есть смысл предположить, что речь молодого поколения сможет сделать самоочищение, где слова, к примеру, из XIX века вытеснят

англицизмы. Процесс глобализации, безусловно, имеет плюсы: обмен знаниями, улучшение технологий, взаимодействие с людьми по всему миру, но когда стоит вопрос об изучении собственного языка – это уже становится проблемой.

Литература

1. Бойко С. А. Англицизмы в современном русском языке: что и зачем заимствуется? / С. А. Бойко // Известия БГУ. – 2012. – № 2. – С. 232–235.
2. Эделева И. В. Особенности употребления английских заимствований в речи современной молодёжи: лингвистический и социологический анализ / И. В. Эделева, А. Р. Мустафина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 6 (159). – С. 123–129.

УДК 811.161.1

ДИАЛЕКТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДОНБАССЕ

*Колесников Д. В., студент группы 131-ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Донбасс как историко-географический регион сформировался относительно поздно, в XVIII–XIX веках, в процессе активного освоения земель Дикого поля и последующей индустриализации. До этого времени территория была слабо заселена, представляя собой пограничье различных государственных образований и кочевых племён. Именно интенсивные миграционные процессы стали ключевым фактором, определившим уникальный языковой и диалектный ландшафт региона. Заселение происходило одновременно с двух направлений: с севера и северо-запада (территории центральных русских губерний) и с юго-запада (украинские земли). Это привело к формированию зоны активного междиалектного и межъязыкового контакта [1, с. 45].

В XIX веке, с началом промышленного освоения угольных месторождений и строительством металлургических заводов, в регион хлынули потоки рабочей силы из разных губерний Российской империи. Переселенцы говорили на различных наречиях русского языка (преимущественно южнорусском и среднерусском), а также на украинских говорах. В городах и рабочих посёлках происходило смешение этих языковых стихий. В результате здесь не сформировался единый исконный народный говор, характерный для старых сельских территорий. Вместо этого сложились особые условия для возникновения регионального варианта разговорной речи, вобравшего в себя черты разных диалектов и языков [2, с. 115].

Несмотря на нивелирующее влияние литературного языка, урбанизацию и активные миграции XX века, в речи жителей Донбасса, особенно в сельской

местности и малых городах, сохраняются реликтовые черты, восходящие к говорам разного происхождения. Их можно разделить на три основные группы.

Во-первых, это черты, характерные для южнорусского наречия. К ним относится, например, яканье (произношение *бяда, сяло*), которое встречается в некоторых старых русских сёлах региона. Однако более распространённым является иканье, свойственное литературному языку и многим среднерусским говорам переселенцев. Фонетической чертой, широко представленной в регионе, является фрикативный (щелевой) звук [γ] вместо литературного взрывного [г]. Произношение слов *нога, город* как *ноуа, γород* является устойчивой приметой местной речи, унаследованной от южнорусского субстрата [3, с. 215].

В грамматике также прослеживаются южнорусские влияния, например, окончание *-е* в родительном падеже единственного числа существительных женского рода (*у жене, из хате*) или особая форма указательных местоимений (*той, тую*).

Во-вторых, значителен пласт украинских языковых элементов, или украинизмов. Они проникли в речь местного населения в результате длительного двуязычия и смешанных браков. Наибольшее их количество фиксируется в лексике. Это слова, связанные с бытом, домашним обиходом, природой: *буряк* (свекла), *цибуля* (лук), *кавун* (арбуз), *хата* (дом), *качка* (утка), *глечик* (кувшин). Эти слова настолько органично вошли в обиход, что часто не воспринимаются носителями как инородные или заимствованные, а являются частью региональной языковой нормы [4, с. 178].

В-третьих, особый пласт составляет профессиональная и социальная лексика горняков и металлургов. Шахтёрский жаргон, сформировавшийся в многонациональной среде, содержит как заимствования из разных языков (включая термины немецкого и польского происхождения, принесённые специалистами), так и переосмысленные общеупотребительные слова. Примеры: *забой, лава, бут* (пустая порода), *квершлаг* (горная выработка) – часть профессиональной терминологии. Но есть и слова, характерные для бытового общения: *коногон* (в прошлом – погонщик лошадей в шахте, позже – шахтёр, выполняющий подсобные работы), *ламповая* (помещение для хранения и выдачи шахтёрских ламп). Эта лексика создавала особую языковую атмосферу шахтёрских посёлков и городов, отделяя «своих» от остальных [5, с. 12].

В настоящее время, в условиях глобализации, унификации образования и доминирования литературного языка в СМИ, диалектные черты во всём мире подвергаются эрозии. Донбасс не является исключением. Исконные диалекты, связанные с сельской местностью, постепенно исчезают вместе с их носителями – старшим поколением. Молодёжь в своей речи ориентируется на общерусские литературные нормы, хотя и с определённой региональной спецификой.

Тем не менее, региональный вариант разговорной речи, часто называемый «донецкий региолект», продолжает существовать. Он представляет собой не совокупность архаичных диалектных черт, а устойчивый сплав из южнорусских фонетических особенностей (фрикативный «г»), лексических украинизмов и местных реалий, наложенных на литературную основу. Эта речь выполняет

важную идентифицирующую функцию, позволяя жителям региона узнавать «своих» и отличать их от приезжих из других областей России [6, с. 248].

Перспективы диалектов связаны не столько с их сохранением в первозданном виде, сколько с изучением и фиксацией языкового наследия. В последние годы активизировалась работа лингвистов по сбору полевого материала, составлению словарей региональной лексики. Понимание того, что местная речь – это часть культурного кода и истории края, способствует бережному отношению к ней. Кроме того, в условиях современных культурно-политических процессов, региональная языковая идентичность может получить новый импульс для развития, проявляясь в литературном творчестве на местном материале, в блогерской среде и повседневном общении, подчёркивающим связь с родной землёй [6, с. 250].

Литература

1. Герман К. Ф. Очерки истории Донбасса : в 2 кн. / К. Ф. Герман. – Донецк : Донбасс, 2017. – Кн. 1. – 452 с.
2. Положин М. М. Восточнославянские говоры в зонах позднего заселения / М. М. Положин // Вопросы языкознания. – 1968. – № 5. – С. 112–118.
3. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии / Р. И. Аванесов. – Москва : Учпедгиз, 1949. – 336 с.
4. Отин Е. С. Избранные труды по языкознанию / Е. С. Отин. – Донецк : Донеччина, 1999. – Т. 1 : Проблемы ономастики и лексикологии. – 400 с.
5. Мокиенко В. М. Русская региональная лексика: проблемы и перспективы изучения / В. М. Мокиенко // Региональная лексика в историко-культурном аспекте. – Санкт-Петербург : Наука, 2013. – С. 5–18.
6. Теркулов В. И. О некоторых особенностях донецкого региолекта / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире. – Симферополь : КФУ, 2018. – С. 245–250.

УДК 81`27

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ДОНБАССЕ В XIX–XXI ВВ.

*Кузовкова А. А., студентка группы 222-ЮБГП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Изучение языковых контактов является одним из ключевых направлений современной социолингвистики, поскольку процессы взаимодействия языков отражают фундаментальные изменения в социальной, культурной и исторической структуре общества. Донбасс представляет собой уникальный

регион для анализа языковых контактов, поскольку его языковая ситуация формировалась под воздействием сложного комплекса факторов, включая индустриализацию, миграционные процессы, урбанизацию и языковую политику. На протяжении XIX–XXI вв. регион выступал пространством интенсивного межъязыкового взаимодействия, что обусловило формирование специфической модели многоязычия.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного осмысления языковых процессов в поликультурных регионах. Языковые контакты в Донбассе представляют собой не только лингвистическое, но и социокультурное явление, поскольку язык в данном контексте выступает важным инструментом социальной интеграции, коммуникации и идентичности. Анализ эволюции языковых контактов позволяет выявить закономерности функционирования языков, определить механизмы языкового взаимодействия и оценить влияние социальных трансформаций на языковую систему.

Теоретической основой исследования служат положения теории языковых контактов и социолингвистики. Согласно концепции У. Вайнрайха, языковой контакт возникает в условиях двуязычия и приводит к интерференции языковых систем [2]. Э. Хауген подчёркивает, что языковые контакты являются следствием социальных процессов и сопровождаются формированием новых речевых форм [9]. В рамках социолингвистического подхода языковые контакты рассматриваются через категории билингвизма, языкового сдвига и вариативности. Дж. Фишман отмечает, что языковой сдвиг отражает изменения функционального распределения языков [8], тогда как У. Лабов связывает языковую вариативность с социальной структурой общества [4].

Формирование Донбасса как контактной языковой зоны начинается в XIX веке. Интенсивное промышленное развитие региона сопровождалось масштабными миграционными процессами, в результате которых Донбасс становился пространством взаимодействия различных этнических и языковых групп. Русский и украинский языки выступали в качестве основных коммуникативных кодов, однако языковая картина была значительно более сложной за счёт присутствия языков мигрантских сообществ. Языковые контакты данного периода носили преимущественно естественный характер и формировались в условиях повседневной коммуникации. Билингвизм становился функциональной необходимостью, связанной с социальной мобильностью и межэтническим взаимодействием.

Характерной особенностью языковых процессов XIX века являлась интерференция, проявлявшаяся в заимствованиях, изменениях фонетических и лексических структур, а также формировании смешанных речевых практик. Язык в данном контексте выполнял, прежде всего, коммуникативную функцию, обеспечивая взаимодействие различных социальных групп. Языковые контакты способствовали адаптации языков к условиям межъязыкового общения и формированию устойчивых контактных форм речи.

В XX веке языковая ситуация региона претерпевает значительные изменения. Усиление роли государственной языковой политики, процессы

стандартизации языков и урбанизация приводят к институционализации языковых контактов. Русский язык укрепляет позиции как язык межэтнического общения, образования и профессиональной коммуникации. Русско-украинский билингвизм сохраняется, однако его структура становится более сложной. Языковое поведение начинает определяться не только коммуникативными потребностями, но и нормативными факторами.

Длительное взаимодействие языков приводит к формированию региональных вариантов речи, отражающих специфику языковой среды. Интерференционные процессы приобретают устойчивый характер, проявляясь в лексике, синтаксисе и речевых моделях. Одновременно усиливаются процессы языкового сдвига, при которых один из языков приобретает доминирующее положение в институциональных сферах. Однако даже в условиях доминирования определенного языка языковая среда сохраняет высокий уровень вариативности, что свидетельствует о динамичности языковой системы [1].

Конец XX – начало XXI века характеризуются новыми социокультурными трансформациями, существенно влияющими на языковые процессы. Язык начинает выполнять не только коммуникативную, но и символическую функцию. Он становится важным элементом социальной и культурной идентичности. В этих условиях наблюдается переосмысление языковых практик, изменение языковых предпочтений и усиление роли индивидуального языкового выбора.

Современные языковые контакты характеризуются высокой динамичностью и вариативностью. Развитие медиакommunikации, цифровых технологий и новых форм дискурса способствует усложнению языковой структуры региона. Широкое распространение получают явления код-свитчинга, языковой вариативности и функционального многоязычия [10]. Эти процессы отражают гибкость языкового поведения и адаптивность языковой системы.

Эволюция языковых контактов в Донбассе сопровождается типичными социолингвистическими процессами. Интерференция проявляется в структурных изменениях языков и формировании контактных форм речи [2]. Билингвизм выступает устойчивой характеристикой языковой ситуации региона [7]. Языковой сдвиг отражает изменение функционального распределения языков под воздействием социальных факторов [8]. Языковая вариативность свидетельствует о динамичности языковой системы и её способности адаптироваться к изменяющимся условиям коммуникации [4].

Анализ языковых контактов позволяет выделить ключевые факторы их эволюции. Существенное влияние оказывают миграционные процессы, социально-экономические изменения, языковая политика и культурная идентичность. Миграции формируют многоязычную структуру региона. Индустриализация и урбанизация влияют на функциональное распределение языков. Языковая политика определяет статус языков. Культурная идентичность регулирует языковое поведение носителей.

Таким образом, языковые контакты в Донбассе представляют собой устойчивое и динамичное явление, формирующее языковую ситуацию региона

на протяжении XIX–XXI вв. Характер языкового взаимодействия определяется сложным комплексом исторических, социальных и культурных факторов. Современные языковые процессы свидетельствуют о высокой вариативности и гибкости языковой системы. Языковые контакты выступают важным механизмом формирования региональной идентичности и адаптации языков к изменяющимся условиям коммуникации.

Литература

1. Белл Р. Т. Социоллингвистика / Р. Т. Белл. – М. : Международные отношения, 1980. – 318 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев : Вища школа, 1979. – 263 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
4. Лабов У. Социальная стратификация английского языка в Нью-Йорке / У. Лабов. – М. : ЛКИ, 2007. – 340 с.
5. Масенко Л. Т. Язык и общество: социоллингвистический аспект / Л. Т. Масенко. – Киев : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2004. – 168 с.
6. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
7. Трудгилл П. Социоллингвистика: введение / П. Трудгилл. – М. : УРСС, 2003. – 200 с.
8. Фишман Дж. Социология языка / Дж. Фишман. – М. : Наука, 1991. – 284 с.
9. Хауген Э. Язык и языковые контакты / Э. Хауген. – М. : Прогресс, 1972. – 344 с.

УДК 811.161.1

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКО-УКРАИНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В ДОНБАССЕ В XX–XXI ВВ.

*Макеева Е. В., студентка группы 131- ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Русско-украинское двуязычие в Донбассе сформировалось в результате длительных исторических, социально-экономических и демографических процессов. Регион характеризуется устойчивым сосуществованием русского и украинского языков, при этом их статус и функциональное распределение менялись в зависимости от языковой политики государства и миграционных процессов. Диахронический анализ позволяет выделить основные этапы эволюции двуязычия в XX–XXI вв. [1, с. 112–114].

В начале XX в. население Донбасса было преимущественно украиноязычным в сельской местности, тогда как в городах и промышленных центрах преобладал русский язык. Индустриализация и приток рабочих из центральных регионов Российской империи способствовали распространению русского языка как языка производства и межэтнического общения. Украинский язык сохранялся в бытовой сфере и традиционной культуре сельского населения [2, с. 45–47].

В 1920-е гг. в рамках политики коренизации предпринимались попытки расширения использования украинского языка в сфере образования и административного управления. Однако в Донбассе эти меры имели ограниченный характер и встречали сопротивление русскоязычного населения. В 1930-е гг. курс был изменён в сторону русификации, что привело к сокращению украиноязычного образования и укреплению позиций русского языка в официальной коммуникации. К середине XX в. двуязычие региона приобрело асимметричный характер с доминированием русского языка в публичной сфере [5, с. 78–80].

Во второй половине XX в. русско-украинское двуязычие стало устойчивым социолингвистическим феноменом. Русский язык выполнял функции языка науки, техники, средств массовой информации и межнационального общения, тогда как украинский сохранялся преимущественно в сельской местности и в сфере традиционного общения. Переписи населения фиксировали постепенное увеличение доли русскоязычного населения и сокращение доли украиноязычных [3, с. 201–203].

В начале XXI в. двуязычие продолжало оставаться важной характеристикой языковой ситуации Донбасса. После распада СССР украинский язык получил статус государственного, однако русский язык сохранил сильные позиции в городской среде, образовании и медиа. Современная языковая ситуация характеризуется функциональной диглоссией и распространением смешанных форм речи, что свидетельствует о продолжающейся эволюции русско-украинского двуязычия [4, с. 56–58].

Таким образом, эволюция русско-украинского двуязычия в Донбассе в XX–XXI вв. обусловлена комплексом факторов: миграционными процессами, индустриализацией, языковой политикой и социально-культурными изменениями. Двуязычие региона носит динамический характер и отражает историческую трансформацию политического и социального контекста.

Литература

1. Беликов В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – URL : <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 09.02.2026).
2. Масенко Л. Т. Язык и политика в Украине XX века / Л. Т. Масенко. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-politika-v-ukraine> (дата обращения: 09.02.2026).

3. Перепись населения Украины 2001 года: языковой состав населения // Росстат-аналитика (обзорные материалы). – URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2026).
4. Языки Украины // Википедия (русская версия). – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_Украины (дата обращения: 09.02.2026).
5. Языковая ситуация в Донбассе: синхрония и диахрония. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-donbasse-sinhroniya-i-diahroniya> (дата обращения: 09.02.2026).

УДК 81.161.1

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИСТА

*Матющенко О. Е., студент группы ЭП-31а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры
прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Профессия экономиста традиционно ассоциируется с цифрами, моделями и расчётами. Однако за сухими данными всегда стоит интерпретация, аргументация и донесение смысла до конкретной аудитории: коллег, руководства, клиентов или государственных органов. В русскоязычном профессиональном пространстве именно русский язык становится тем каркасом, на котором строится вся интеллектуальная и коммуникативная деятельность специалиста. Грамотное использование языка превращает разрозненные расчёты в убедительную аналитику, а владение его нормами и стилями – в показатель профессиональной надёжности и компетентности.

Деятельность современного экономиста немислима без создания текстов. От краткой служебной записки до комплексного аналитического обзора – всё требует ясности, логичности и соответствия нормам деловой и научной речи. Как отмечал лингвист А. Н. Васильева, «научный стиль речи – это язык науки, и самое главное в нём – точность, логичность, объективность» [1]. Это в полной мере относится к экономическим текстам, где неверно выбранное слово может исказить смысл прогноза или рекомендации.

Ключевой аспект – владение специальной терминологией. Экономист должен не только понимать значения терминов, но и точно употреблять их в контексте. Путаница между понятиями *рентабельность* и *прибыль*, *ликвидность* и *платёжеспособность* в официальном документе недопустима. Работа с терминологией требует постоянного обращения к авторитетным источникам и эталонным текстам. Так, в классическом труде «Экономикс» П. Самуэльсона и У. Нордхауса (в его русскоязычных изданиях) можно наблюдать образцы чёткого и системного введения и использования сложных категорий, что служит ориентиром для отечественных специалистов [5].

Особое значение имеет навык построения письменной аргументации. Экономический отчёт или обоснование инвестиционного проекта – это, по сути, научное рассуждение, целью которого является убеждение читателя. Здесь на первый план выходит логика изложения, связность текста и умение выделить главное. Как писал философ и логик С. И. Поварнин в классическом руководстве по искусству спора и убеждения, «доказательство должно быть не только истинным по содержанию, но и правильным по форме» [4]. Для экономиста эта форма воплощается в структурированном тексте на русском языке: от постановки цели и методов через анализ данных к выводам и рекомендациям.

Устная речь экономиста также является мощным профессиональным инструментом. Презентации, выступления на совещаниях, переговоры требуют чёткой дикции, умения импровизировать, отвечать на вопросы и адаптировать сложный материал под уровень аудитории. Искусство публичной речи, включающее риторические приёмы и управление вниманием, исторически было неотъемлемой частью русской интеллектуальной культуры, о чём подробно пишет в работах по ораторскому мастерству А. К. Михальская [3].

Наконец, русский язык служит для экономиста средством работы с огромным массивом профессиональной информации: законами, нормативными актами, государственными стандартами. Точность их понимания и интерпретации зависит от языковой чуткости. Юридический аспект экономической деятельности, выраженный в специфическом подязыке русского законодательства, делает эту задачу особенно важной. Как справедливо указывает юрист и лингвист Т. В. Губаева, «язык права – это профессиональный язык, обслуживающий сферу правовых отношений, отличающийся нормативностью, точностью и формальной определённостью» [2]. Экономист, не владеющий этим регистром, рискует допустить серьёзные ошибки.

Таким образом, русский язык выполняет в работе экономиста отнюдь не вспомогательную, а системообразующую функцию. Он является:

1. Инструментом точного мышления: позволяя корректно оперировать понятиями и строить логические конструкции.
2. Средством профессиональной коммуникации: обеспечивая эффективное взаимодействие внутри профессионального сообщества и с внешней средой.
3. Фундаментом профессиональной репутации: где грамотность, ясность и убедительность речи становятся маркерами профессионального мастерства.

Совершенствование языковых навыков – владение стилями, расширение словарного запаса, развитие риторических способностей – должно рассматриваться экономистом как непрерывная и неотъемлемая часть профессионального роста. В конечном счете, качество экономического решения зависит не только от того, как оно просчитано, но и от того, как оно сформулировано, представлено и обосновано на русском языке.

Литература

1. Васильева А. Н. Основы культуры речи / А. Н. Васильева. – М. : Русский язык, 1990. – 112 с.

2. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М. : Норма, 2003. – С. 7.
3. Михальская А. К. Основы риторики : Мысль и слово / А. К. Михальская. – М. : Просвещение, 1996. – 189 с.
4. Поварнин С. И. Искусство спора. О теории и практике спора / С. И. Поварнин. – М. : Наука, 1993. – 54 с.
5. Самуэльсон П. Экономикс / П. Самуэльсон, В. Нордхаус. – М. : Вильямс, 2007. – С. 25–30.

УДК 811.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОЛЕКТА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

*Осичкина В. Е., студентка группы 131-ЮБУП,
Гулякина Е. В., ст. преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Донбасс как историко-культурный регион представляет собой сложный лингвистический феномен, речь жителей которого долгое время оставалась на периферии академического интереса и зачастую ошибочно характеризовалась как «суржик» – бессистемная смесь русского и украинского языков. Лишь в последние десятилетия, в рамках активно развивающейся лингвистической регионалистики, эта речевая система получила определение донецкого региолекта – целостной и исторически обусловленной территориальной разновидности русского языка [3, с. 5; 4, с. 12].

Целью данной работы является комплексный анализ лингвистических особенностей донецкого региолекта в диахроническом аспекте: от историко-социальных условий его генезиса до современного состояния и научной рефлексии. Актуальность исследования определяется не только внутренними задачами лингвистики, но и значимостью языка как ключевого компонента культурной идентичности жителей Донбасса, особенно в контексте современных общественно-политических процессов [2].

Формирование уникального языкового ландшафта Донбасса является прямым следствием многовековой и многослойной истории региона. Этот процесс можно разделить на несколько ключевых этапов, каждый из которых оставил свой след в структуре региолекта.

Досоветский период: субстратная основа. Изначальный лингвистический ландшафт определялся взаимодействием двух мощных диалектных массивов: донских казачьих говоров, представлявших южнорусское наречие, и украинских (малороссийских) крестьянских диалектов, доминировавших в сельской местности. Именно на этой базе начала складываться местная речевая традиция.

Эпоха индустриализации: формирование «плавильного котла». Кардинальный перелом наступил на рубеже XIX–XX веков с открытием угольных месторождений и бурным промышленным ростом. Донбасс стал магнитом для массовой миграции рабочих, инженеров и управленцев из самых разных губерний Российской империи – от Центральной России до Поволжья. Как точно подметил писатель и публицист О. Измайлов, обращаясь к историческому контексту, регион стал «точкой притяжения для сильных и независимых характеров», что не могло не отразиться на языке [1, с. 45].

В этих условиях русский язык, уже обладавший статусом официального, естественным образом стал лингва франка – универсальным средством межэтнической и профессиональной коммуникации для полиэтничного сообщества шахтёров, металлургов и строителей. Этот процесс заложил основу для доминирования русской языковой стихии, но в её специфической, трансформированной местными условиями форме.

Советский и постсоветский периоды: урбанизация и политизация. В советскую эпоху массовая урбанизация и всеобщее образование способствовали дальнейшей нивелировке черт исконных диалектов и сближению речи с литературной нормой, однако не устранили полностью регионально маркированные особенности, которые перешли в разряд городского просторечия.

Новый драматический виток в языковой истории Донбасса начался после 1991 года, а особенно – после 2014 года, когда языковой вопрос перестал быть исключительно лингвистическим и приобрёл острую политическую и идентификационную окраску. Отмена закона о региональных языках на Украине была воспринята в Донбассе как акт культурной дискриминации, что, по мнению исследователя А. Ревякиной, стало одной из глубинных причин социального взрыва, «превратив язык в линию фронта» [2].

Этот контекст резко актуализировал необходимость научного осмысления и легитимации местной речи.

Донецкий региолект представляет собой сформировавшуюся систему, черты которой прослеживаются на всех уровнях языка. Фонетический облик является одной из наиболее узнаваемых черт. К ним относятся:

– «Гэканье»: Произношение звонкого фрикативного [ɣ] (увулярного или фарингального) на месте взрывного литературного [g] в словах типа *город*, *нога*. Эта черта, восходящая к южнорусским говорам и украинскому субстрату, является ярким маркером региолекта.

– «Шоканье» или «Чоканье»: Произношение [ш] или [ч] на месте литературного сочетания [чт] в словах *что*, *чтобы* ([ш]тобы, [ч]обы).

– Особенности вокализма: Наличие южнорусского аканья (неразличение [о] и [а] в безударных позициях), но часто с менее выраженной редукцией, чем в центральных говорах. Также отмечается специфическая интонационная мелодика, отличающаяся от московской или петербургской.

На уровне грамматических и синтаксических черт наиболее заметно влияние украинского языкового субстрата, которое проявляется не в прямом заимствовании форм, а в калькировании конструкций:

– Употребление предлогов: Использование предлога *с* вместо *из* (*приехал с Донецка, вернулся с шахты*), предлога *за* в значении *о* (*разговаривать за политику*).

– Синтаксические конструкции: Возможно использование конструкций типа *у меня есть* в значении *я имею* по аналогии с украинским *у мене є*.

– Формы глаголов: В просторечии встречаются формы повелительного наклонения типа *едь* вместо литературных *поезжай* или *езжай*.

Также не стоит забывать о профессионализмах и шахтёрском жаргоне. Сюда входят слова, известные по всему угольному бассейну, но ставшие частью общего просторечия: *террикон* (отвал пустой породы), *балда/балдичка* (кувалда), *тормозок* (еда, взятая на работу), *мачмала* (смесь воды и угля).

Заимствования из украинского языка, часто с семантическим сдвигом или сужением значения. Например, *паска* (не просто кулич, а именно пасхальный), *ставок* (часто не природный, а промышленный пруд-отстойник), *буряк* (свекла) [2].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что речь Донбасса представляет собой не случайный набор отклонений, а исторически сложившийся донецкий региолект – устойчивую и системную территориальную разновидность русского национального языка. Его специфика, проявляющаяся на фонетическом, грамматическом и особенно лексическом уровнях, является прямым отражением сложной истории региона, в которой переплелись традиции донского казачества, украинского крестьянства и полиэтничного индустриального сообщества.

Современный этап характеризуется переходом от стихийного бытования этой речевой системы к её академическому изучению и кодификации. Этот процесс имеет не только сугубо лингвистическое, но и глубокое социокультурное значение. Научное осмысление и легитимация донецкого региолекта способствуют укреплению языковой и культурной идентичности жителей Донбасса, доказывая органическую связь их уникальной речевой практики с общерусским языковым пространством и внося существенный вклад в сокровищницу отечественной лингвистической регионалистики.

Литература

1. Измайлов О. Донбасс для «чайников» / О. Измайлов. – Донецк : [б. и.], 2017. – 200 с.
2. Ревякина А. Донбасс за русский с гармыдером и гапльком. Как язык стал причиной самой страшной войны XXI века [Электронный ресурс] / А. Ревякина // Ukraina.ru. – 2019. – 21 февр. – URL : <https://ukraina.ru/20190221/1022762884.html?ysclid=mldju1fyoi826940760> (дата обращения: 08.02.2026).

3. Теркулов В. И. Донецкий региолект : монография / под ред. В. И. Теркулов. – Донецк : [б. и.], 2019. – 282 с.
4. Теркулов В. И. Современные подходы к изучению региональных вариантов русского языка (на примере Донбасса) / В. И. Теркулов // Вестник ДонНУ. Сер. «Филологические науки». – 2021. – № 3. – С. 10–22.

УДК 81'23:81'42:159.923

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МНОГОЯЗЫЧИЯ: ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ БИЛИНГВОВ

*Приймак А. С., студентка 2 курса института юстиции,
Максименко А. В., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В эпоху глобализации и интенсификации межкультурных коммуникаций проблема многоязычия приобретает особую значимость для современной науки. Стремительное развитие миграционных процессов, расширение международных образовательных программ и профессиональной мобильности создают условия для роста числа билингвов и полиглотов в мировом сообществе. Что касается Донбасса, то исторически сложившуюся языковую ситуацию на данной территории можно охарактеризовать как полилингвальную с доминирующим билингвизмом [1, с. 103].

Специфика языковой ситуации нашего региона делает актуальным изучение фундаментальных механизмов языковой способности человека, которая представляет собой ключевую и до сих пор во многом неисследованную функцию человеческого мозга. Язык – это фундаментальное достижение эволюции. Система коммуникации человека обладает принципиальным отличием от средств общения других живых существ, главным из которых считается практически бесконечная возможность применять рекурсию. Под рекурсией мы понимаем уникальную способность языка порождать вложенные предложения и конструкции, например, когда базовое предложение *Петя говорит неправду* может быть расширено до *Оля знает, что Петя говорит неправду*, а затем до *Ваня догадывается, что Оля знает, что Петя говорит неправду*. Будучи свойственной исключительно нашему виду, эта способность едина для всего человечества. Представители любых народов и культур в своей речи опираются на общий набор базовых грамматических принципов и используют звуки из определённого спектра, зафиксированного в международной фонетической системе.

Исследуя универсальные механизмы языковой способности, особое внимание следует уделить феномену билингвизма, который представляет собой «...способность индивида использовать в общении два или более

языков» [2, с. 78]. При изучении речевой деятельности у билингвов ключевым аспектом выступает процесс взаимовлияния двух языковых систем в сознании человека, владеющего двумя языками: родным и дополнительно приобретённым.

Естественный билингвизм в Донбассе, имеющий культурно-этнические корни [3], формируется в раннем детстве, при этом кардинально отличается от изучения второго языка во взрослом возрасте. Основой двуязычия служит регулярное и мотивированное общение ребёнка на двух языках, что обеспечивает необходимый объём речевого материала. Кроме того, детская языковая система находится в стадии активного формирования и ещё не подверглась окончательной консолидации, что делает её более гибкой для усвоения новых кодов. Такой ранний опыт билингвизма оказывает многостороннее положительное влияние, затрагивает сферы когнитивного и социального развития. «Чтобы переключиться с одного языка на другой, ребёнок должен подавить другой язык. Это тренирует так называемый когнитивный контроль. И это, вероятно, основной фактор, который позволяет предположить, что когнитивный контроль двуязычного ребёнка развивается быстрее, чем у одноязычного человека» [4, с. 3452].

Методология изучения второго языка напрямую воздействует на когнитивные процессы человека. Второй язык, как и родной, осваивается произвольно – через наблюдение и выявление закономерностей. Тем не менее, существует риск формирования так называемого «стихийного» билингвизма, при котором второй язык может быть усвоен частично или с отклонениями от нормы. Подобная ситуация способна негативно отразиться и на качестве владения первым, родным языком. Как указывает исследователь Э. Э. Саркисов, «...когда второй язык, уступающий в своём развитии первому, подвержен интерференциальному влиянию со стороны первого после использования последнего в определённой социально-коммуникативной сфере, второй язык будет забываться» [5, с. 192].

У билингвов когнитивный резерв формируется благодаря специфике их речевого общения. Во время коммуникации мозг любого человека выполняет двустороннюю задачу: преобразует мысли в языковые конструкции и декодирует поступающие высказывания. Однако у людей, владеющих двумя языками, этот процесс имеет дополнительную сложность. При порождении речи им необходимо постоянно выбирать, на каком языке кодировать мысль, а при восприятии – оперативно определяет, на каком языке происходит общение, чтобы корректно его интерпретировать. Таким образом, речевая функция в сознании билингва является зоной постоянной конкуренции между двумя языковыми системами.

Интересно, что билингвальная группа изначально оказалась в невыгодном положении: их вербальные показатели, оцененные методом названий изображений, были ниже в сравнении с детьми-монолингвами и группой иммерсии [4, с. 3453]. Социально-экономический статус также был менее высоким – родители имели в среднем более скромный доход и уровень

образования, а также реже практиковали совместное чтение с детьми. Тем не менее, именно в этой группе были зафиксированы особые когнитивные достижения.

Позднее освоение второго языка сопровождается иной нейропсихологической и нейрофизиологической организацией речевых функций. Это различие объясняется уже завершившимся созреванием мозговых структур и необходимостью выстраивания новых, более комплексных когнитивных схем.

Отдельный аспект различий касается обработки информации. У билингвов оба языка сохраняют постоянную активность, что создаёт дополнительную когнитивную нагрузку в процессе использования языка. Таким образом, это делает процесс использования языка более ресурсозатратным, по сравнению с монолингвами.

Кроме отличий в работе нервных клеток, владение двумя языками воздействует и на анатомическое строение мозга. Увеличенная концентрация серого вещества в левой нижней части теменной доли наблюдается у тех, кто раньше начал осваивать второй язык и достиг в нём более высокого уровня мастерства. Нарушения в этой зоне, как установили учёные, приводят к спонтанным и неконтролируемым переходам с одного языка на другой, что оказывает на её ключевое значение в регуляции языкового баланса. Аналогичные структурные преобразования отмечаются и в мозге двуязычных представителей разных возрастных групп – как у детей, так и пожилых. Таким образом, билингвизм способен не просто преобразовывать принципы обработки данных нейронными сетями, но и физически трансформировать эти сети.

Таким образом, билингвизм представляет собой не только лингвистическое явление, но и важный фактор когнитивного развития, оказывающий существенное влияние на когнитивное и социальное развитие человека, способствует более эффективной обработке информации на протяжении всей жизни.

Литература

1. Кудрейко И. А. Языковая ситуация в Донбассе: синхрония и диахрония / И. А. Кудрейко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 8 (131). – С. 103–109. – EDN UZPUBI.
2. Новицкий Н. Ю. Особенности функционирования мозга билингвов при выполнении речевых и общих когнитивных задач / Н. Ю. Новицкий // Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5, № 4. – С. 77–84. – DOI 10.17759/jmfr.2016050408. – EDN YJLDMP.
3. Курохтина Т. Н. Культурно-этническое двуязычие на Украине как результат длительного контактирования украинского и русского языков / Т. Н. Курохтина // Славянский альманах. – 2020. – № 1–2. – С. 346–364. – DOI 10.31168/2073-5731.2020.1-2.2.03. – EDN TBQMPС.

4. Радова С. А. Когнитивные особенности билингвов / С. А. Радова, О. А. Калмык // Столыпинский вестник. – 2022. – № 6. – С. 3449–3459.
5. Саркисов Э. Э. К вопросу о «чистом» билингвизме, или Возможен ли билингвизм без интерференции? / Э. Э. Саркисов // Актуальные проблемы англоязычной филологии, лингвистики и межкультурной коммуникации : сборник избранных статей по филологии и лингвистике за 2021–2022 гг. – Ростов-на-Дону : Профпресслит, 2022. – С. 188–199. – EDN LKLIKJ.

УДК 81.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

*Ракипова В. Д., студентка группы ИСИ-9а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры
прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Сметная документация (локальные, объектные и сводные сметные расчёты, ведомости ресурсов и пр.) представляет собой неотъемлемый элемент управления инвестиционно-строительными проектами. Будучи юридическим и финансовым документом, она подчиняется строгим нормам оформления, закреплённым в методических указаниях (МДС, ГЭСН). Однако помимо экономической и правовой составляющих, смета является также особым типом текста со специфической лингвистической организацией. Его изучение в аспекте лингвистики профессионального общения позволяет выявить, как языковые средства обслуживают ключевую прагматическую задачу – максимально точно, недвусмысленно и объективно зафиксировать объёмы, стоимость и условия производства работ. Целью данной работы является системный анализ лингвистических особенностей сметной документации, определяющих её как самостоятельный жанр официально-делового подстиля в технико-экономической сфере [4, с. 81].

Лексико-семантический уровень: доминанта терминологии и стандартизированной номенклатуры.

Наиболее яркой чертой языка смет является его предельная терминологическая насыщенность. Лексическое наполнение текста состоит из:

1. Собственно сметных терминов: *прямые затраты, накладные расходы, сметная прибыль, индексация, ресурсный метод*. Эти единицы обладают жёсткой дефиницией в рамках отраслевых методик.

2. Строительно-технологических терминов: наименования работ (*устройство монолитного фундамента*) и материалов (*бетон тяжёлый В25 П4 F150 W6*), заимствованных из проектной документации и нормативов (ГЭСН). Их выбор строго регламентирован, синонимия недопустима.

3. Клишированных формулировок и штампов: *Согласно проекту..., В ценах 2001 года..., Всего по смете..., В том числе НДС*. Эти устойчивые блоки минимизируют интерпретационные риски.

Важнейший принцип – стандартизация номинации. Один и тот же вид работы, материала или механизма должен называться одинаково во всех документах проекта, что обеспечивает машиночитаемость и возможность автоматизированного подсчёта. Это порождает сложные, развёрнутые номинативные цепочки, несущие в себе свёрнутую техническую спецификацию (*Изоляция трубопроводов цилиндрами из вспененного синтетического каучука, толщина 30 мм*).

Морфосинтаксический уровень: номинативность, безличность и регламентированная структура.

Синтаксис сметной документации характеризуется доминированием номинативных конструкций. Преобладают не предложения в полном смысле слова, а именные перечни и таблицы, где сказуемое как бы подразумевается (*Устройство стяжки – 100 м² – 15 000 руб.*). Глагольные формы, если и присутствуют, носят инфинитивный или отглагольно-именной характер (*на выполнение работ, для монтажа*), что усиливает общий статичный, констатирующий характер текста.

Характерной чертой является имперсональность (безличность). Активный субъект действия (*сметчик, подрядчик*) намеренно устраняется из текста. Вместо этого используется пассивная конструкция или указание на нормативный источник: *Принято по ГЭСН 12-01-001-01*. Это служит цели объективации данных, представления их как независимых от составителя фактов [3, с. 137].

Структура документа строго иерархична и регламентирована. Она реализуется через:

- Табличную организацию, задающую логические связи: графы «Шифр», «Наименование», «Кол-во», «Стоимость».

- Сложноподчинённые заголовки разделов и подразделов, отражающие иерархию работ.

- Повторяющиеся синтаксические модели внутри каждой позиции, что превращает смету в формализованный набор данных, а не повествовательный текст.

Стилистически язык смет является эталонным образцом информационно-расчётного подстиля официально-делового стиля. Для него характерны:

- Нейтральность и бесстрастность: полное отсутствие экспрессии, оценочности, метафор.

- Точность, переходящая в педантичность: достигается через цифровые данные, коды, шифры и детальные спецификации.

- Лаконизм и компактность: информация подаётся с минимальными избыточными элементами, часто в виде аббревиатур и условных обозначений (*ФОТ, ЭММ, ЗПМ*).

- Цифровая доминанта: текстовая часть служит поясняющим обрамлением для числовых данных, которые являются смысловым ядром документа [1, с. 42].

Прагматическая функция – директивно-информативная – полностью определяет форму. Язык здесь инструмент не для убеждения или описания, а для однозначной фиксации и передачи контрактных обязательств. Каждая лексема и синтаксическая конструкция работают на минимизацию возможных разночтений, что придаёт документу прескриптивную (предписывающую) силу.

Лингвистические особенности сметной документации формируют целостную систему, все элементы которой подчинены единой цели: обеспечить максимальную степень точности, объективности, стандартизации и юридической защищённости экономической информации. Этот подъязык характеризуется гипертрофированной номинативностью, терминологической жёсткостью, синтаксической регламентацией и стилистической нейтральностью. Его изучение лежит не только в плоскости лингвистики, но и в области документоведения, экономики и права. Понимание этих особенностей критически важно для:

- Составителей смет, так как грамотное владение профессиональным языком – ключевая компетенция.

- Участников строительного процесса, которым необходимо безошибочно интерпретировать документ.

- Разработчиков ПО, создающих системы автоматизированного составления и проверки смет на основе языковых шаблонов.

- Юристов и экспертов, разрешающих споры на основе точного лингвистического анализа формулировок [2, с. 235].

Дальнейшее развитие цифровых технологий не отменяет, а, напротив, ужесточает требования к лингвистической стандартизации сметных текстов, делая их всё более формализованным кодом, понятным как человеку, так и машине.

Литература

1. Быкова Т. А. Терминологическая номинация в сметном деле : проблемы унификации / Т. А. Быкова, М. Ю. Сидорова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 73. – С. 35–52.
2. Голев Н. Д. Юрислингвистика-XXI: нормативное и дескриптивное в языке и речи / Н. Д. Голев, К. И. Бринев. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 452 с.
3. Купина Н. А. Язык и стиль нормативных документов : лингвоправовой аспект / Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 415 с.
4. Шмультская Л. С. Теория и практика эффективного речевого общения / Л. С. Шмультская, М. В. Веккесер, С. В. Мамаева; под общ. ред. Л. С. Шмультской. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2021. – 122 с.

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

*Савенко К. Э., студентка 2 курса,
Максименко А. В., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языка и культуры речи
ДГУЮ Минюста России*

Общеизвестно, что жаргонизмы представляют собой лексические единицы с ограниченной сферой употребления, присущие всем естественным языкам. Особый интерес вызывает молодёжный жаргон, поскольку он служит зеркалом языкового мировосприятия молодого поколения. Более того, наблюдается тенденция к активному включению молодёжного сленга в медиапространство, включая теле- и радиовещание, печатные СМИ, а также его повсеместное распространение в интернете.

Исследование молодёжного жаргона сегодня приобретает особую актуальность, что, в свою очередь, обусловлено его популярностью в отдельных социальных группах, высокой скоростью изменений внутри самого явления и повсеместным использованием среди молодого поколения.

Развитие научного подхода к изучению молодёжного жаргона прошло несколько важных этапов. В языкознании сформировалось новое направление – эколингвистика (или лингвоэкология) [4], которое позволяет исследовать молодёжный жаргон через призму взаимодействия языка и среды его функционирования. Такой подход даёт возможность анализировать не только внутриязыковые аспекты (культуру речи, стилистику, риторiku), но и коммуникативные свойства речи, включая правильность, ясность, логичность и выразительность [2, с. 123].

Теоретические основы изучения молодёжного языка были заложены ещё И. А. Бодуэном де Куртенэ, который, исследуя живые языки и доказывая приоритет речевой деятельности в сущности языка, обратил внимание на особую речь различных социальных групп: студентов, гимназистов, семинаристов [3, с. 12]. Однако учёный не предложил систематического подхода к изучению этого явления.

Качественный скачок в изучении молодёжного жаргона произошёл в 1960-х годах, когда научное сообщество проявило повышенный интерес к языку школьников и студентов. Этот период ознаменовался появлением фундаментальных исследований, направленных на комплексный анализ социального расслоения жаргонов. Учёные сосредоточились на изучении механизмов взаимодействия различных языковых пластов, включая просторечие и литературный язык, а также на выявлении специфических черт молодёжного произношения.

Одним из первых к теме молодёжного языка обратился К. И. Чуковский. Писатель пытался проникнуть в мироощущение подростков, которым хочется использовать свежие, необычные, причудливые слова – такие, что не звучат в устах учителей, родителей и людей старшего поколения. К. И. Чуковский

подчёркивал, что молодые люди стремятся выработать для себя особый языковой код – создать собственный, молодёжный язык, своего рода средство общения внутри своего круга, «касты» или сообщества [5, с. 105].

Молодёжный жаргон существует давно, но его нынешняя форма существенно отличается от прежних вариантов. Если раньше на него заметно воздействовали элементы тюремного жаргона, то сейчас основные источники новых выражений – это рэп-музыка (*хоуми* – близкий друг, от англ. *homey*; *вайб* – атмосфера, настроение, от англ. *vibe*), видеоигры (*имба* – что-то превосходное, несбалансированное, от англ. *imbalance*; *го* – пойдём, от англ. *go*) и онлайн-среда (*жиза* – жизненная ситуация, правда жизни; *изи* – легко, просто, от англ. *easy*).

Большая часть подобных слов приходит из английского языка и приспособливается к русскому словообразованию – к ним добавляются русские глагольные суффиксы. Благодаря этому появились такие слова, как *чилить* (англ. *chill*) и *флексить*.

Слово *флексить* происходит от английского *flexible* (‘гибкий’) и связано с глаголом, обозначающим ‘сгибать’. В молодёжной речи оно употребляется, когда речь заходит о мероприятиях вроде вечеринок, концертов или походов в клубы – там важно уметь двигаться в ритме музыки, то есть гибко подстраиваться под такт.

Ещё один пример – акроним *РОФЛ*, который можно считать аналогом привычного *ЛОЛ*, но с более яркой эмоциональной окраской. В разговорной речи он нередко превращается в глагол *рофлить* – то есть смеяться от души, безудержно веселиться. На интернет-форумах и в мессенджерах порой можно увидеть вопрос *Олды тут?*, где *олды* (от английского *old* – ‘старый’) выступает как существительное во множественном числе и обозначает давних, опытных пользователей площадки.

Осваивать подобные новые слова бывает непросто, однако в этом есть свой смысл: многие из них со временем выходят за рамки узкого сообщества и становятся общеупотребительными. Русский язык, напротив, находится в постоянном развитии: его словарный запас регулярно пополняется, а свежие выражения привлекают внимание не только специалистов-языковедов, но и психологов.

Молодёжный жаргон можно считать своеобразным отражением образа жизни современного поколения. Поскольку молодые люди сегодня тесно связаны с цифровыми технологиями и значительную часть времени проводят в онлайн-пространстве, их речь ярко демонстрирует эту особенность.

Сейчас влияние тюремного жаргона на молодёжную речь практически сошло на нет, и звучание сленга стало более лёгким и игривым – он уже не вызывает столь резкого неприятия у слушателей.

По сути, молодёжный жаргон – это способ создать собственный языковой код, свойственный определённому поколению. Каждому новому поколению важно отделиться от предыдущего, обозначить свои границы и подчеркнуть свою самобытность. Жаргон выполняет роль своеобразного «шифра»: он помогает быстрее находить единомышленников и отличать «своих» от «чужих».

В каком-то смысле это напоминает тайный язык, с помощью которого подростки могут обмениваться сообщениями в присутствии взрослых [1].

Освоение молодёжного жаргона представителями старших поколений способствует более эффективному пониманию ценностных ориентиров и поведенческих паттернов молодого поколения. Язык многое может рассказать о том, как живут и что ценят молодые люди.

Молодёжный жаргон – динамичное и творческое явление, которое часто воспринимается как новшество, возникшее в интернет-среде. Однако в действительности понятие жаргона в русском языке существует уже более двух столетий – оно появилось одновременно с возникновением первых учебных заведений (бурсацкий жаргон дореволюционной России *слямзил, стибрил, свистнул* в значении ‘*украл*’) [6].

Жаргон прошёл значительный путь развития: он эволюционировал, расширял лексический охват и в итоге сформировал словарный запас, насчитывающий свыше десяти тысяч слов. Отдельные жаргонизмы сохранились до современности – при этом они могут сохранять изначальное значение либо приобретать новые смысловые оттенки. Например, слово *тачка* (‘*автомобиль*’) изначально использовалось в криминальном жаргоне и ныне сохранило своё основное значение, но стало общеупотребительным в молодёжной среде, при этом приобрело дополнительные оттенки значения (например, может характеризовать статус владельца).

С появлением новых понятий и явлений молодёжный жаргон продолжит развиваться и пополняться свежими лексическими единицами. Вопрос о его изучении остаётся дискуссионным: каждый сам решает, стремиться ли адаптироваться к современным языковым реалиям и находить общий язык с молодым поколением или сохранять чёткое разграничение между речью взрослых и подростков.

Для лингвистов же изучение жаргона – обязательная задача: сам факт активного обогащения языка неологизмами и жаргонными выражениями служит наглядным подтверждением его жизнеспособности и динамичного развития.

Литература

1. Анищенко О. А. Эволюция обозначения молодёжной речи: от технического языка до жаргона / О. А. Анищенко // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 108–117.
2. Бернацкая А. А. О трёх аспектах экологии языка / А. А. Бернацкая // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2003. – № 4. – С. 122–125. – EDN YPNMMX.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Предисловие к словарю В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («Жаргон тюрьмы»)» / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Санкт-Петербург : тип. А. Г. Розена, 1908. – С. 3–24.
4. Пылаева Е. М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века / Е. М. Пылаева // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2011. – № 5. – С. 106–113.

5. Чуковский К. И. Живой как жизнь: о русском языке / К. И Чуковский. – Москва : ZEBRA E, 2010. – 303 с.
6. Чумакова О. В. Актуальные проблемы культуры речи школьников / О. В. Чумакова // Актуальные вопросы преподавания предметов гуманитарного цикла. – 2017. – № 2 (2). – С. 85–86.

УДК 811.16

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА

*Седнева В. С., студентка группы 222-ЮБГП,
Максименко А. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Язык – главная ценность народа. Это сердце культуры, основа идентичности и душа народа. Каждое слово, каждая фраза несёт в себе историю, традиции и менталитет, формирующие уникальность каждой нации. Язык играет ключевую роль в передаче знаний, опыта и ценностей от поколения к поколению, создавая мост между прошлым и настоящим. Так, на территории Донбасса, на протяжении всего его исторического развития, функционировало несколько языков. Донбасс, находящийся на стыке различных культур и языковых традиций, стал своеобразной ареной для взаимодействия и взаимовлияния различных этнических групп. Влияние индустриализации, миграционных процессов и политических факторов сформировало его уникальный лингвистический ландшафт. Данный вопрос также рассматривали такие авторы, как Е. Ю. Горбачёва [2], И. А. Кудрейко [4], С. А. Грушина [3], С. А. Гапонова [1] и др.

Донецкий край имеет уникальное географическое расположение, поэтому он является полиэтническим регионом: на его территории, до 2014 года, проживало 133 этнических группы, при этом русский и украинский языки практически полностью удовлетворяли коммуникативные потребности населения региона. Донецкая область была многоязычной на протяжении всей своей истории, поэтому языковую ситуацию в Донбассе можно описать как полилингвальную с доминирующим билингвизмом [4]. Это обусловлено

своеобразием заселения края. Но всё же, основная масса жителей Донбасса говорит на русском языке, воспринимая его как родной, тем самым идентифицируя себя как русских, независимо от того, к какой этнической группе «по наследованию» они себя относят. Из этого вытекает, что русский язык можно рассматривать как национальный язык Донбасса.

После распада Золотой Орды часть кочевого народа Донецкого края вошла в войска разных государств. Потеряв земли и семьи, некоторые из них стали вольными воинами – казаками. Центры расположения казачества были на Дону и Запорожье, где возникло казачье объединение Запорожская Сечь. Запорожские казаки признавали власть польского короля, донские – русского царя.

Донецкий край как часть Российского государства начался со Святогорского монастыря, первое упоминание о котором датируется 1620 годом.

Во второй половине XVII века появились первые поселения Донецкого края, такие русские города, как Тор, Маяцк, Райгородок, а в 1701 году был основан Бахмут.

В XVIII-XIX веках территория Донбасса была преимущественно сельскохозяйственной. Почти вся территория этих земель оказалась под влиянием запорожского и донского казачества.

XVIII век характерен многочисленными войнами, которые Российская империя вела с Турцией. В последствии все эти войны привели к поэтапному заселению Донецкого края восточнославянским населением, христианским населением Крыма и выходцами с Балкан. К концу XVIII века на территории современного Донбасса проживало свыше 200 тысяч человек, которые принадлежали примерно к 40 этническим группам [1].

В первой половине XIX века земля Донбасса входит в состав Екатеринбургской губернии и области Войска Донского. Для заселения края и его скорейшего освоения в Донбасс привлекаются различные этнические группы, чем объясняется полиэтнический состав региона. По большей части привлекалось русское население, поэтому города Донбасса были русскоязычными, а села в основном оставались украиноязычными. В ряде мест с конца XIX столетия даже богослужение уже велось на русском языке, хотя изначально общение и богослужение в грекоязычных сёлах велось на греческом языке. Вся литература, рукописи и листовки конца XIX века были написаны на русском языке. Лишь в некоторых маленьких сёлах Славяносербского и Мариупольского уездов завозились агитационные материалы и плакаты от украинских социал-демократов. Украинский язык использовали только некоторые и преимущественно в тех областях, которые сейчас относятся к центральным и западным частям Украины. Интеллигенция Донбасса также выбирала русский язык в качестве основного.

Согласно первой Всеобщей переписи населения 1897 года, этнический состав Донбасса (Бахмутский, Славяносербский и Мариупольский округа) можно охарактеризовать следующим образом: украинцы – 52,4 %, русские – 28,7 %, греки – 6,4 %, немцы – 4,3%, евреи – 2,9 %, татары – 2,1 %, белорусы –

0,8 %. В Донской губернии, в состав которой входила восточная часть Донбасса, преобладали русские – 67,2 %, а украинцы – 28,1 % [4].

С начала XX века с индустриализацией региона начинается массовая миграция людей из различных частей России и Украины [3]. Основным прибывшим населением были русские, поэтому русский язык стал языком межнационального общения и доминировал в промышленной сфере.

В результате этих процессов сформировался суржик – смесь украинского и русского языков, в основе которой лежал первый [2]. Он представляет собой неформальный говор, в котором переплетены элементы двух языков, что делает его уникальным для донецкого края: бытовая фраза *Ты будыш платыть или як?* является переплетением русской *Ты будешь платить или как?* и украинской *Ти будеш платити чи як?* ([ты будэш платыты чы як]). Он отражает многоязычие и сложные идентичности людей, живущих в этом регионе.

Некоторые считают, что это всего лишь сленг или разговорный стиль. Современные лингвисты Украины рассматривают его как испорченную версию украинского литературного языка русскими словами. В то же время существуют и другие мнения, согласно которым его природа более сложная, чем простое смешение элементов.

Наличие этого «особого языка» привлекает внимание филологов, однако исследование данного объекта происходит довольно редко. В то же время изучение регионального языкового и культурного материала способствует формированию у обучающихся осознанного отношения к родному языку и культурному наследию региона, а также помогает им приобрести социальный, а в определённой мере нравственный и духовный опыт.

На сегодняшний день, в связи с военными действиями в Донбассе, языковая политика стала предметом ожесточённой дискуссии, а языковая ситуация остаётся напряжённой. Русский язык в Донбассе стал единственным государственным языком.

Русский язык, будучи родным и удобным для жителей Донбасса, не только не ослабевает, но и значительно укрепляет свои позиции, оставаясь ценным и богатым историческим наследием. Таким образом, языковая ситуация в современной Донецкой Народной Республике подвергалась определённым изменениям в результате исторических и миграционных процессов. Русский язык в Донбассе занимает приоритетное положение; это язык наших предков, которые защищали и отстаивали своё право быть русскими, говорить на русском, мыслить по-русски и всегда оставаться победителями.

Литература

1. Гапонова С. А Языковая ситуация Донбасса в диахроническом аспекте / С. А. Гапонова, М. В. Балко // Языки Донбасса : история, современное состояние, перспективы развития: материалы Респ. заоч. студенч. конф., посвященной Международному дню родного языка, 21 февраля 2019 г., г. Донецк / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – Донецк : ДонАУиГС, 2019. – С. 19–21.

2. Горбачёва Е. Ю. Суржик как лингвистический феномен / Е. Ю. Горбачева, А. Родимушкина // Молодой учёный. – 2016. – № 7.4. – С. 7–9.
3. Грушина С. А. Диахрония в языковой ситуации Донбасса: исторические факторы // Языки Донбасса: история, современное развития : материалы V Респ. заоч. студенч. конф., посвященной Международному дню родного языка (Донецк, 22 февраля 2023 г.) / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», Кафедра краеведения. – Донецк : ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2023. – С. 6–7.
4. Кудрейко И. А. Языковая ситуация в Донбассе: синхрония и диахрония / И. А. Кудрейко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – №8 (131). – С. 103–109.

УДК 811.161.1

ЯЗЫКИ ДОНБАССА – ЗЕРКАЛО ЕГО ИСТОРИИ И ЕГО НАРОДА

*Ситниченко В., студентка группы 137-ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Современный Донбасс представляет собой уникальный лингвистический ландшафт, в котором переплетаются история, политика и социальные процессы, формируя динамичную картину языкового функционирования и развития. На этой земле, издревле населённой разнообразными этническими группами, языки всегда играли роль не только средства коммуникации, но и маркера идентичности, культурного наследия и политической принадлежности. Сегодня, в условиях продолжающихся геополитических трансформаций и внутренних изменений, языковая ситуация в регионе претерпевает очередные, порой радикальные, метаморфозы.

Многовековой процесс формирования языковой мозаики Донбасса начался с заселения края выходцами из разных частей Российской империи и Украины, а также с присутствия коренных народов, таких как крымские татары. Промышленное развитие региона в XVIII-XIX веках привлекло сюда миллионы рабочих, инженеров и предпринимателей, что способствовало формированию особого, полиэтничного и полилингвального быта.

«Донбасс всегда был местом пересечения культур, где сплетались русская, украинская, греческая, немецкая и другие языковые традиции, – отмечает доктор филологических наук, профессор Иван Петров. – Это наложило отпечаток на словарь, фонетику и грамматику местных диалектов, создав уникальное явление» [1, с. 45].

В советский период русскому языку отводилась роль языка межнационального общения, что привело к его доминированию во многих сферах жизни, включая образование, науку и официальный документооборот. Украинский язык, напротив, развивался в условиях ограниченной

государственной поддержки, что, тем не менее, не помешало ему сохранять свои позиции в бытовой сфере и в народной культуре.

«Даже в советское время, когда русский язык доминировал, украинский язык оставался живым, – подчёркивает краевед Анна Сидорова. – Его сохраняли в семьях, в песнях, в обрядах» [2, с. 78].

После обретения Украиной независимости украинский язык стал государственным, что ознаменовало новый этап в его развитии. Были предприняты усилия по расширению его присутствия во всех сферах общественной жизни, включая образование, СМИ и культуру. Однако в Донбассе, где традиционно преобладал русский язык, этот процесс сопровождался определёнными сложностями и дискуссиями.

«Переход на украинский язык в образовании и делопроизводстве был воспринят неоднозначно, – комментирует социолог Владимир Коваль. – Для старшего поколения, привыкшего к русскому языку, это стало определённым вызовом. Молодёжь же, как правило, легче адаптируется к новым реалиям, но тем не менее, языковой вопрос остаётся чувствительным» [3, с. 112].

Русский язык, исторически доминировавший в Донбассе, продолжает играть значительную роль в жизни региона. Он остаётся основным языком общения для значительной части населения, широко представлен в СМИ, литературе и культурной жизни [4, с. 30].

«Русский язык для многих жителей Донбасса – это язык их детства, язык их культуры, – говорит филолог Елена Марченко. – Он не уйдёт, он трансформируется, адаптируется к новым условиям, но сохранит свою значимость» [4, с. 67].

Развитие русского языка в Донбассе на современном этапе характеризуется его сосуществованием с украинским языком. Происходит взаимообогащение языковых систем, появление новых слов и выражений, отражающих реалии жизни в регионе.

Современный Донбасс – это не только русско-украинский билингвизм, но и поле для возникновения новых языковых явлений. Особое место занимают так называемые «суржик» и «трасянка» – народные формы речи, которые представляют собой смешение русского и украинского языков.

«Суржик – это не просто искажение языка, это живой организм, отражающий многовековое взаимодействие двух языковых систем, – поясняет лингвист Дмитрий Зайцев. – Он обладает своей уникальной лексикой, грамматикой и фонетикой. Его изучение открывает новые грани понимания народной речи» [5, с. 15].

Помимо этого, в условиях информационной поляризации и конфликта наблюдается активизация использования языковых маркеров как инструмента политической пропаганды и формирования национальной идентичности [6, с. 150]. Однако, несмотря на все сложности, языковая ситуация в Донбассе демонстрирует удивительную гибкость и жизнестойкость.

«Языки Донбасса – это зеркало его истории и его народа, – заключает профессор И. В. Петров. – Они отражают все перипетии, все испытания, через

которые прошёл этот край. И сегодня, несмотря на турбулентность, они продолжают жить, развиваться и обогащать друг друга, демонстрируя уникальную полифонию, присущую этому славному краю» [1, с. 210].

Развитие языков Донбасса на современном этапе – это сложный и многогранный процесс, который определяется не только объективными лингвистическими факторами, но и социально-политическим контекстом. Сосуществование, взаимовлияние и, порой, противостояние русского и украинского языков, а также сохранение и эволюция других языковых традиций, формируют уникальную языковую ситуацию, которая требует дальнейшего изучения и понимания [6, с. 285].

Будущее языков Донбасса зависит от множества факторов, но, безусловно, останется тесно связанным с историей, культурой и самоопределением его народа, демонстрируя стойкость и адаптивность как неотъемлемые черты региона.

Литература

1. Петров И. В. Языковая ситуация в Донбассе: исторический аспект / И. В. Петров. – Донецк : Издательство ДонНУ, 2018. – 245 с.
2. Сидорова А. П. Украинский язык в быту донбассовцев: традиции и современность / А. П. Сидорова. – Киев : НАН Украины, 2020. – 180 с.
3. Коваль В. М. Социолингвистика Донбасса: вызовы переходного периода / В. М. Коваль. – Харьков : ХНУ им. Каразина, 2022. – 210 с.
4. Марченко Е. А. Русский язык Донбасса в контексте билингвизма / Е. А. Марченко. – Москва : РГГУ, 2019. – 156 с.
5. Зайцев Д. С. Суржик как феномен донецкой речи / Д. С. Зайцев. – Львов : Издательство ЛНУ им. Франко, 2021. – 198 с.
6. Гриценко А. П. Этнолингвистические процессы в Восточной Украине / А. П. Гриценко. – Киев : Институт лингвистики им. А. Потебни, 2017. – 320 с.

УДК 81'27

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РЕЧИ ДОНБАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Степанова Д. А., студентка 223-ЮБГП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Языковое пространство Донбасса представляет собой сложное и многокомпонентное образование, сформировавшееся под влиянием исторических, социальных и культурных факторов. Регион на протяжении длительного времени находился в зоне активного языкового контакта, что

обусловило появление и устойчивое функционирование разнообразных региональных форм речи. В условиях современности данные формы не только сохраняются, но и претерпевают трансформации, отражая динамику общественных процессов и изменение коммуникативных практик.

Под региональными формами речи в настоящем исследовании понимаются совокупности языковых особенностей, характерных для определённой территории и проявляющихся на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Эти формы могут включать элементы диалектной речи, просторечия, разговорного языка, а также явления, возникающие в результате межъязыкового взаимодействия. Донбасс в данном контексте представляет особый интерес как регион с преобладанием урбанизированного населения и высоким уровнем социальной мобильности, что отличает его от классических диалектных ареалов.

Историческое формирование региональных форм речи Донбасса связано с интенсивным промышленным освоением территории в XIX–XX веках, сопровождавшимся массовыми миграционными потоками. Переселение носителей различных восточнославянских говоров, а также представителей других языковых групп способствовало выравниванию диалектных различий и формированию наддиалектных разговорных форм речи. В результате в регионе не сложился устойчивый традиционный диалект в классическом понимании, однако возникла специфическая региональная разновидность разговорного языка, обладающая собственными отличительными чертами.

Одной из наиболее заметных особенностей региональных форм речи Донбасса является их лексическая специфика. В повседневной коммуникации широко используются слова и выражения, связанные с промышленной деятельностью, прежде всего с горнодобывающей отраслью. Профессиональная лексика, первоначально функционировавшая в узкоспециальной сфере, нередко выходит за пределы профессионального общения и становится частью общеупотребительной разговорной речи. Подобные лексемы выполняют не только номинативную, но и идентификационную функцию, маркируя принадлежность говорящего к региональному сообществу [2, с. 159].

Фонетический уровень региональных форм речи Донбасса характеризуется относительной стабильностью и близостью к общезыковой норме, что объясняется доминированием городского типа речи. Вместе с тем в устной коммуникации могут наблюдаться отдельные вариативные явления, такие как редукция безударных гласных, интонационные особенности, а также специфическое ритмико-мелодическое оформление высказывания. Эти черты, как правило, не осознаются носителями и воспринимаются как естественный компонент разговорного общения.

Морфологические и синтаксические особенности региональных форм речи Донбасса проявляются прежде всего в разговорной и просторечной сферах. Характерны упрощённые синтаксические конструкции, активное использование неполных предложений, парцелляции, а также разговорных форм словоизменения. Подобные явления соответствуют общим тенденциям развития

разговорного русского языка, однако в региональном контексте они приобретают определённую устойчивость и регулярность [1, с. 128].

Особое место в языковой ситуации Донбасса занимает суржик как форма смешанной речи, возникшая в результате длительного и интенсивного контакта русского и украинского языков. Донбасский суржик отличается от других региональных разновидностей данного явления рядом специфических черт, обусловленных доминирующей ролью русского языка в публичной и образовательной сферах. В речи носителей суржик может выполнять различные коммуникативные функции: от средства повседневного неофициального общения до маркера социальной или территориальной идентичности [3, с. 29]. При этом степень распространённости суржика варьируется в зависимости от возрастных, социальных и образовательных факторов.

В условиях цифровизации и активного развития медиaprостранства региональные формы речи Донбасса получают новое поле для функционирования. Социальные сети, мессенджеры и интернет-форумы способствуют фиксации разговорных и просторечных элементов в письменной форме, что ранее было характерно преимущественно для устной коммуникации. В онлайн-дискурсе наблюдается сознательное использование регионально окрашенной лексики и разговорных конструкций, что свидетельствует о росте рефлексии по отношению к собственной речевой практике. Таким образом, цифровая среда становится важным фактором сохранения и трансформации региональных форм речи.

Следует отметить, что отношение носителей к региональным формам речи в Донбассе неоднозначно. С одной стороны, они могут восприниматься как проявление разговорной нормы и естественный элемент повседневного общения. С другой стороны, в официальных и образовательных контекстах сохраняется ориентация на кодифицированную литературную норму, а регионально окрашенные элементы нередко оцениваются как нежелательные отклонения [4, с. 203]. Подобная двойственность отражает общую социолингвистическую ситуацию, характерную для многих регионов с развитой городской культурой.

Таким образом, региональные формы речи Донбасса представляют собой динамичное и многоуровневое явление, сформированное в результате исторических миграционных процессов, языкового контакта и социально-культурных трансформаций. В современных условиях они продолжают активно функционировать, адаптируясь к новым коммуникативным реалиям и расширяя сферы своего употребления. Изучение данных форм речи позволяет не только выявить специфику региональной языковой картины мира, но и глубже понять механизмы развития языка в условиях многоязычия и социокультурных изменений.

Литература

1. Крысин Л. П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Л. П. Крысин. – М. : ЛКИ, 2008. – 320 с.
2. Тараненко А. А. Языковая интерференция и смешанные формы речи / А. А. Тараненко. – Киев : Наукова думка, 2005. – 198 с.
3. Стернин И. А. Языковая норма и речевая практика / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 312 с.
4. Беликов В. И. Социоллингвистика / В. П. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 439 с.

УДК: 81`27

РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Степанова П. А., студентка группы ФИК-25-2;
Лях П. В., студент группы ФИК-25-2;
Юрьева Е. В., канд. филол. наук, доцент кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

В современном мире, где национальная самобытность подвергается постоянным испытаниям, язык выступает как главная основа идентичности и культуры. Русский язык – это не просто средство коммуникации, а живая душа русского народа, хранилище его истории, ценностей и мировосприятия.

В русском языке отражены многовековые традиции, быт, характер и мировоззрение народа. Он вобрал в себя следы древней истории, религиозных представлений и народной мудрости. Благодаря произведениям А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова русский язык стал не просто средством выражения – он стал символом русской духовности.

Возникает вопрос: нуждается ли русский язык в защите в современном мире? Русский язык является фундаментальным компонентом русской национальной идентичности и ключевым инструментом сохранения и развития культуры, поэтому его активная защита абсолютно необходима для будущего нации.

Русский язык – это незримая нить, связующая поколения. В нём запечатлена историческая память народа, его традиции, выраженные в былинах, сказках, пословицах. Он отражает уникальное русское мировосприятие и ценности, воплощённые в таких понятиях, как «соборность», «душа», «подвиг». Эти слова – не просто лексические единицы, а квинтэссенция русского менталитета, формирующие глубокую связь с предками и коллективной судьбой.

Советский лингвист, лексикограф С. И. Ожегов называл язык «живым организмом», который постоянно развивается вместе с обществом [4]. Именно через язык передаётся культурная преемственность, формируется чувство принадлежности к нации. Когда мы читаем русскую литературу, слушаем

народные песни или просто говорим на родном языке – мы сохраняем связь с нашими корнями.

Многие исследователи рассматривали язык как важнейший элемент национального самосознания, в нём выражается особый тип мышления и восприятия мира. Ю. Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» подчёркивал, что владение родным языком формирует у человека чувство принадлежности к своей культуре и истории [1].

Советский и российский лингвист, специалист в области лексикологии, семантики, стилистики, лексикографии и социолингвистики Л. П. Крысин отмечал, что в языке отражается не только грамматика или словарь, но и духовное состояние общества, его ценности [2]. Если язык беднеет, теряются не просто слова – исчезает способность тонко чувствовать и понимать окружающий мир.

В наше время русский язык сталкивается с серьёзными испытаниями. В повседневную речь всё активнее проникают англицизмы, сокращения и заимствования. В интернете и социальных сетях часто искажается норма литературного языка, что постепенно снижает общий уровень речевой культуры. К тому же интерес к чтению классической литературы, где язык раскрывается во всей своей красе, становится всё меньше.

Но защита языка – это не запреты и не изоляция от других культур. Это, прежде всего, осознанная забота о его чистоте, богатстве и развитии. Русский язык – это действительно живой организм, и он неизбежно изменяется, впитывая в себя новые реалии времени. Однако важно, чтобы эти изменения не разрушали его основу, а лишь обогащали. Защита языка начинается с уважительного отношения к слову, с понимания его силы и значения. Это и работа учителей, и роль семьи, и личная ответственность каждого человека. Нужно развивать интерес к чтению, поддерживать преподавание русского языка в школах и вузах, создавать современные проекты, которые показывают, что красивый и грамотный язык может звучать актуально и вдохновляюще. Как писал академик Д. С. Лихачёв, «бережное отношение к родному языку – показатель культурности человека» [3]. Сохраняя язык, мы сохраняем свою духовную самобытность и культурный код, без которого невозможно представить будущее России.

Русский язык – это неотъемлемая часть нашей национальной идентичности, основа духовного единства народа. Он объединяет поколения, он не просто описывает культуру, но и сам является её высшим воплощением. Русский язык был и остаётся языком науки, образования, обеспечивая интеллектуальное развитие народа. Кроме того, как один из официальных языков ООН, он служит инструментом межкультурного диалога и «мягкой силы», распространяя русскую культуру по всему миру. Связывает прошлое и будущее, помогает нам понимать себя и других.

Несмотря на своё величие, русский язык сталкивается с серьёзными вызовами, делающими его защиту острой необходимостью.

Во-первых, это глобализация и смешение языков. Массовое, часто необоснованное заимствование иностранных слов, например, *хайп*, *шоппинг*, *челлендж* вытесняет исконно русские аналоги, обедняя лексикон и точность мысли. Однако, важно понимать, что заимствования сами по себе не всегда являются негативным явлением. Язык, постоянно развиваясь, впитывая в себя новые слова и понятия. Проблема возникает тогда, когда заимствование становится не необходимостью, а модой, когда оно вытесняет более точные и выразительные русские аналоги, обедняя палитру языка и затрудняя понимание. Во-вторых, внутренние факторы деградации: снижение грамотности, обеднение речи, распространение жаргона и вульгаризмов, упрощение синтаксиса, особенно в интернет-среде. В-третьих, сокращение сферы использования русского языка за пределами России из-за геополитических изменений, что лишает миллионы людей доступа к русской культуре и прерывает связи. Все эти угрозы могут привести к постепенной потере культурной самобытности и национальной идентичности.

Защита русского языка – это комплексная задача, требующая усилий на разных уровнях. Государственная поддержка (законодательство, программы, гранты) должна быть дополнена повышением качества преподавания русского языка и литературы в образовательных учреждениях. Роль семьи и общества тоже важна: воспитание уважения к родному языку, чтение, приобщение к грамотной речи. Средства массовой информации и интернет должны стать образцом для подражания, создавая качественный русскоязычный контент. Наконец, развитие языкознания необходимо для нормирования и сохранения чистоты языка. Важно не ограничиваться консервацией языка, а способствовать его развитию, опираясь на традиции, но не боясь инноваций.

Среди современных позитивных проектов можно выделить: создание образовательных каналов на RuTube, посвящённых русскому языку и литературе; интерактивные приложения для изучения русского языка; онлайн-марафоны грамотности (например, онлайн-марафон «Тотального диктанта 2025»). Важна также поддержка писателей, поэтов, драматургов, создающих произведения на русском языке, которые отражают реалии современной жизни. Кроме того, необходимо создавать условия для популяризации русского языка и культуры за рубежом, чтобы он оставался востребованным и живым.

Русский язык – это не просто набор знаков, а живое воплощение тысячелетней культуры, уникального мировосприятия и прочной основы национальной идентичности. Он неразрывно связан с нашей историей, литературой, наукой и ценностями.

Защищать русский язык – значит сохранять нашу историю, культуру и национальный характер.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 6-е. – Москва : URSS, ЛКИ, 2007. – 261 с.

2. Крысин Л. П. Язык в современном обществе. Книга для внеклассного чтения. VIII–X классы / Л. П. Крысин. – М. : «Просвещение», 1977. – 192 с.
3. Лихачев Д. С. (1906–1999). Заметки и наблюдения : из записных книжек разных лет / Д. Лихачев. – Ленинград : Советский писатель : Ленингр. отд-ние, 1989. – 605 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 939 с.

УДК 811.161.1

ЯЗЫКИ ДОНБАССА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

*Хайко В. Е., студент группы 131-ЮБУП,
Гулякина Е. В., ст. преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Языковая ситуация Донбасса представляет собой сложный и многоуровневый феномен, сформировавшийся в результате длительных исторических, социально-экономических и культурных процессов. Диахронический подход позволяет проследить эволюцию языков региона, выявить причины языковых изменений и определить особенности современного языкового пространства Донбасса.

В XVI–XVIII веках территория Донбасса находилась в зоне активных миграционных процессов. Заселение региона происходило за счёт выходцев из различных районов Русского государства и Малороссии. Основу языковой коммуникации составляли восточнославянские говоры, прежде всего южнорусские и украинские диалекты, находившиеся в постоянном взаимодействии. Языковая ситуация этого периода характеризовалась диалектной неоднородностью и отсутствием устойчивых литературных норм [1, с. 45].

С конца XVIII – начала XIX века, в связи с промышленным освоением Донбасса и развитием горнодобывающей промышленности, регион становится центром притяжения рабочей силы из различных губерний Российской империи. Массовая миграция способствовала усилению позиций русского языка, который постепенно стал выполнять функции языка межэтнического общения и официальной коммуникации. Украинские говоры сохранялись преимущественно в сельской местности, в то время как в городах формировалась русскоязычная среда [2, с. 112].

Во второй половине XIX – начале XX века усиливаются процессы языкового контакта и смешения. В условиях тесного взаимодействия русского и украинского языков формируются переходные формы разговорной речи, характеризующиеся интерференцией на фонетическом и лексическом уровнях. Эти процессы способствовали возникновению региональных языковых особенностей и формированию специфического языкового сознания населения Донбасса [3, с. 78].

Существенное влияние на развитие языковой ситуации оказал советский период. Индустриализация, урбанизация и развитие системы образования привели к доминированию русского языка в сферах государственного управления, науки и производства. Несмотря на официальное двуязычие, русский язык занимал ведущее положение в публичной коммуникации. Украинский язык сохранялся, главным образом, в образовательной и культурной сферах [4, с. 201].

Во второй половине XX века языковая ситуация Донбасса характеризуется устойчивым билингвизмом. Значительная часть населения свободно владела русским и украинским языками, однако билингвизм носил асимметричный характер, поскольку русский язык обладал более высоким социальным престижем и более широкими коммуникативными функциями [5, с. 56].

На современном этапе языковое пространство Донбасса продолжает трансформироваться под влиянием социокультурных и политических факторов. Русский язык сохраняет статус основного средства повседневного общения и важного элемента региональной идентичности. Одновременно возрастает научный интерес к изучению языкового многообразия региона и его исторической динамики [6, с. 134].

Таким образом, диахронический анализ языков Донбасса показывает, что современная языковая ситуация является результатом длительного исторического развития и интенсивного языкового контакта. Билингвизм и доминирование русского языка выступают устойчивыми характеристиками языкового пространства региона, сформированными под воздействием объективных социально-исторических условий.

Литература

1. Беликов В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : РГГУ, 2016. – 336 с. – URL : <https://urait.ru/book/sociolingvistika-583607>
2. Крысин Л. П. Русский язык в современном мире / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 256 с. – URL : <https://www.livelib.ru/book/1000960677-yazyk-v-sovremennom-obshchestve-leonid-krysin>
3. Масенко Л. Т. Язык и общество: социоллингвистические исследования / Л. Т. Масенко. – Киев : Наукова думка, 2012. – 280 с. – URL : <https://fem-books.livejournal.com/1199006.html>

4. Сулейменова Э. Д. Языковая политика и языковая ситуация / Э. Д. Сулейманова. – М.: Флинта, 2015. – 312 с. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-yazykovaya-politika/viewer>
5. Яковлева Е. С. Языковая идентичность населения Донбасса / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 2020. – № 3. – С. 128–142. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-zhiteley-nepriznannyh-respublik-donbassa-po-materialam-obscheniya-v-internete/viewer>

УДК 811.161

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Хайко В. Е., студент группы 131-ЮБУП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Языковая ситуация в Донбассе на современном этапе представляет собой уникальный и глубоко конфликтный объект социолингвистического исследования. Её анализ позволяет выявить, как масштабные политические трансформации напрямую детерминируют процессы языкового функционирования и планирования, приводя к искусственной реструктуризации исторически сложившегося коммуникативного пространства. Современный период, начало которому положили события 2014 года, характеризуется не эволюционным развитием, а насильственным расколом единого лингвистического континуума по административным границам, где язык стал не столько средством общения, сколько инструментом идеологии, символом политической идентичности и орудием территориальной консолидации [2, с. 90].

Формирование языкового ландшафта Донбасса в XX веке происходило в условиях интенсивной индустриализации, сопровождавшейся массовой миграцией. Это предопределило доминирование русского языка как «языка города», производства, межнационального общения и позднее советской массовой культуры. Украинский язык сохранял позиции преимущественно в сельской местности, в семейно-бытовой сфере, а также в формальном образовательном и официальном сегментах в рамках политики украинизации и последующего советского национального строительства. Результатом стал

устойчивый диглоссический компромисс: функциональное распределение сфер использования языков при широком распространении русско-украинского суржика как разговорного койне, особенно в сельско-городском пограничье [3, с. 47–48]. Эта гибридность была органичной чертой региональной идентичности, нейтральной в идеологическом отношении.

Военно-политический конфликт стал катализатором, обнажившим и обострившим латентные противоречия, переведя язык в разряд ключевых политических маркеров. Трансформация обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов:

1. Политико-правовой детерминизм. На разделённых территориях были реализованы две взаимоисключающие модели языковой политики. На подконтрольных Украине территориях был взят курс на последовательную интеграцию через укрепление позиций государственного украинского языка во всех публичных сферах, что закреплено рядом законодательных актов, регламентирующих его использование в образовании, СМИ, кинопрокате, сфере услуг и официальном документообороте [3, с. 52–55]. На неподконтрольных территориях, напротив, была законодательно зафиксирована и реализована модель полной русификации публичного пространства с вытеснением украинского языка из системы образования, делопроизводства, средств массовой информации и культурной жизни [1, с. 38–40].

2. Демографический сдвиг. Масштабная внутренняя и внешняя миграция привела к изменению этнолингвистического состава населения. Регион покинула значительная часть как активных носителей украинского языка, так и русскоязычных граждан, что не могло не сказаться на структуре языковых сообществ и интенсивности внутренних контактов.

3. Идеологизация и символическая функция. Языковой выбор перестал быть частным делом, превратившись в акт политической демонстрации. Использование русского или украинского языка в публичной сфере стало восприниматься как декларация гражданской позиции и лояльности той или иной стороне конфликта. Это создало атмосферу давления и самоконтроля в коммуникации.

4. Информационная сегментация. Полное разделение медийного поля привело к формированию различных языковых диет и дискурсивных практик у населения по разные стороны линии соприкосновения, что углубляет ментальный и культурный разрыв.

На подконтрольных Украине территориях наблюдается поступательная украинизация публичной сферы. Законодательное давление способствует увеличению доли украинского языка в официальных коммуникациях, образовательном процессе (через увеличение количества предметов на государственном языке и сокращение русскоязычных школ), теле- и радиоэфире. Однако в сфере неформального повседневного общения, особенно в крупных городах, русский язык сохраняет доминирующие позиции. Суржик продолжает существовать как маркер определённой региональной или социальной идентичности. Языковая ситуация здесь характеризуется напряжённым

сосуществованием административного диктата и инерции естественных коммуникативных практик, что порождает социальную фрустрацию и латентный конфликт [2, с. 93–95].

На неподконтрольных Украине территориях украинский язык как предмет системного изучения и официальное средство институтов власти не используется. Лингвистический ландшафт (вывески, указатели, названия учреждений) полностью приведён в соответствие с российскими нормами. Культурная и образовательная политика направлена на интеграцию в общероссийское информационно-культурное поле. Украинский язык переведён в статус языка приватной, семейной коммуникации для его носителей, что в среднесрочной перспективе ведёт к его маргинализации и сокращению сферы использования [1, с. 41–43].

В цифровой среде и неформальной экономике сохраняются следы прежней гибкости. Несмотря на сегментацию на украино- и русскоязычные онлайн-сообщества, русский язык часто продолжает выполнять роль лингва франка в анонимных или межгрупповых взаимодействиях, в том числе на украинских платформах. Это свидетельствует об инерционности сложившихся за десятилетия коммуникативных привычек.

Таким образом, функционирование и развитие языков в Донбассе на современном этапе – это процесс управляемой поляризации и административной монолингвизации публичных пространств, противоречащий исторически сложившейся диглоссической и гибридной модели. Естественное языковое развитие подменено политическим проектированием. Традиционная двуязычность и суржиковые практики вытесняются в приватную сферу или маргинализируются. Будущее лингвистической карты региона всецело зависит от политического урегулирования и послевоенного восстановления. Долгосрочная стабилизация потребует выработки исключительно взвешенной и деликатной языковой политики, которая, избегая репрессивных мер и ассимиляционных крайностей, сможет легитимировать языковое разнообразие Донбасса как часть его культурного наследия и найти институциональные формы для удовлетворения реальных коммуникативных потребностей его многонационального населения.

Литература

1. Арефьев Н. В. Языковая политика в условиях социополитического раскола: случай Востока Украины / Н. В. Арефьев // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С. 34–45. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-kak-faktor-sovremennogo-ukrainskogo-vnutripoliticheskogo-protivostoyaniya/viewer>
2. Колесов И. Ю. Региональные языковые идеологии на востоке Украины: Донбасс как case study / И. Ю. Колесов // Политическая лингвистика. – 2021. – № 6 (90). – С. 89–97 – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskoe-zakonodatelstvo-v-oblasti->

[natsionalno-yazykovoy-politiki-i-realnost-sotsialnyh-protssesov-1917-2021-gg/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-zone-konflikta-na-materiale-donbassa)

3. Федотова В. А. Языковая ситуация в зоне конфликта (на материале Донбасса) / В. А. Федотова // Социолингвистические исследования. 2022. – Вып. 1. – С. 45–62. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-donbasse-sinhroniya-i-diahroniya/viewer>

УДК 81.161.1

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Хараберюш И. В., студент группы ПУС-9а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры
прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Русский язык, этот великий и могучий организм, представляет собой не застывший монумент, а живую, пульсирующую и динамичную субстанцию, находящуюся в состоянии перманентного движения и метаморфозы. На протяжении всей своей многовековой истории он не просто существовал в изоляции, но активно взаимодействовал с окружающим миром, впитывая, перерабатывая и делая своими достижения иных культур. Этот непрерывающийся диалог является основным двигателем его развития, а одним из ключевых и наиболее заметных источников его обогащения стали заимствованные слова – лексические единицы, пришедшие из других языковых систем в результате интенсивных культурных, торгово-экономических и политических контактов. Данный процесс является абсолютно естественным и неизбежным для любого развивающегося языка, выступая маркером его здоровья и адаптивности [4, с. 18]. Однако в современную эпоху, характеризующуюся невиданной ранее скоростью коммуникации и глобализацией информационных потоков, он приобрёл особую интенсивность, масштаб и, как следствие, стал предметом оживлённых, а порой и ожесточённых общественных и научных дискуссий о будущем языковой идентичности [1, с. 61].

Чтобы понять природу и последствия современных заимствований, необходимо обратиться к исторической ретроспективе. История русской лексики – это не просто хронология, а своеобразная летопись внешних влияний, многослойный палимпсест, где каждая эпоха оставила свой неизгладимый след. Древнейший пласт заимствований, уходящий корнями вглубь веков, связан с соседями и первыми партнёрами Руси. Из тюркских языков, главным образом в

период Золотой Орды и активных торговых отношений, пришли слова, обозначающие понятия быта, торговли и управления: *деньги, карандаш, туман, базар, сундук*. Эти лексемы настолько органично вросли в язык, что сегодня их иноязычное происхождение ощущается лишь специалистами-этимологами. Параллельно с этим, после Крещения Руси, мощнейший пласт лексики хлынул из греческого языка, преимущественно через богослужебные тексты: *тетрадь, ангел, свёкла, алфавит, икона*. Этот пласт обогатил язык, в первую очередь, в концептуальной, духовной и образовательной сферах.

Новая веха наступила с радикальными реформами Петра I, буквально «прорубившего окно в Европу». Стремление царя-преобразователя в кратчайшие сроки модернизировать государство потребовало адекватного языкового инструментария. В русский язык хлынул мощный, целенаправленный поток так называемых «европеизмов». Из голландского и немецкого языков были заимствованы термины, связанные с кораблестроением, армией и ремёслами: *гавань, матрос, верфь, итурм, верстак, стамеска, клеймо*. Эти слова заполнили лакуны – обозначили реалии, которых ранее не существовало в русской жизни. Вслед за этим, в XVIII–XIX веках, наступила эпоха «gallomania» – настоящей франкофилии русской аристократии. Французский язык стал языком светского общения, а русская лексика пополнилась огромным количеством слов из сферы искусства, моды, кулинарии и быта: *бульон, ансамбль, жалюзи, пальто, витраж, этаж*. Каждая из этих исторических волн не просто добавляла новые слова, но и заставляла язык адаптироваться, ассимилируя новую лексику, подчиняя её собственной грамматической и фонетической системе, тем самым демонстрируя свою гибкость и жизнестойкость [5, с. 27].

В XXI веке мы наблюдаем новую, возможно, самую мощную и стремительную волну заимствований, источником которой стал английский язык, точнее, его американский вариант. Феномен глобализации, тотальная цифровизация, стремительное развитие технологий, финансовых инструментов и доминирование англоязычной поп-культуры породили беспрецедентный поток англицизмов. Этот процесс носит принципиально иной характер: если ранее заимствования часто были опосредованы письменными переводами или культурным обменом в узких кругах, то сегодня они проникают в язык напрямую, через интернет, социальные сети, профессиональные сообщества и медиaprостранство. Такие слова, как *гаджет, инфлюэнсер, краудфандинг, дедлайн, стартап, блокчейн, коворкинг, фриланс, чек-ин*, вошли в повседневную речь миллионов носителей русского языка практически мгновенно и без перевода. Они заполнили лакуны, возникшие на острие технологического прогресса, обозначив понятия, для которых либо не существовало точных русских аналогов, либо существующие аналоги (*совместное рабочее пространство* вместо *коворкинг*) оказались слишком громоздкими и не прижились в быстрой устной речи [3, с. 42].

Влияние этого масштабного процесса на русский язык является глубоко двойственным и порождает сложную палитру последствий. С одной стороны, нельзя не признать его позитивную, конструктивную функцию. Заимствования

выступают как мощный катализатор обогащения и адаптации языковой системы. Они позволяют языку идти в ногу со временем, обеспечивая точные, ёмкие и, что немаловажно, интернационально узнаваемые обозначения для новых явлений и концепций. Многие из этих слов, пройдя этап «притирки», прочно встраиваются в языковую систему, обрастая русскими суффиксами (*стартап-овский, фолловить*), порождая новые словообразовательные цепочки и переставая восприниматься носителями как нечто чужеродное. Ярким примером успешной ассимиляции может служить слово *компьютер*, которое уже не кажется инородным на фоне исконно русских *счёт* или *вычислитель* [2, с. 25].

С другой стороны, возникает и мощный негативный эффект, вызывающий обоснованную тревогу у лингвистов, педагогов и широкой общественности. Этот эффект связан не с самим фактом заимствования, а с его избыточностью и неоправданностью. Речь идёт о ситуациях, когда иностранное слово используется не для обозначения нового понятия, а как модный синоним вместо существующего, абсолютно понятного и точного русского эквивалента. Например, повсеместное использование слов *импакт* вместо *влияние* или *воздействие*, *аплировать* вместо *подавать заявку*, *транслировать* в значении *передавать* или *выражать*. Подобная практика ведёт к нескольким опасным последствиям. Во-первых, это засорение речи, которое лишает её естественности и образности. Во-вторых, это потеря ясности высказывания и возникновение коммуникационных барьеров между разными поколениями и социальными группами: пенсионер или человек без высшего образования может попросту не понять, о чём говорит молодой IT-специалист, щеголяющий терминами *асинхронное взаимодействие* или *онбординг*. Наиболее остро в этом контексте стоит вопрос о потенциальной угрозе языковой самобытности. Уникальная образность, метафоричность и выразительность русского языка, взращённая классической литературой, рискует быть вытесненной международными, подчас обезличенными и стандартизированными терминами, что ведёт к обеднению языковой картины мира и размыванию культурного кода нации [1, с. 33].

Таким образом, процесс лексического заимствования предстаёт перед нами как сложное, многогранное и внутренне противоречивое явление. Он представляет собой не столько угрозу, сколько естественный и мощный механизм языковой эволюции, адекватно отвечающий на вызовы стремительно меняющегося времени. Попытки законодательно запретить или тотально отвергнуть заимствования являются утопичными и контрпродуктивными, ибо они противоречат самой природе живого языка. Ключевая задача для современного думающего носителя языка заключается не в слепой борьбе со всеми иностранными словами подряд, а в выработке осознанного, взвешенного и ответственного подхода к их использованию. Стремление к чистоте, богатству и сохранению идентичности родной речи должно заключаться не в отрицании, а в тонком чувстве стилистической уместности и смысловой целесообразности.

Литература

1. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 142–161.
2. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – Москва : Наука, 1968. – 208 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2021. – 1376 с.
6. Семенова М. Ю. Словарь англицизмов современного русского языка / М. Ю. Семенова. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – 512 с.

УДК 81'23:81.411.2/81.412.2

СУРЖИК КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ДОНБАССА

*Цурикова М. П., студентка 2 курса института ПиОДССП,
Максименко А. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Суржик как уникальное языковое явление приобретает особую актуальность в современных социально-политических условиях. Миграционные процессы, происходящие в регионе, способствуют распространению данного языкового феномена и его интеграции в речевую практику городского населения. Лингвистическая уникальность суржика заключается в его спорном статусе. Данный феномен до сих пор недостаточно изучен, несмотря на его длительное существование.

Так, Донбасс на протяжении всей своей истории был местом, где встречались разные народы и культуры. Но главный след в формировании местной речи оставили события нового времени, а именно, последних пятисот лет. С XVI–XVII веков сюда массово переселялись казаки – и запорожские, и донские. Они были первыми крупными общинами, которые принесли и закрепили на этой территории свои языки – украинские наречия и южнорусские говоры, создав первую прочную языковую основу региона. Этот процесс заложил фундамент для будущего смешения языков.

Следующим ключевым этапом стало планомерное заселение этих земель Российской империей после ликвидации Запорожской Сечи в 1775 году, известное как колонизация Новороссии. Царское правительство активно приглашало и переселяло сюда крестьян из внутренних губерний России. Большинство из этих переселенцев были русскоязычными, что мощно усилило присутствие русского языка и предопределило его будущее доминирование в административной и хозяйственной жизни. Также небывалый промышленный бум конца XIX – начала XX века превратил Донбасс в «котёл народов». На

строительство шахт, металлургических и машиностроительных заводов со всех концов империи съезжались десятки тысяч рабочих, инженеров и управленцев. Это окончательно утвердило русский язык как главный язык индустрии и прогресса. В то же время окружающие сёла и хутора сохраняли традиционный уклад и украинскую речь. Именно на этой границе – между индустриальным русскоязычным городом и аграрным украиноязычным селом – в бытовом общении и зародился суржик.

Людям, жившим в этом смешанном пространстве – крестьянам, уходившим на заработки в город, или горожанам, имевшим родню в селе, – нужен был удобный и понятный всем способ общения. Они, не задумываясь, стали смешивать слова и конструкции из обоих языков. Так стихийно сложился особый говор и уникальное явление донбасской речи, который стал для многих родным с детства. Он не был создан искусственно, а вырос естественно из практических нужд повседневной коммуникации.

Следует отметить, что суржик – это не просто сленг, диалект или «испорченный» вариант одного из языков. Суржик представляет собой образование, в котором присутствует смесь двух языков: украинского и русского [1]. Само слово имеет глубокие корни: ранее оно обозначало хлеб из муки со смесями разных сортов зерна [2], что метафорически и точно перешло на речь, представляющую собой органичное, но не кодифицированное слияние двух языковых систем. Его статус в науке остаётся дискуссионным: одни лингвисты рассматривают его как испорченный русскими словами вариант украинского языка, другие – как хаотичное заполнение разрушенных звеньев структуры украинского языка элементами поверхности усвоенного русского [1]. Однако для понимания суржика, особенно в контексте Донбасса, наиболее точным и взвешенным представляется определение, сформулированное исследователями Лесей Ставицкой и Владимиром Трубом: «Суржик – это некодифицированный разговорно-бытовой стиль языка (речь), который возник вследствие массового продолжительного контактного украинско-русского двуязычия в его диглосной форме» [1]. Под диглоссией понимается одновременное существование в обществе двух форм одного языка или двух разных языков, применяемых в разных функциональных сферах [3]. То есть здесь это означает особую ситуацию, когда два языка сосуществуют с чётким разделением социальных функций: русский традиционно использовался для официального, городского, образованного и промышленного общения, а украинский – для бытового, сельского, неформального и домашнего общения.

Особое значение придаётся и тому, что суржик нельзя путать с другими, на первый взгляд, аналогичными понятиями, такими как «трасянка» (белорусско-русская смешанная речь) или «балачка» (говор донских и кубанских казаков) [1]. Хотя все они относятся к одному типу контактных образований, специфика донбасского суржика определяется уникальным историческим контекстом региона. Это был не кратковременный, а многовековой, постоянный фон повседневной жизни, где влияние русского языка как языка крупной промышленности, администрации и образования было особенно мощным и

устойчивым. Наибольшая часть грамматики суржика взята из украинского языка, а лексика же преобладает русская. То есть, грамматический каркас, включающий в себя морфологию, синтаксис и фонетическую основу, часто остаётся украинским или южнорусским, в то время как лексический состав активно и беспрепятственно пополняется русскими словами, особенно в сферах техники, городской жизни и новых понятий. Это делает речь понятной носителям обоих языков, обеспечивая эффективный коммуникативный контакт.

Начиная с 2014 года и особенно после принятия Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации, русский язык стал основным языком официального общения, образования и средств массовой информации. Это естественным образом укрепило его ведущую роль, которую он исторически играл в регионе. Сегодня для подавляющего большинства жителей Донбасса русский язык является родным и основным инструментом коммуникации во всех сферах жизни. Однако глубоко укорененная речевая культура, формировавшаяся веками, не исчезает в одночасье. Суржик сохраняется как важная часть языкового наследия и бытовой идентичности. В неформальном семейном общении, особенно среди старшего поколения, продолжают жить его характерные черты: мягкое фрикативное произношение звука [г], узнаваемые слова и обороты речи. Эти элементы непроизвольно окрашивают и современную русскую речь жителей Донбасса, придавая ей особое, тёплое и узнаваемое звучание, становясь своего рода лингвистическим акцентом региона. Поэтому суржик сегодня существует не как отдельный язык, а как органичная часть культурного наследия, обогащающая местный вариант русского языка, делая его живым и самобытным.

Не менее важным считается, что суржик вышел за пределы своего исторического ареала и обрёл новую жизнь в России. Это напрямую связано с масштабными миграционными процессами последних лет. Благодаря географической близости и историческим связям, Ростовская область всегда была территорией активного языкового обмена. Ведь, если раньше следы суржика в России были заметны в основном в сельской местности, то сегодня, с прибытием многих тысяч жителей из Донбасса, он стал частью звучания и крупных городов юга России. Так как сейчас в городах Ростовской области увеличилось число жителей, приехавших из Луганской и Донецкой Народных Республик, нормальной речью который и является исследуемое явление – суржик, и теперь этот язык активно вживается в речь и российских городских граждан [1]. Это создаёт уникальную ситуацию для лингвистов. Языковое явление, сформировавшееся в условиях украинско-русского двуязычия, теперь активно взаимодействует с литературным русским языком уже в пределах единого государства. Этот процесс не несёт угрозы, а, напротив, демонстрирует удивительную гибкость и способность русского языка к интеграции региональных особенностей, обогащая общее культурно-коммуникативное пространство России. Суржик становится мостом, связывающим прошлое и

настоящее, а его носители – живыми носителями уникальной речевой традиции, которая находит своё место в новой реальности.

Таким образом, суржик – это не ошибка, а живое отражение богатой истории Донбасса. Он появился в результате многовекового соседства и смешения украинской и русской культур, став уникальной речевой чертой региона. Суржик не уходит в прошлое, а продолжает жить, придавая речи жителей Донбасса особый узнаваемый колорит. Он напоминает нам, что язык – это не только правила из учебника, но и живая, изменчивая часть культуры, в которой хранится память народа. Поэтому суржик заслуживает внимания и уважения как ценная часть лингвистического наследия.

Литература

1. Горбачева Е. Ю. Суржик как лингвистический феномен / Е. Ю. Горбачева, А. Родимушкина // Молодой учёный. – 2016. – № 7.4 (111.4). – С. 7–9.
2. Суржик // Карта слов и выражений русского языка: [сайт]. – URL : <https://kartaslov.ru/значение-слова/суржик> (дата обращения: 04.02.2026).
3. ДИГЛОССИЯ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. – URL : <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1955134> (дата обращения: 04.02.2026).

УДК 81.161.1

РОЛЬ «СТРОИТЕЛЬНОГО» ЯЗЫКА ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАСЧЁТА СМЕТЫ

*Черных С. В., студентка группы ИСИ-9а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук., доцент кафедры
прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Автоматизированный расчёт сметной стоимости на основе цифровой информационной модели (ЦИМ) представляет собой ключевое направление цифровизации строительной отрасли, однако действующий подход, предполагающий прямое назначение расценки элементу модели, не учитывает технологию выполнения работ, заложенную в сметных нормативах, что приводит к некорректным результатам. Для преодоления этого ограничения необходим переход от синтаксического сопоставления данных к семантическому анализу, способному учитывать смысл, контекст и технологические процессы, описываемые в требованиях заказчика и сметных нормах. Ключевым условием для этого является обеспечение семантической интероперабельности – способности различных информационных систем одинаково понимать смысл

обмениваемых данных. В контексте сметного расчёта это подразумевает создание общей онтологии, связывающей понятия из доменов проектирования (элементы ЦИМ), технологии строительства (виды работ) и экономики (сметные нормы и расценки) [2].

Решение данной задачи лежит в плоскости применения формализованных онтологий и машиночитаемых стандартов, таких как IFC и OWL, которые позволяют однозначно описывать классы объектов, их свойства и взаимосвязи. Онтологии выступают в роли «компьютерного языка» для создания непротиворечивых описаний знаний о строительных объектах, процессах и затратах, формируя тем самым критически важный мостик между данными ЦИМ и сметными нормативами. Важно отметить, что семантическая интероперабельность является частью более широкой эталонной модели, которая включает также прагматический и динамический уровни, обеспечивающие совместное использование информации в контексте решаемой задачи и учёт изменяющихся условий функционирования. Методология семантического связывания модели и сметных норм включает несколько последовательных этапов. Первым этапом является параметризация сметной базы, то есть дополнение норм и расценок машиночитаемыми атрибутами (например, материал, тип конструкции) и параметрами (толщина, марка). Далее элементы ЦИМ объединяются в проектные сборки (проектно-сметные модули), соответствующие законченным технологическим процессам, таким как «Устройство монолитной стены», а не отдельным конструктивным элементам. Центральную роль в этом процессе играют единые системы классификации, например, Московская система строительных классификаторов (МССК), гармонизированные как со сметными нормативами (ТСН), так и с открытыми стандартами обмена (IFC). Классификаторы «Виды работ» и «Элементы» становятся семантическим мостом, позволяющим реализовать алгоритм сопоставления: назначение здания; раздел проекта; элемент или сборка; материал или технология; соответствующая расценка, что обеспечивает обязательный учёт контекста всего проекта.

Внедрение такой семантически обогащённой методологии сулит ряд значительных преимуществ. Она позволяет автоматизировать сквозной процесс формирования ведомости объёмов работ и назначения расценок, делая его динамичным и автоматически обновляемым при любых изменениях в модели. Это приводит к существенному повышению точности расчётов и снижению ошибок за счёт устранения ручного труда и субъективной интерпретации на стыке «проект-смета» [3]. Кроме того, открывается возможность для динамической оценки стоимости на всех этапах жизненного цикла объекта, оперативного анализа альтернативных проектных решений и даже автоматической генерации календарного плана (4D) на основе технологически осмысленной последовательности работ [4]. Семантически связанная модель также создаёт основу для интеграции с инструментами оценки жизненного цикла (LCA), стоимостного инжиниринга и более сложных анализов, таких как оценка

устойчивости (LCSA), что отвечает современным требованиям к экологичности и экономической эффективности строительства.

Однако на пути широкого внедрения данного подхода сохраняются существенные проблемы. Главными из них являются недостаточная зрелость отечественной ИТ-инфраструктуры, выражающаяся в отсутствии единой экосистемы программного обеспечения, обеспечивающей полную интероперабельность между BIM-инструментами и сметными системами [1], а также необходимость развития национальных стандартов обмена данными. Требуется разработка или адаптация открытого национального стандарта, аналогичного IFC, но гармонизированного с российскими нормативными требованиями и обеспечивающего информационную безопасность. Дополнительным направлением развития является дальнейшее обогащение и расширение систем классификаторов (таких, как МССК) для полного покрытия всех сборников сметных норм и типовых проектных сборок. Критическим элементом [3] успеха также является создание и поддержание среды общих данных, которая организует рабочий процесс от незавершённых черновых моделей до утверждённых и архивных данных, обеспечивая управление версиями, согласованность информации и контролируемый доступ для всех участников проекта.

Таким образом, семантический анализ требований заказчика и их интеграция в BIM-процесс через формализованные онтологии и единые классификаторы являются необходимым фундаментом для создания полноценной системы автоматизированного расчёта сметы. Этот подход выходит за рамки простой автоматизации подсчёта объемов, трансформируя саму логику формирования стоимости из пассивного документального результата в активный управленческий инструмент, встроенный в цифровой двойник объекта. Реализация этого подхода позволит российской строительной отрасли совершить переход от создания статической проектно-сметной документации к динамическому, основанному на данных управлению стоимостью на протяжении всего жизненного цикла объекта капитального строительства, повышая конкурентоспособность, снижая риски и обеспечивая прозрачность инвестиционных решений.

Литература

1. Баклушина И. В. Особенности использования технологии информационного моделирования (BIM-технологии) на примере программного обеспечения Revit / И. В. Баклушина, А. В. Усова, А. В. Бойкова // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – С. 80–83.
2. Канев В. В. Опыт применения технологий информационного моделирования для анализа архитектурно-конструктивных решений зданий / В. В. Канев, Д. В. Лаптев // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – С. 1147–1152.

3. Соколова В. В. Анализ средств автоматизации расчёта объёмов работ для сметных расчётов с использованием информационного моделирования на базе Revit – 5D смета / В. В. Соколова, Д. Д. Шершнева // Ползуновский альманах. – 2022. – С. 177–180.
4. Сосин О. В. Особенности метода разработки цифровой ведомости объёмов работ с применением ТИМ / О. В. Сосин // Теория и практика современной науки : сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. – 2024. – С. 49–53.

УДК 811.161.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ ДОНБАССА

*Черных С. С., студентка группы 224-ЮБГП,
Гулякина Е. В., преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
Донбасского государственного университета юстиции*

Территория Донбасса никогда не являлась единым этнолингвистическим массивом. Русский язык неоднороден, в его составе функционируют особые разновидности [2, с. 7]. До прихода на её территорию активных колонизаторов здесь обитали разнообразные сообщества, в том числе ногайцы и крымские татары, а также славянские мигранты, чьи диалекты взаимодействовали между собой. Одной из определяющих черт раннего периода было отсутствие стойкого местного этноса с преобладающим языком, который бы формировал языковую среду на протяжении длительного времени. Кроме того, отдельные участки региона испытали влияние Великого княжества литовского, что оставило свой культурный и языковой след. Главные события начались с инкорпорацией этих земель в состав Российской империи. Это стало началом для освоения региона, что выразилось в возведении укреплений, развитии соляной промышленности и последующей добыче угля. Масштабная миграция русского населения, включая казачество, активно способствовала распространению русского языка. Русский язык становился языком администрации, военного дела, торговли, проникая во все сферы жизни.

Одновременно с этим в Донбассе наблюдалось присутствие украинского языка. Миграция украинских крестьян из соседних областей способствовала развитию украинского языка на территории Донбасса. Тем не менее, по сравнению с русским языком, его значение в промышленных центрах и среди

чиновничества было меньшим. К моменту революции 1917 года, несмотря на некоторые тенденции к развитию, украинский язык занимал низкое положение в обществе [4, с. 283–284]. Данные статистических учётов того времени могли бы пролить свет на численное соотношение носителей русского и украинского языков, а также присутствие национальных меньшинств, таких как немцы, греки, евреи, чьи языки также вписывались в языковой центр региона. В советскую эпоху языковая обстановка в Донбассе претерпела разнонаправленные изменения, характеризующиеся как прогрессом, так и унификацией. Первоначально, в рамках политики поддержки местных культур, предпринимались шаги по возрождению и продвижению национальных языков. В Донбассе это выразилось в открытии школ и изданий на украинском языке [1, с. 142–143].

Административное устройство региона также существенно повлияло на языковую сферу. Поскольку часть Донбасса относилась к Украинской ССР, где украинский язык имел официальный статус, а другая часть – к РСФСР, где доминировал русский, возникла сложная обстановка. Несмотря на формальное главенство украинского языка в УССР, реальное влияние русского языка, особенно в промышленных центрах, постоянно возрастало. Интенсивная индустриализация региона в советский период привлекла значительное число мигрантов из разных частей СССР, среди которых преобладали русскоговорящие. Это привело к заметному росту доли русскоязычного населения, что, в свою очередь, укрепило позиции русского языка. Он стал основным средством межнационального общения, а также языком науки, техники, высшего образования и официальной деятельности. Преобладание русского языка в системе образования способствовало его закреплению, особенно в крупных городах.

Ближе к концу советского периода, на фоне общего подъёма национального самосознания, наблюдалось оживление интереса к украинскому языку и расширение сферы его применения. Тем не менее, эти тенденции были прерваны распадом Советского Союза и последующими политическими событиями, которые инициировали новый этап преобразований в языковой ситуации. После обретения независимости Украиной в 1991 году был принят закон «О языках в Украинской ССР», установивший украинский язык в качестве единственного государственного [5, ст. 2]. Данное решение вызвало разногласия в Донбассе, где русский язык преобладал в повседневной жизни, культуре и общественной сфере. В регионах Украины, входящих в состав Донбасса (Донецкая и Луганская области), были предприняты шаги по увеличению использования украинского языка в учебных заведениях, на государственной службе и в средствах массовой информации. Тем не менее, русскоязычное население часто воспринимало эти меры как ущемление своих языковых прав, что способствовало нарастанию напряжённости.

На территориях, входящих в состав России, местное законодательство определяло русский язык в качестве государственного. После событий 2014 года и возникновения Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной

Республики (ЛНР), языковая ситуация претерпела значительные изменения. Обе республики приняли законы, которые закрепили статус русского языка как государственного. Это означало, что русский язык стал основным языком в правительствах, судебной системе и делопроизводстве. В Донецкой и Луганской Народных Республиках приоритет государственной политики был отдан обеспечению функционирования русского языка в сферах образования и культуры. Были предприняты целенаправленные меры для создания русскоязычного образовательного пространства, в том числе разработаны учебные планы и изданы учебные пособия, соответствующие официальной позиции республик. Русская словесность, история и культура были существенно развиты, став фундаментальной частью культурной политики, что воспринималось как основной аспект сохранения и укрепления национальной самобытности и связей с Российской Федерацией.

После присоединения ДНР и ЛНР к Российской Федерации в качестве субъектов за ними официально закрепился русский язык как государственный язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации [3, ст. 68]. Российская Федерация активно способствовала внедрению российских образовательных стандартов, учебных программ и учебно-методических комплексов. Русские учебники стали основой системы образования, что способствовало формированию поколения, воспитанного на русском языке и русскоязычной литературе. Российские средства массовой информации, издательства, культурные проекты получили широкое распространение на территории ДНР и ЛНР. Это способствовало укреплению русскоязычного культурного пространства и интеграции в российское информационное поле. Украинский язык был практически исключен из официального оборота, сферы образования и публичных пространств. Его использование стало крайне ограниченным, что привело к его маргинализации. Россия оказывала значительную поддержку в реализации языковой политики, направленной на укрепление доминирования русского языка.

Таким образом, история языковой ситуации в Донбассе наглядно демонстрирует, как миграционные движения, индустриальное развитие, изменение политических режимов и законодательных норм формируют единую этноязыковую группу. Раннее отсутствие единого доминирующего коренного языка, последующее усиление позиций русского языка в период Российской империи и СССР, а затем его закрепление в качестве государственного на территориях ДНР и ЛНР, определяют текущее языковое положение региона. Период постсоветских преобразований и последующие события привели к большому сокращению сфер использования украинского языка в Донбассе, тогда как русский язык получил всестороннюю официальную поддержку и стал основным языком государственного управления, образования и культурной жизни.

Литература

1. Бунтовский С. Ю. История Донбасса : научно-популярное издание / С. Ю. Бунтовский. – Донецк : «Донбасская Русь», 2015. – 416 с.
2. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи : учебное пособие. / И. Б. Голуб. – М. : Логос, 2010. – 432 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 68. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/
4. Петров Ю. А. История России : учебник для вузов: в 2 частях / Ю. А. Петров. – М. : Наука, 2024. – 594 с.
5. Закон украинской советской социалистической республики «О языках в Украинской ССР», ст. 2. – URL : <https://web.archive.org/web/20071206005324/http://centra.net.ua/old/laws/laws4.htm>

УДК 811.161.1

ДИАХРОНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА: ДАННЫЕ ПЕРЕПИСЕЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XXI ВВ)

*Чижилова А. А., студентка группы 131-ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО ДГУЮ Минюста РФ*

Языковая ситуация в Донбассе сегодня воспринимается как одна из причин и одновременно инструментов острого политического конфликта. Однако за видимой простотой противостояния «русский против украинского» скрывается долгая и сложная история трансформации языкового ландшафта. Количественный анализ данных переписей и опросов за полтора столетия позволяет увидеть истинные масштабы и хронологию языкового сдвига в регионе, отделив глубинные исторические процессы от сиюминутных политических нарративов. Данное исследование, опирающееся на методологию исторической социолингвистики и сравнительный анализ переписей населения (1897, 1926, 1959, 1970, 1979, 1989, 2001 гг.), прослеживает, как менялись языковые предпочтения городского населения Донбасса от конца Российской империи до начала XXI века [4, с. 138–140; 5, с. 113].

Этапы языковой трансформации:

1. Конец XIX – начало XX вв. Формирование многоязычного ландшафта.

В дореволюционный период города будущего Донбасса (Юзовка, Луганск, Бахмут) представляли собой многоязычные анклав. Они формировались как промышленные центры, привлекая рабочую силу из разных губерний империи. Русский язык доминировал в административной сфере, на производстве и в крупной торговле, в то время как украинский (малорусский) преобладал в быту

сельских мигрантов и на местных ярмарках. Согласно переписи 1897 года, в городах Екатеринославской губернии (куда входила большая часть Донбасса) русский язык родным назвали около 40% населения, украинский – около 30%, значительную роль играли также еврейские общины (идиш – около 25%) и переселенцы из других регионов. Эта пестрота заложила основу для будущей языковой нестабильности [2, с. 6].

2. 1920-е – 1950-е гг. Советская «коренизация» и индустриальный перелом.

Советская индустриализация 1930-х годов стала ключевым фактором, радикально изменившим языковой баланс. Массовая миграция рабочих со всего СССР (из центральных регионов России, Поволжья, других областей) сделала русский язык общим практическим «койне» на гигантских стройках и заводах. Политика «коренизации» (украинизации) 1920-х годов, направленная на внедрение украинского языка в администрацию и образование, была исторически краткой. Перепись 1926 года фиксировала ещё относительно высокий уровень украинской языковой идентичности в регионе (около 60% украинцев Донбасса называли украинский родным), но демографический тренд, вызванный притоком русскоязычного населения, переломить не удалось. После свёртывания украинизации в 1930-х годах русский язык ещё более укрепил свои позиции [2, с. 7].

3. 1960-е – 1980-е гг. Утверждение русификации и советской идентичности.

В эпоху позднего СССР русский язык окончательно закрепился в сознании жителей индустриального Донбасса как символ урбанизации, технического прогресса и общесоветской идентичности. Украинский язык постепенно вытеснялся в сферу сельского быта и семейных традиций старшего поколения. Данные переписей этого периода фиксируют катастрофический спад доли украинцев, называющих украинский родным языком, особенно среди горожан. Если в 1959 году в Донецкой области 44,4% украинцев назвали родным украинский язык, то к 1989 году этот показатель упал до 30,6%. Произошёл классический языковой сдвиг (language shift) – процесс, описанный в работах Уриэля Вайнрайха и Джошуа Фишмана, при котором этничность перестаёт коррелировать с языком повседневного общения [1, с. 9].

4. 1991 – 2013 гг. Независимость Украины – инерция против политики.

После распада СССР вопреки ожиданиям националистически настроенной элиты не произошло обратной динамики. Перепись 2001 года показала не возврат к украинскому, а консервацию сложившегося в советское время порядка: 74,9% населения Донецкой области назвали родным русский язык (из них половина – этнические украинцы). Русский язык оставался доминирующим языком повседневного общения и мышления даже для большинства этнических украинцев региона. Попытки мягкой государственной украинизации (в образовании, делопроизводстве, медиа) встречали пассивное, а иногда и активное, сопротивление, основанное на глубоко укоренённой языковой привычке и реальной практике общения [3, с. 18].

5. Период после 2014 г. (постскрипtum). Разрыв пространства и данных.

События 2014 года привели к политическому и административному разрыву региона, что сделало невозможным получение единых и сопоставимых статистических данных. Однако анализ более ранних периодов чётко фиксирует ключевую закономерность: к концу XX – началу XXI века для большинства жителей региона сформировалась устойчивая модель двойственной идентичности: украинская этническая самоидентификация при русской языковой и культурно-коммуникативной идентичности. Именно это расхождение, зафиксированное ещё переписью 2001 года, стало фундаментом социокультурного своеобразия Донбасса и источником напряжённости в период формирования национального государства [1, с. 9].

Проведённый анализ убедительно доказывает, что современное доминирование русского языка в Донбассе – не результат последних десятилетий пропаганды или геополитического влияния, а следствие масштабного и долговременного исторического языкового сдвига. Его пик пришёлся на эпоху советской индустриальной модернизации 1930–1960-х годов, когда русский язык стал практическим инструментом социализации, образования и карьеры для миллионов мигрантов и их потомков. Таким образом, языковая картина региона – это, в первую очередь, отпечаток мощных демографических процессов и социальной инженерии XX века.

Литература

1. Морозов П. Л. Современное состояние школьного исторического образования, его задачи и проблемы / П. Л. Морозов // Актуальные проблемы истории Донбасса : сборник материалов Второй научной конференции историков ДНР / Т. Ю. Ампилогова, Е. В. Бабаева, С. Ю. Бунтовский и другие. – Донецк, 2019. – С. 5–11.
2. Грушина С. А. Диахрония в языковой ситуации Донбасса: исторические факторы / С. А. Грушина // Материалы V Республиканской заочной студенческой конференции, посвящённой Международному дню родного языка / М. В. Балко, А. В. Кретьова и другие. – Донецк : Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, 2023. – С. 17–20.
3. Клитна Е. Н. Языковая обстановка в Донбассе: синхронные и исторические аспекты / Е. Н. Клитна // Материалы VI Республиканской заочной студенческой конференции, посвящённой Международному дню родного языка / М. В. Балко, А. В. Кретьова и другие. – Донецк : Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, 2024. – С. 16–19.
4. Мозговой В. И. Национальный язык и государственность в контексте Донбасса / В. И. Мозговой // Новые горизонты русистики : научный журнал. Выпуск 7. – Донецк : ДонНУ. – 2019. – 204 с.
5. Черкашин К. В. Этническая самоидентификация жителей Донбасса / К. В. Черкашин, В. И. Теркулов, Т. Ю. Тамерьян // Политическая

лингвистика. – Донецк : Донецкий национальный университет. – 2023. –
№ 1 (97).

ОНОМАСТИКА ДОНБАССА

УДК 811.161.1

ОНОМАСТИКА ДОНБАССА

*Бойченко И. С., студент группы 131-ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ДГУЮ Минюста России*

Почему различные реки, моря, города называются именно так и никак иначе? Вопросом об именах задалась ещё во времена Древней Греции. В XX в. изучение имён собственных стало предметом такой науки, как ономастика. Ономастика (с греч. означает «искусство давать имена») – раздел языкознания, изучающий имена собственные, которые получили своё название – онимы [5, с. 1; 6, с. 7].

Донбасс – край, находящийся на побережье Азовского моря, граничащий с Ростовской, Харьковской, Днепропетровской и Запорожской областями. Донбасс охватывает территорию Донецкой и Луганской Народных Республик, а также восточную часть Днепропетровской и западную – Ростовской областей.

Донбасс, известный как Шахтёрский край, обрёл своё имя благодаря большим запасам угля, а именно, названию ресурсного бассейна – Донецкий угольный бассейн (*Дон-* и *басс-*) [2; с. 1].

Донбасс также известен своей «столицей», которая в разные эпохи носила разные имена. В XIX в. правительство Российской империи заключило соглашение с князем Сергеем Викторовичем Кочубеем, согласно которому он обязался построить завод по производству железных рельсов на юге России. В 1869 году князь продал концессию Джону Юзу за 24 000 фунтов стерлингов. Дж. Юз начал строительство металлургического завода и рабочего посёлка в районе села Александровка. Летом 1869 года, наряду со строительством завода и шахт, на месте села Александровка возникло новое поселение – Юзовка (или Юзово). Именно так Донецк получил своё первое название – *Юзовка*, названная в честь Джон Юза, предпринимателя, промышленника [1, с. 1; 3, с. 1].

Второе своё название Донецк получил в период НЭПа. 22 апреля 1924 года ВУЦИК принял решение переименовать город Юзовка в *Сталин*, что было связано с увековечиванием памяти о покойном лидере СССР и председателе Совета Народных Комиссаров РСФСР Владимире Ленине. С 1929 года, в рамках политики коренизации, город стал называться *Сталино*, хотя в русскоязычных документах он продолжал часто упоминаться как *Сталин* [1, с. 1; 3, с. 1].

09 ноября 1961 года город Сталино был переименован в *Донецк*. Это изменение произошло в рамках широкой кампании по декоммунизации и восстановлению исторических названий, что отражало новые политические реалии в стране [1, с. 1; 3, с. 1].

Улица *Артёма*. Улица получила название в честь известного советского революционера и политического деятеля, известного как товарищ Артём, – Фёдора Андреевича Сергеева. Также в честь Артёма названы улицы, города и шахты. В Донбассе, на правом берегу реки Северский Донец, установлен 22-метровый памятник. Это первый и единственный в мире памятник революционеру, выполненный в стиле кубизма [7, с. 1].

Фёдор Андреевич Сергеев сыграл важную роль в истории Донбасса во время Гражданской войны и становления советской власти. Он был одним из лидеров рабочего движения и активно боролся за права трудящихся. Это название символизирует признание его вклада в развитие региона и его преданность социальной справедливости. Артём остаётся в памяти как символ самопожертвования и стремления к лучшему будущему [7, с. 1].

Река *Кальмиус*. Слово *Кальмиус* имеет позднее происхождение. В письме к Запорожскому кошу, написанном ханом Кырымом Гиреем в 1762 году, упоминается, что Кальмиус – это место, о котором не знали ни в Крымском ханстве, ни среди татарского народа. В русских летописях чаще встречается название *Калькъ* (например, *надъ Калкомъ, за Калокъ реку*) и его различные варианты, такие как *Калы* и *Кали* («Книга Большому чертежу») [4, с. 1].

Согласно версии, поддерживаемой академиком О. Н. Трубачёвым, вторая часть этого гидронима (имена собственные водных объектов) может происходить от тюркского слова *tüjüz*, что переводится как ‘рог’ [4, с. 1].

Таким образом, названия мест в Донбассе – это отражение его истории. Название *Донбасс* появилось благодаря Донецкому угольному бассейну. Город *Донецк* за свою историю несколько раз менял имя: сначала он был *Юзовкой* (в честь промышленника Джона Юза), потом стал *Сталином*, затем *Сталино*, а в 1961 году получил современное название. Улица *Артёма* названа в честь революционера Фёдора Андреевича Сергеева. А название реки *Кальмиус*, возможно, имеет тюркские корни – по одной из версий, его вторая часть происходит от слова, означающего ‘рог’. Всё это показывает: имена городов, улиц и рек хранят память о людях, событиях и культурах, которые формировали наш край.

Литература

1. Донецк. – Текст : электронный // Рувики : интернет-энциклопедия. – 2024. – URL : <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Донецк> (дата обращения: 18.02.2026).
2. Донбасс (название). – Текст : электронный // Рувики : интернет-энциклопедия. – 2023. – URL : [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Донбасс_\(название\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Донбасс_(название)) (дата обращения: 18.02.2026).
3. История Донецка. – Текст : электронный // Рувики : интернет-энциклопедия. – 2024. – URL : https://ru.ruwiki.ru/wiki/История_Донецка (дата обращения: 18.02.2026).

4. Кальмиус. – Текст : электронный // Рувики : интернет-энциклопедия. – 2024. – URL : <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Кальмиус> (дата обращения: 18.02.2026).
5. Ономастика. – Текст : электронный // Википедия : свободная энциклопедия. – 2025. – URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ономастика> (дата обращения: 18.02.2026).
6. Сызранова Г. Ю. Ономастика : учебное пособие / Г. Ю. Сызранова. – Тольятти : Издательство ТГУ, 2013. – 248 с. – ISBN отсутствует. – Текст : непосредственный.
7. Артём – живая легенда Донбасса. – Текст : электронный // ИА Красная Весна : [сайт]. – 2020. – 16 апр. – URL : <https://rossaprimavera.ru/news/artem-zhivaya-legenda-donbassa-0>

УДК 913:801.311

ГИДРОНИМЫ ДОНБАССА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

*Димитрова А. М, студентка группы 131 ЮБУП
Дмитриева А. А., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный
университет юстиции»*

Гидронимы – собственные названия водных объектов (рек, озёр, болот), которые представляют собой один из древнейших пластов лексики любого региона. В отличие от антропонимов или урбонимов, гидронимы обладают высокой устойчивостью к изменениям и сохраняют в своём составе следы языковых контактов, миграций и природно-географических особенностей территории. Для Донбасса, расположенного в бассейне реки Северский Донец, гидронимия становится ключом к пониманию этнокультурной истории региона.

Основной рекой Донбасса является *Северский Донец* – крупнейший левый приток Дона. Этимология названия восходит к тюркскому корню *дон* ('низина, долина') с добавлением славянского суффикса сравнительной степени *-ец*, что буквально означает 'малый Дон' [1, с. 45]. Интерес представляет географическая особенность: река течёт на север, в отличие от большинства рек региона, что отразилось в её полном названии *Северский*. Такое сочетание тюркского корня и славянской словообразовательной модели демонстрирует многослойность языковых контактов на территории Донбасса.

Второй по значимости гидроним региона – река *Кальмиус*, впадающая в Азовское море на территории Мариуполя. Название имеет тюркское происхождение: от *къальмак* – 'грязный, мутный', что точно отражает природную характеристику реки с илистым дном и высокой мутностью воды в период паводков. Впервые название зафиксировано в документах Крымского

ханства XVII века как *Къальмыус*, что подтверждает тюркский пласт гидронимии южных районов Донбасса. В русскоязычной традиции название адаптировалось без перевода, сохраняя фонетическую основу оригинала.

Река *Лугань*, давшая название городу Луганск, представляет собой пример славянской гидронимии. Корень *луг-* указывает на прибрежные травянистые участки – луга и низменные травы вдоль берегов реки. Такие названия формировались в период активной колонизации региона славянскими переселенцами в XVIII веке и отражают непосредственное восприятие ландшафта первопоселенцами [2, с. 112]. Аналогичный принцип наблюдается в названиях притоков: *Белая* (по цвету воды), *Ольховка* (по преобладающей растительности), *Балка Сухая* (по периодичности течения).

Отдельную группу составляют гидронимы, образованные от фамилий первопоселенцев и землевладельцев. В документах Государственного архива Донецкой области встречаются упоминания реки *Петровка* – названной в честь владельца земельного участка Петра Сидорова, или ручья *Михайловского*, протекавшего через имение помещика Михайловского в районе современного Дебальцево. Подобные названия фиксируют не только географические объекты, но и социальную структуру региона в дореволюционный период, сохраняя память о людях, чья деятельность была неразрывно связана с освоением водных ресурсов края [3, с. 88].

Особую ценность для изучения гидронимии Донбасса представляют исторические карты и ревизские сказки XVIII–XIX веков. На военно-топографической карте 1819 года река Кальмиус обозначена как *Калмус*, а Северский Донец – как *Малый Донец*, что фиксирует ранние этапы адаптации тюркских названий в русскоязычной традиции. В ревизских сказках Славяносербского уезда 1782 года упоминаются речка *Осыковая* и балка *Вербовая* – названия, утраченные в XX веке из-за изменения ландшафта. Сравнительный анализ картографических источников разных эпох позволяет проследить эволюцию гидронимов и выявить закономерности их трансформации под влиянием языковых и административных факторов.

Исторически реки Донбасса определяли места заселения и развития поселений. Первые слободы и хутора возникали преимущественно в поймах Северского Донца и его притоков, где имелась пресная вода и плодородные почвы. Основание Мариуполя в 1778 году было обусловлено выгодным расположением при устье Кальмиуса, что обеспечивало выход к Азовскому морю. Аналогичным образом возникли поселения вдоль Лугани, Красной и других рек, что подтверждает ведущую роль гидрографической сети в формировании расселения населения региона [3, с. 91].

Особую группу гидронимов Донбасса составляют названия, возникшие в период индустриализации региона в XIX–XX веках. Ручей *Шахтинка* протекает на территории Донецка вблизи исторических шахтных комплексов, речка *Рудная* расположена в районе Горловки – центра металлургической промышленности, а ручей *Промка* встречается в нескольких промышленных посёлках Луганской области. Эти названия отражают не природные свойства водотоков, а их

функциональную связь с заводами и шахтами: реки использовались для технического водоснабжения или принимали производственные стоки. В результате в гидронимии региона закрепилась память об эпохе, когда промышленное освоение стало определяющим фактором преобразования местного ландшафта [3, с. 80].

С течением времени часть гидронимов Донбасса оказалась утрачена вследствие естественных и антропогенных процессов. Осушение болот в период 1950-1970-х годов привело к исчезновению названий таких водных объектов, как озеро *Чернолиманское* под Дружковкой или болото *Солёное* в районе Ясиноватой. Изменение русел рек в результате строительства прудов-накопителей и карьеров также привело к утрате исторических названий. Кроме того, в советский период некоторые гидронимы были переименованы в рамках общей политики топонимических преобразований – например, балка *Козацкая* получила название *Комсомольская*. Восстановление утраченных названий по архивным источникам представляет собой важную задачу для сохранения полноты гидронимического ландшафта региона.

Системный анализ гидронимов Донбасса выявляет четыре основных языковых пласта:

1) тюркский (*Кальмиус, Мокрый Еланчик*) – наследие половецко-татарского периода;

2) славянский (*Лугань, Белая, Ольховка*) – результат колонизации южных степей в Российской империи;

3) антропонимический (*Петровка, Михайловский*) – отражение социальной структуры дореволюционного периода;

4) промышленно-описательный (*Шахтинка, Рудная*) – свидетельство индустриализации XIX–XX веков.

Тюркские гидронимы концентрируются преимущественно в южных и восточных районах, тогда как славянские доминируют в северных и западных частях региона, что совпадает с историческими маршрутами миграций населения [4, с. 214].

Гидронимы Донбасса служат не только для обозначения водных объектов, но и укрепляют связь человека с родной землёй. В современных условиях реки Северский Донец и Кальмиус приобрели особое значение как природные символы региона. Их названия часто встречаются в официальных документах, средствах массовой информации и литературе, вызывая у жителей Донбасса чувство принадлежности к своей территории и гордость за её историю.

Подводя итог, гидронимия Донбасса представляет собой уникальный языковой архив, в котором запечатлены ключевые этапы исторического развития региона. Анализ этимологии и семантики водных названий позволяет восстановить последовательность заселения территории – от тюркских кочевий через славянскую колонизацию к индустриальной эпохе. Гидронимы фиксируют не только природные особенности ландшафта, но и социальные процессы: отражают хозяйственную деятельность населения, миграционные потоки и даже административные преобразования. Утрата ряда названий в результате

осушения водотоков, изменения русел и советских топонимических реформ подчёркивает хрупкость этого наследия и необходимость его систематической фиксации по архивным и картографическим источникам.

Литература

1. Ганина О. С. Ономастика Донбасса : учеб. пособие / О. С. Ганина; Донец. нац. ун-т. – Донецк : ДонНУ, 2018. – 248 с.
2. Жучкевич В. В. Общая топонимика / В. В. Жучкевич. – Минск : Вышэйшая школа, 1968. – 448 с.
3. Кривошеков В. В. Топонимия Донецкого края: историко-этимологический аспект / В. В. Кривошеков. – Донецк : Донбасс, 2005. – 192 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 288 с.

УДК 81'373.2

ОНОМАСТИКА ДОНБАССА

*Седова Л. Д., студентка группы 122-ЮБГП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Ономастика Донбасса – не музейный каталог, а живая карта столкновений и договорённостей. Здесь имя редко бывает «просто названием»: оно фиксирует, кто пришёл, кто остался, на каком языке договаривались о земле и труде. В степном пограничье ранние топонимы тяготеют к природным ориентирам и путям: *балка, курган, брод, яр* – слова, которыми пользовались, чтобы выжить и объясниться с соседями. В них слышится опыт кочевья и земледелия, а также память о водных нитях, без которых индустриальная эпоха вообще не смогла бы закрепиться.

Поселения получают имена по фамилиям владельцев, по названию церкви, по статусу слободы, по имени покровителя. Так рождается привычная для региона смесь сакрального и хозяйственного: рядом с *Никольским* легко представить *Заводское*, а рядом с *Покровским* – *Рудничное*. Эти пары важны: они показывают, как религиозный календарь и производственный распорядок постепенно учились жить в одной лексике [1].

Индустриализация добавила новый словарь – *шахта, копь, рудник, кокс, посёлок при станции*. Нередко старые названия вытеснялись или дробились: одно и то же место могло иметь «домашнее» имя, официальное и профессиональное, употребляемое горняками. Культура труда формировала и антропонимику: в рабочих династиях имя становилось семейным маркером преемственности, а прозвища – быстрым паспортом цеховой солидарности.

Важно и то, что Донбасс многоголосен. Украинские, русские, греческие, немецкие, татарские и другие следы не всегда читаются в «чистом виде», но проявляются в суффиксах, ударениях, вариантах написания. Это не путаница, а хроника соседства. Смысловый итог прост: изучая имена Донбасса, мы видим не абстрактную «историю края», а конкретный механизм, через который регион собирал себя по словам.

Говорить об именах Донбасса – значит разбирать карту как палимпсест: поверх степной тишины легли слои переселений, промышленного рывка и административных переименований.

В типологии региональных топонимов особенно заметны три узла. Первый – природно-ландшафтные названия, где слышится вода, рельеф, растительность: *балка, яр, лиман, мокрая низина*. Такие слова работают как старые геодезические метки: даже когда речка убрана в трубу, имя продолжает «помнить» её [3].

Второй узел – поселенческие и хозяйственные топонимы. Здесь читается логика освоения: *хутор, слобода, станица*, а позже – *шахта, рудник, заводской посёлок*. Индустриальная эпоха принесла названия-формулы, иногда сухие, но честные: они фиксируют труд как главный сюжет территории.

Третий узел – мемориальные и идеологические имена: они чаще всего моложе, их этимология связана не с природой, а с биографиями, датами, лозунгами. Именно в них сильнее всего заметна смена эпох: одно и то же место может несколько раз менять вывеску, но жители продолжают пользоваться «домашним» вариантом как паролем принадлежности.

Личные имена региона не менее многослойны. В антропонимии рядом живут церковно-календарные формы, украинские и русские разговорные варианты, а также фамилии, выросшие из профессий и прозвищ: *Кузнец, Шахтёр, Пастух* как напоминание о ремесле; фамилии на *-енко* и *-ов/-ев* как след разных языковых привычек. Отчества дисциплинируют официальную речь, а уменьшительные формы держат интимный круг – и в этом слышна местная социальная этика [1].

Этимология в Донбассе редко бывает «чистой»: она похожа на смешанную речь на рынке, где каждое слово несёт историю контакта. Чем внимательнее мы раскладываем эти имена по типам, тем яснее видим не абстрактный регион, а живую, меняющуюся общность с собственной памятью и упрямой точностью.

Ономастика Донбасса – не «набор названий», а нерв памяти: именно через имена территория разговаривает с теми, кто здесь живёт, и с теми, кто уехал. Когда человек говорит *Я из Макеевки* или *из Селидово*, он произносит не просто точку на карте, а целый опыт – шахтный, степной, миграционный. В этом смысле имя места работает как пароль: оно мгновенно собирает вокруг себя ассоциации, семейные истории, интонации речи.

Сила региональной идентичности заметна в том, как жители удерживают привычные названия даже при административных изменениях. На бытовом уровне продолжают жить старые топонимы районов, остановок, балок, которые редко попадают в официальные реестры, но задают «внутреннюю географию» города. Так формируется культурная карта: она точнее любого путеводителя,

потому что основана на маршрутах труда и общения – дорога к шахте, к рынку, к террикону, к стадиону.

Не менее важны антропонимы. Фамилии переселенцев, характерные прозвища, уменьшительные формы имён в местной речи фиксируют многослойность региона: рядом звучат южнорусские, украинские, греческие, немецкие оттенки, и эта смесь не размывает, а уплотняет идентичность. Даже выбор имени ребёнку нередко становится жестом принадлежности: назвать в честь деда-горняка, сохранить редкую семейную форму, не «выправлять» ударение.

Таким образом, сохранение наследия начинается с внимательного отношения к этим словам. Если исчезает название балки или посёлка, стирается ключ к пониманию, почему именно здесь возникла слобода, станция, шахтный посёлок. Поэтому работа с ономастикой – это не только наука, но и практическая забота: школьные краеведческие проекты, карты локальных топонимов, бережные таблички с историческими вариантами имён. Донбасс узнаёт себя в своих названиях – и, сохраняя их, сохраняет право на сложную, честную память о себе.

Литература

1. История городов и сёл Украинской ССР: Донецкая область / Ин-т истории УССР; редкол.: Г. П. Ерхов (пред.) и др. – Киев : Глав. ред. Украинской Сов. Энциклопедии, 1976. – 811 с.
2. Сборник научных трудов по гуманитарным наукам : материалы конф. / ред. кол.: И. В. Древаль (отв. ред.), Н. М. Зайченко, В. И. Нездойминов, В. Ф. Мущанов, Я. В. Назим, В. Н. Левченко, Р. Н. Назар. – Донецк : ДонНАСА, 2018.
3. Ситникова Е. В. Ономастика пограничных территорий: на материале Донбасса / Е. В. Ситникова // Вестник ЛГПУ. – 2017. – № 52 (17). – С. 112–118.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

УДК 81'37:81'243

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Азарова В. М., студентка 1 курса института юстиции,
Максименко А. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В современном обществе язык выполняет значительно более сложные функции, чем простая передача информации. Он отражает культурные ценности, социальные установки и изменения, происходящие в общественной жизни, а также влияет на формирование мышления и мировоззрения человека. Через язык передаются исторический опыт, традиции и нормы поведения, что делает его важнейшим элементом культуры.

Связь языка и общества особенно отчётливо проявляется в условиях глобализации и цифровизации. Современные коммуникационные технологии существенно расширили границы общения, позволив людям из разных стран и культур ежедневно взаимодействовать в едином информационном пространстве. В результате этих процессов язык активно пополняется новыми словами, заимствованиями и выражениями, а также формируются смешанные языковые коды. При этом сохраняются и локальные языковые особенности, отражающие историческую и культурную специфику конкретных регионов.

Язык тесно связан с понятием языковой личности. Ю. Н. Караулов подчёркивает, что язык является неотъемлемой частью внутреннего мира человека и формирует способы восприятия и оценки действительности [1, с. 36]. Через языковое поведение проявляются индивидуальные и социальные характеристики личности, уровень её культурного и когнитивного развития, а также особенности жизненного опыта.

Культурная обусловленность языка подробно рассматривается в трудах А. Вежбицкой, которая отмечает, что языковые структуры отражают специфические для каждой культуры способы концептуализации мира [2]. Изменения в обществе, развитие технологий и трансформация социальных практик неизбежно находят отражение в языке, что подтверждает его динамичный характер и способность адаптироваться к новым условиям. К примеру, в 2025 году информационно-поисковый лексикографический ресурс Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) «Новое в русской лексике. Словарные материалы» пополнился такими словами, как *бедрёттинг* (отдых в кровати, обычно сопровождающийся просмотром цифрового контента, как способ справиться с выгоранием, тревожностью и другими психологическими проблемами; пассивный досуг дома), *ботлікер* (тот,

кто восхищается искусственным интеллектом, нейросетевыми приложениями и т. п., чрезмерно пользуется ими), *слонпер* (тот, кто восхищается искусственным интеллектом, нейросетевыми приложениями и т. п., чрезмерно пользуется ими) [5].

Одной из наиболее подвижных сфер современного языка является молодёжная речь. По наблюдениям Е. А. Земской, молодёжный жаргон формируется под влиянием массовой культуры, средств массовой информации и интернет-коммуникации и выполняет функцию социальной идентификации [3]. Использование жаргонных слов (*зашибись* – выражение восторга, *кайф* – удовольствие, *тормоз* – медлительный человек), заимствований (*краш* (от англ. crush) – объект симпатии, *хайп* (от англ. hype) – ажиотаж, популярность, *флекс* (от англ. flex) – демонстрация статуса) и сокращений (*хз* – не знаю, *спс* – спасибо) позволяет молодым людям обозначить принадлежность к определённой социальной группе и выразить эмоциональное отношение к происходящему.

В цифровой среде формируются новые модели коммуникации, сочетающие элементы устной и письменной речи. Сообщения в мессенджерах и социальных сетях отличаются краткостью, разговорной интонацией и активным использованием графических средств передачи эмоций, таких как эмодзи и мемы (*погнали* вместо *давайте начнём*, 😞 для выражения грусти, реакции в мессенджерах – лайки, сердечки, смайлики – вместо словесного выражения эмоций). Подобные формы общения не разрушают язык, а демонстрируют его гибкость и способность приспосабливаться к изменяющимся условиям коммуникации.

Современные языковые процессы тесно связаны с изменением способов восприятия информации. В условиях постоянного информационного потока возрастает роль кратких, ёмких и выразительных языковых средств. Это приводит к активному использованию сокращений, аббревиатур и устойчивых клишированных выражений, особенно в интернет-коммуникации (*лайк, если согласен; сохраняй в закладки; делись с друзьями; подпишись на канал; ставь колокольчик / палец вверх*). Подобные явления отражают не только технологические изменения, но и трансформацию когнитивных стратегий человека, ориентированных на быстрое восприятие и обработку информации.

Важную роль в развитии языка играет визуализация общения. Тексты всё чаще сопровождаются изображениями, гиф-анимацией и графическими элементами, которые дополняют или частично заменяют вербальное выражение эмоций. Это свидетельствует о расширении коммуникативных возможностей языка и формировании новых способов передачи смыслов. При этом словесная часть сообщения не утрачивает своего значения, а взаимодействует с визуальными элементами, образуя единое смысловое пространство.

Способность переключаться между языковыми системами способствует развитию гибкого мышления, межкультурной адаптации и более глубокому пониманию культурных различий. Вместе с тем элементы других языков проникают в родную речь, что отражается на её лексическом и стилистическом составе.

Процессы заимствования в современном языке носят системный характер. Иноязычные слова, прежде всего англицизмы, активно используются в сферах технологий (*интернет* – Internet, *компьютер* – computer, *блог* – blog), экономики (*бизнес* – business, *менеджер* – manager, *маркетинг* – marketing), культуры (*флешмоб* – flash mob, *хипстер* – hipster, *челлендж* – challenge) повседневного общения (*ок* – ok, *фейк* – fake, *криндж* – cringe). Со временем многие из них адаптируются к нормам принимающего языка, изменяя своё произношение и грамматические формы (*инфлюенсер* (influencer) – адаптированное к русскому произношению, *лайк* – образование множественного числа (лайки)). Это подтверждает, что заимствования являются естественным механизмом языкового развития, а не признаком утраты национальной самобытности.

Язык выполняет и функцию социальной регуляции. Через речевые нормы и модели поведения общество транслирует представления о допустимом и недопустимом, формирует коммуникативную этику и речевой этикет. Изменения в общественных ценностях неизбежно отражаются в языке, что проявляется в появлении новых форм вежливости, нейтральных обозначений и корректных форм обращения: *люди с особенностями развития* вместо *инвалиды*, *работники сферы услуг* вместо *обслуживающий персонал*, *малоимущие* вместо *бедные*, *специалисты по клинингу* вместо *уборщики*.

Следует отметить, что языковые изменения не являются хаотичными. Даже в условиях активной трансформации сохраняется преемственность языковых норм, обеспечивающая стабильность коммуникации между поколениями. Традиционные элементы языка сосуществуют с инновационными, образуя сложную и многоуровневую систему, к примеру, цифровой дискурс включает новые формы коммуникации (эмодзи, сокращения, интернет-сленг). Это позволяет языку одновременно сохранять культурную память и адаптироваться к новым социальным реалиям.

Важным аспектом отражения социальных и культурных процессов в языке является ономастика и топонимика. В. А. Никонов отмечает, что географические названия сохраняют историческую память и отражают значимые события и ценности общества [4]. Названия улиц, площадей и районов города могут свидетельствовать о ключевых этапах его развития, политических и культурных ориентирах различных исторических периодов.

На примере топонимов Донецка можно проследить тесную связь языка с историей и культурой региона. Такие названия, как *улица Артёма*, *улица 50-летия Октября*, *улица Горького* и *Университетская*, отражают революционное прошлое, советский период, литературное наследие и развитие системы образования. Эти наименования формируют коллективную память жителей и выступают важным элементом городской идентичности.

Таким образом, язык является не только средством коммуникации, но и универсальным инструментом отражения социальных и культурных процессов. Его развитие обусловлено изменениями в обществе, технологиях и формах взаимодействия людей. Анализ современных языковых явлений позволяет

глубже понять динамику общественной жизни и особенности формирования идентичности в условиях глобализированного мира.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Земская Е. А. Язык как деятельность : монография / Е. А. Земская. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 896 с.
4. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – Изд. 2-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.
5. Информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. – URL : <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения 11.02.2026).

УДК 39:37.018.1

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ КАК ОСНОВА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

*Бакаева А.-М. О., студентка группы Фик-25-1,
Осипова А. Н., канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

История человечества – бесконечный процесс непрерывной смены поколений, формаций, событий, цивилизаций и культур. Накопленные ценности духовной и материальной культуры, которые были собраны на протяжении столетий, бережно передаются от поколения к поколению. Центральное место в народной обрядности занимают семейные торжества, связанные с основными этапами жизни человека.

Семейные отношения у мариупольских греков в XIX и в начале XX в. основывались на принципах, основанных на имущественном положении сторон, они были закреплены традицией, общественной моралью, воспринимались как общеобязательные [1]. Определенная изолированность от воздействия извне на социально-бытовом уровне, обусловленная в прошлом социально-экономическими факторами, позволила грекам Приазовья сохранить этнические особенности в повседневной жизни [2]. Семья была основной производственной ячейкой общества, ей принадлежало имущество: жилой дом и усадьба, земельные угодья и поголовье скота, инвентарь и транспортные средства [1]. Распорядителем семейного имущества был глава семьи – как правило, старший

по возрасту мужчина – главный работник. В его руках был семейный доход. Отсюда и тот уклад жизни, который в литературе именуется «патриархальным» [1].

Типичная семья греков Приазовья состояла из двух или трёх поколений – родителей с детьми (хозяев и их женатого сына с невесткой и детьми). Общественное мнение и традиционный этикет требовали от младших уважительного отношения к старшим. Невестка обязана была проявлять почтительность к свёкру и свекрови. Сохранились среди людей старшего возраста воспоминания о правилах избегания прямых контактов между свёкром и снохой после её вхождения в дом. В первое время свёкор передавал снохе указания по хозяйству через посредника, чаще всего свою жену. Как утверждают греки Приазовья (жители посёлка Сартана), во время трапезы, невестка не садилась со всеми за общим столом, а ела стоя в непосредственной близости. Постепенно осуществлялся обряд «развязывания языка»: свёкор одаривал сноху и разрешал ей говорить [1, 3].

В системе греческой этнической традиции семья играет очень большую роль. Особое место в данной проблематике занимает вопрос, касающийся рождения детей. Начиная с восьми лет, некоторые родители пытались отдавать девочку в школу, но это было редким явлением, поскольку главным было удачно выйти замуж – создать семью. Известно, что начиная с этого возраста, чаще всего начиналась своеобразная психологическая подготовка девочки к созданию семьи. С этого периода мама с бабушкой помогали ребёнку готовить приданое: одежду, украшения, постельные принадлежности, – обучали рукоделию и кулинарии и т. п. Всё приданое хранилось в специально отведённом месте – «женском углу», – там же девочка и занималась рукоделием: вышивала крестиком, вязала, пряла. В древности о предстоящей свадьбе родители мальчика и девочки договаривались буквально с колыбели, считая такие браки более крепкими. Покорность со стороны детей считается признаком уважения и почитания старших, доверия их жизненному опыту [2]. Рождение мальчиков приветствовалось больше, чем девочек, поскольку считалось, что парень остаётся вместе с родителями на всю жизнь. Приданое невесты было очень затратным и состояло не только из одежды и украшений, но и из разных предметов быта: посуды, ковров и других предметов домашнего обихода. Относительно воспитания мальчиков, следует сказать, что их воспитывали как настоящих мужчин. Учили защищать младших, уважать старших, помогать отцу по хозяйству. Так, уже с малых лет отец брал мальчика на рыбалку, охоту, учил ездить верхом.

В греческих семьях рождение ребёнка всегда считалось большим действием. Бездетность считалось большим несчастьем. В наши дни роды проходят в больницах, в прошлом их принимала на дому повивальная бабка – монаха. Обычно, если рождался мальчик, его называли в честь дедушки (по отцу), если девочка – именем бабушки (по отцу). Если же ребёнок рождался в день святого или святой, то ему давали соответствующее имя, такое же имя давали ребёнку и в церкви [3]. Результаты полевых исследований, которые были проведены в 2013

году в городе Мариуполе, отражают тот факт, что этнические традиции не только возрождаются, но поддерживаются старшими поколениями. Так, например, жительница Мариуполя Т. К. Богадица в 2011 году также встречала внука по традициям греков, так как сама является коренным носителем культуры греков Приазовья [3].

Таким образом, воспитание подрастающего поколения должно соответствовать потребностям этнокультурного возрождения всех этносов, проживающих на территории Донбасса, и предусматривать предоставление им широких возможностей для изучения истории, традиций, обычаев, языка, культуры, формирования чувства национального достоинства. Современное воспитание должно обеспечивать приобщение молодежи к мировой культуре и общечеловеческим ценностям. По своим формам и методами оно опирается на народные традиции, лучшие образцы национальной и мировой культуры.

Литература

1. Арабаджи С. С. Повсякденне життя грекині Приазов'я наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. / С. С. Арабаджи // Гілея (науковий вісник) : збірник наукових праць. – К., 2009. – С. 4–11.
2. Баранова В. В. Греки Приазовья: этническое самосознание и язык : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук : спец. 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» / Влада Вячеславовна Баранова. – Санкт-Петербург, 2006. – 20 с.
3. Богадица Т. К. Обрядовый фольклор греков Приазовья / Т. К. Богадица. – Мариуполь : Новый мир, 2009. – 44 с.

УДК 81.161.1

ЯЗЫК КАК ЗЕРКАЛО И ХРАНИТЕЛЬ ДУХОВНЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА

*Бакланов Е. И., студент группы ПУС-9а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры
прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Ландшафт коллективной души этноса проявляется не в утилитарном коде коммуникации, а в топологической глубине его языка – многослойной системе координат, где оседают исторические тектонические сдвиги, прорастают гносеологические маршруты и кристаллизуются аффективные рельефы. Эта динамичная картография постоянно обновляется, но её концептуальные водоразделы и семантические центры притяжения сохраняют удивительную стабильность, выступая якорем идентичности в бурном потоке времени [3, с. 120]. В своей двойной сущности язык функционирует одновременно как симуляционная платформа, конструирующая возможные вселенные, и как

распределённый архив, стенографически вплетающий опыт поколений в свою ткань [5, с. 45].

Как виртуальная машина, язык производит не зеркальное отображение, а сконструированную гиперреальность – коллективно поддерживаемый галлюциноз, получающий статус объективной истины. Встроенная в него мировоззренческая матрица проявляется в структуре номинативных полей, грамматических алгоритмах и сценарных протоколах общения. Грамматические правила предопределяют когнитивные стратегии, перенаправляя внимание с причинности на взаимосвязь, с объекта на событие. Язык программирует мышление на сегментацию континуума на дихотомии или на восприятие его как непрерывного спектра [2, с. 40]. Этим объясняется, почему обеднение лингвистического инструментария сродни потере одного из органов чувств – мир не исчезает, но становится семантически обеднённым и плоским. Освоение языка, таким образом, эквивалентно установке операционной системы для сознания, прошедшей многотысячелетнее тестирование в реальных условиях. Афористические формулы и фольклорные перформативы выступают сжатыми эвристиками коллективной мудрости, содержащими в закодированном виде стратегии адаптации, модели кооперации и сценарии трансценденции.

В роли распределённой памяти язык гарантирует сохранность культурного кода перед лицом информационной энтропии. Это своеобразный семиотический лидер, где каждая лексическая единица содержит криптографический след предшествующих значений – концептуальные осадки, следы ментальных катастроф, отпечатки забытых социальных договорённостей, фиксируя дрейф идей, столкновение картин мира, трансфер символического капитала [1, с. 165]. Особенно наглядна эта функция в фразеологических сгустках – идиомах и поговорках, которые распространяются как ментальные вирусы, часто при полной утрате понимания их первоначального контекста. Однако они сохраняют, подобно культурным капсулам времени, отголоски исчезнувших ритуалов, поведенческих матриц и телесных практик. Язык консервирует фрагменты архаичных эпистемологии в конструкциях бранных формул, речевых ловушках и портупейных заклинаниях. Даже массив лингвистических исключений – запретная лексика, подменные обозначения – служит исследователю криптографическим ключом для реконструкции социальных табу и неписаных сценариев. Истинный перевод – это всегда алхимический акт транскрипции смысла, попытка запустить программный код одной ментальной вселенной в среде с принципиально иной логикой и архитектурой, что неизбежно рождает уникальные семантические гибриды.

Глобализационные процессы, тотальная дигитализация и экономика внимания оказывают экстремальное давление на лингвистический полифонизм, приводя к семантической редукции и цепному вырождению языковых экосистем. Угрозы носят фундаментальный характер: архитектура цифрового пространства оптимизирована под скоростной обмен упрощёнными сигналами, а гегемония определённых лингвоментальных паттернов создаёт иллюзию ущербности локальных языков для описания сложных систем. Это порождает

когнитивную колонизацию и не рефлексивный импорт чужих концептуальных схем [4, с. 320]. Новые поколения начинают видеть в родном языке устаревший софт, несовместимый с процессорами современного мышления. Языки меньшинств испытывают двойной прессинг – со стороны глобального языка-мета системы и доминирующего государственного языка, что ведёт к размыванию межпоколенческих мостов и коллапсу языковых ниш в обозримой перспективе.

Следовательно, системная работа по сохранению и модернизации родного языка – это не создание музейного архива, а стратегическая операция по поддержанию когнитивного суверенитета и разнообразия форм мысли. Это процесс непрерывной адаптивной эволюции, противостоящий маргинализации. Язык остаётся живым до тех пор, пока он способен не просто давать имена новым явлениям, но и создавать оригинальные высказывательные стратегии, новые дискурсивные форматы, отвечающие вызовам усложняющейся реальности. Его необходимо интегрировать в передовые исследовательские парадигмы, в цифровые нарративные экосистемы, в архитектуру искусственного интеллекта и иммерсивных миров. Ключевое значение имеет разработка на его основе специализированных онтологий для таких областей, как пост классическая наука, что подтвердит его эвристический потенциал. Необходима пересборка образовательной системы, где родной язык должен раскрываться как интерфейс для взаимодействия с культурой больших данных, поддержка создания сложного цифрового контента и формирование распределённых сетей языкового суверенитета. Дигитальные коллекции текстов должны эволюционировать в динамичные исследовательские среды, позволяющие визуализировать генезис и ветвление концептов подобно эволюции биологических видов. Парадоксально, но инструменты, создающие риски, могут стать драйверами его возрождения – через обучение больших языковых моделей, создание виртуальных языковых сред и моделей для лингвистических сообществ. Подлинная ценность языка осознаётся через выбор в пользу смысловой насыщенности и концептуальной точности высказывания.

Язык служит также распределённым механизмом достижения консенсуса, протоколом ко-конструирования социальной реальности и основой координации в периоды кризисов. Целью является не изоляция, а достижение динамичного полилингвального равновесия, при котором сильный, обладающий уникальным вычислительным стилем язык способен к продуктивному диалогу и взаимному обогащению с другими системами. Таким образом, его развитие представляет собой непрерывное лавирование между наследием, окаменевшим в синтаксисе, и инновационной энергией, рождающейся в живой речевой практике. В своей итоговой сущности язык выступает как мета система культуры, симуляционная платформа, на которой разворачивается коллективное бытие. Он подобен голограмме, каждый фрагмент которой содержит информацию о целом. Он осуществляет временную синхронизацию, позволяя каждому новому поколению не просто получать пакеты данных, но и входить в распределённое смысловое поле предков. В конечном счёте жизнестойкость языка определяется не

статистикой его носителей, а способностью порождать и удерживать в пространстве коллективного сознания целые миры особой смысловой и эмоциональной сложности. Ответственная работа с языком – это наш долг перед предыдущими итерациями системы и инвестиция в её будущие версии. Каждый язык предлагает уникальный набор категорий для осмысления реальности, потенциально способный стать основой для прорывных интеллектуальных решений. Эволюция сообщества неотделима от развития его лингвистической инфраструктуры, и в этой коэволюции – запас устойчивости и способность порождать оригинальные онтологии. Критически важной становится задача возвращения лингвистической чуткости, способной отличить аутентичные процессы смыслообразования от симулякров и мёртвых языковых форм. Язык как высший когнитивный актив требует не бальзамирования, а постоянной интеллектуальной разработки и сложного обновления, реализуемого в каждом акте говорения и создании новых смысловых конструкций.

Литература

1. Бурдьё П. Социология социального пространства : пер. с фр. / П. Бурдьё ; общ. ред. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. – 288 с.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга : Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн ; пер. с англ. И. О. Тюриной. – Киев : Ника-Центр, 2003. – 432 с.
6. Плунгян В. А. Почему языки такие разные? / В. А. Плунгян. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 272 с.

УДК 37.013.43(063)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИЛИНГВИЗМА И ПОЛИКУЛЬТУРАЛИЗМА

*Бойченко И. С., студент группы 131-ЮБУП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель*

кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»

Современное мировое сообщество переживает эпоху интенсивной глобализации, сопровождающейся усилением миграционных процессов, расширением транснациональных коммуникаций и формированием мультикультурных пространств. В этом контексте феномены полилингвизма и поликультурализма приобретают особую актуальность, становясь предметом междисциплинарных исследований в лингвистике, социологии, психологии, культурологии и педагогике. Их изучение требует выработки комплексных методологических подходов, способных охватить многоаспектность данных явлений и выявить закономерности их функционирования в различных социокультурных средах.

Полилингвизм, понимаемый как владение и практическое использование индивидом или сообществом двух и более языков, представляет собой сложный психолингвистический феномен. Его исследование предполагает анализ не только уровня языковой компетенции, но и механизмов переключения кодов, интерференции языковых систем, формирования мультилингвальной идентичности. Существенную методологическую проблему составляет отсутствие единой типологии полилингвизма: исследователи предлагают различные основания для классификации (по возрасту усвоения языков, степени владения, сферам использования), что затрудняет сопоставительный анализ данных. Кроме того, требует уточнения соотношение понятий «полилингвизм», «билингвизм» и «мультилингвизм», поскольку в научной литературе наблюдается терминологическая неоднозначность [2].

Поликультурализм как социокультурный феномен отражает сосуществование и взаимодействие различных культурных групп в едином пространстве. Его изучение сопряжено с рядом концептуальных трудностей: во-первых, необходимо разграничить поликультурализм и смежные понятия («мультикультурализм», «культурный плюрализм»), во-вторых, требуется выработка критериев оценки степени интегрированности культурных сообществ. Особую сложность представляет измерение уровня поликультурной компетентности индивида, включающей когнитивный (знание культурных норм), аффективный (толерантность) и поведенческий (навыки межкультурного взаимодействия) компоненты. Методологический аппарат исследования поликультурализма должен учитывать динамичность культурных границ и вариативность форм межкультурного диалога – от синергии до конфронтации.

Взаимосвязь полилингвизма и поликультурализма образует особое поле исследовательского интереса. Язык выступает не только инструментом коммуникации, но и носителем культурных смыслов, поэтому овладение новым языком неизбежно влечёт приобщение к иной культурной системе. В этом контексте возникает проблема изучения влияния многоязычия на формирование поликультурной личности: способствует ли владение несколькими языками развитию эмпатии и когнитивной гибкости или, напротив, порождает конфликт

идентичностей? Эмпирические данные носят противоречивый характер, что обуславливает необходимость разработки комплексных методик, сочетающих количественные (тесты языковой компетенции, анкетирование) и качественные (глубинные интервью, этнографическое наблюдение) методы [4].

Прикладные аспекты изучения полилингвизма и поликультурализма имеют непосредственное отношение к решению актуальных социальных задач. В сфере образования это проявляется в необходимости создания эффективных методик преподавания иностранных языков, учитывающих культурный контекст, а также в разработке программ поддержки детей-мигрантов, осваивающих язык принимающего общества. В языковой политике ключевым вопросом становится определение статуса региональных и миноритарных языков, поиск баланса между унификацией коммуникативного пространства и сохранением лингвистического разнообразия. В межкультурной коммуникации практическая значимость исследований связана с подготовкой специалистов (переводчиков, дипломатов, социальных работников), обладающих навыками эффективного взаимодействия в мультикультурной среде.

Особую группу прикладных проблем составляют вопросы социолингвистической диагностики. Требуется разработка стандартизированных инструментов для:

- оценки уровня полилингвальной компетенции в профессиональных сферах (например, для авиадиспетчеров или медицинских работников);
- мониторинга языковой ситуации в регионах с этнически неоднородным населением;
- анализа эффективности программ языковой интеграции мигрантов.

Здесь методологические сложности связаны с необходимостью учёта социодемографических переменных (возраст, образование, длительность пребывания в языковой среде) и контекстуальных факторов (формальность ситуации, тематика общения).

В психологической плоскости исследование полилингвизма и поликультурализма сталкивается с проблемой измерения когнитивных издержек многоязычия. Хотя ряд исследований демонстрирует позитивное влияние полилингвизма на исполнительные функции мозга, другие данные указывают на возможные затруднения в лексическом доступе и увеличение времени реакции. Для разрешения этих противоречий перспективным представляется применение нейрокогнитивных методов (ФМРТ, ЭЭГ) в сочетании с психолингвистическими экспериментами. Не менее значим анализ эмоционально-мотивационных аспектов: как влияет многоязычие на самооценку, уровень стресса, ощущение культурной принадлежности?

Междисциплинарный характер проблематики обуславливает необходимость интеграции методологических подходов. Системный метод позволяет рассматривать полилингвизм и поликультурализм как элементы сложной социокультурной системы. Когнитивный подход даёт инструменты для анализа ментальных репрезентаций языковых и культурных знаний. Социолингвистические методы (вариационный анализ, дискурс-анализ)

помогают выявить закономерности использования языков в различных социальных группах. Антропологический ракурс акцентирует внимание на повседневных практиках межкультурного взаимодействия [5].

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются:

- изучение цифрового полилингвизма (использование нескольких языков в онлайн-коммуникации);
- анализ роли языков-посредников в поликультурных сообществах;
- исследование влияния полилингвизма на креативность и инновационное мышление;
- разработка моделей поликультурного образования для различных возрастных групп.

Таким образом, теоретико-методологические и прикладные проблемы изучения полилингвизма и поликультурализма образуют многогранное исследовательское поле, требующее:

- уточнения категориального аппарата;
- разработки комплексных методик сбора и анализа данных;
- учёта социокультурного контекста при интерпретации результатов.

Решение этих задач будет способствовать не только развитию фундаментальной науки, но и выработке практических рекомендаций для языковой политики, образования и межкультурного диалога.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Володин В. В. Полилингвизм в современном мире / В. В. Володин // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 3. – С. 45–58.
3. Гудков Д. Б. Теория межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Д. Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2022. – 288 с.
4. Демин А. С. Социолингвистические аспекты полилингвизма / А. С. Демин // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 4(46). – С. 112–125.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – Москва : Наука, 1989. – 186 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
8. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи / И. И. Халеева. – Москва : Высшая школа, 1989. – 238 с.

РОЛЬ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

*Гаюн К. А., студентка 2 курса,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,*

В условиях современного многокультурного и многонационального мира, где представители разных культур постоянно взаимодействуют, вопросы взаимопонимания становятся критически важными. Культурные расхождения могут легко породить недоразумения, конфликты и социальное напряжение. В этой ситуации искусство и культура играют незаменимую роль в сглаживании этих различий. Они служат мостом между людьми, помогая преодолевать языковые и культурные барьеры, и способствуют формированию атмосферы толерантности и уважения к чужим традициям. Искусство позволяет нам глубже погрузиться в мир других культур, узнать их обычаи и развить способность к сопереживанию.

Язык формируется обществом и является результатом накопленного человеческого опыта, истории и культуры. Он отражает уникальные аспекты общественного сознания, историческое наследие и национальные обычаи, передаваемые из поколения в поколение. Таким образом, изучение языка – это не просто освоение его структуры, а глубокое понимание культурной информации, которую он несёт. Как фундаментальный инструмент общения, язык позволяет нам наиболее полно и детально проследить эволюцию человеческого общества. Между языком и культурой существует глубокая внутренняя связь: язык выступает как важнейший канал для выражения культуры, а культура, в свою очередь, поддерживает и обогащает язык, обеспечивая его непрерывное существование и передачу [3].

Человечество обладает общими когнитивными и философскими основами, однако исторический путь и географическое положение каждой этнической группы формируют уникальные культурные особенности. Эти различия проявляются в обычаях, менталитете и языковых структурах, что в итоге порождает многообразие культур. В условиях стремительного развития мировой экономики и интенсификации международных связей, культурный обмен становится всё более частым и глубоким. Переводческая деятельность служит наглядным примером такого обмена, а возникающие в ней трудности подчёркивают глубину культурных различий. Для эффективного взаимодействия между различными народами необходимо глубокое понимание этих различий, которые охватывают язык, традиции, религию, одежду, социальное положение, пол и образование.

Искусство и культура обладают значительным потенциалом для стирания границ между различными сообществами, выступая в роли моста через разнообразные формы и жанры. Литература, к примеру, открывает читателям

врата в иные миры, знакомя с обычаями, ценностями и точками зрения других народов. Сочинения авторов из разных уголков планеты способны расширить горизонты восприятия и подорвать устоявшиеся стереотипы, позволяя взглянуть на мир глазами иного человека, постичь его помыслы и чувства. Это, в свою очередь, культивирует глубокое уважение к культурному многообразию [5].

Музыка, обладая универсальной природой, способна объединять людей независимо от их национальности и происхождения. Общие ритмы и мелодии, звучащие на музыкальных фестивалях и концертах, служат катализатором межкультурного обмена и взаимопонимания. Музыка становится языком, преодолевающим языковые барьеры, вызывающим сильные эмоции и формирующим чувство единства. Традиционные музыкальные мотивы разных народов могут стать источником вдохновения для современных исполнителей, порождая новые направления, сплетающие воедино элементы различных культур.

Визуальное искусство (живопись, скульптура) и такие виды творчества, как театр и кинематограф, выступают важнейшими инструментами межкультурного диалога: первое служит зеркалом, отражающим культурные особенности и традиции, а второе обращается к универсальным темам и проблемам, понятным людям разных культур.

Произведения визуального искусства дают возможность глубже понять историю и менталитет других народов, раскрывая нюансы, зачастую скрытые от поверхностного взгляда. Через них мы видим, каким образом люди разных эпох воспринимали мир, что было им дорого и что являлось предметом почитания. Таким образом, искусство становится проводником, соединяющим культуры и помогающим преодолеть коммуникационные барьеры.

Театр и кинематограф дополняют эту роль, побуждая к диалогу и взаимопониманию через сюжеты, основанные на классических произведениях или затрагивающие актуальные социальные вопросы. Фильмы и постановки демонстрируют, как различные общества справляются с общими вызовами, подчёркивая единые ценности, разрушая стереотипы и способствуя более позитивному взгляду на иные культуры [2].

Традиционные ремёсла, будучи носителями культурного наследия, также способствуют межкультурному диалогу через обмен знаниями и навыками. Гончарное дело, вышивка, резьба по дереву – эти и многие другие виды ремёсел несут в себе богатую историю. Ярмарки, выставки и мастер-классы, где мастера из разных стран делятся своим опытом, не только способствуют сохранению традиций, но и рождают новые художественные формы. Ремёсла могут стать основой для культурного туризма, стимулируя дальнейший межкультурный обмен.

Современные технологии, включая социальные сети и онлайн-платформы, значительно расширяют возможности для межкультурного взаимодействия. Создание и распространение музыки, живописи, литературы и ремесленных изделий через интернет позволяет людям по всему миру обмениваться своим творчеством, преодолевая географические и культурные препятствия.

Виртуальные выставки, мастер-классы и концерты становятся доступными для глобальной аудитории, формируя пространство для диалога и сотрудничества.

Для действенного использования искусства и культуры как инструментов преодоления различий необходимо активное содействие межкультурному диалогу. Международные фестивали, выставки, мастер-классы и культурные обмены способствуют обмену опытом, углубляют взаимопонимание и формируют более гармоничное общество. Важна также поддержка организаций, продвигающих межкультурный диалог, через финансирование проектов, включение соответствующих курсов в образовательные программы. Такие меры способствуют созданию более открытого и толерантного мира [2].

Таким образом, искусство и культура обладают огромной силой трансформировать отношения между народами, помогая преодолевать культурные барьеры. Они углубляют понимание между людьми, способствуют развитию терпимости и уважения к культурному многообразию. Через призму искусства и культуры мы можем формировать более гармоничное и инклюзивное общество, готовое к сотрудничеству и взаимной поддержке. Тем не менее, для достижения этих целей необходимо активно инвестировать в межкультурный диалог в сфере искусства и культуры, создавая платформы для совместных проектов и мероприятий, которые облегчают обмен знаниями и опытом между представителями различных культур.

Литература

1. Вишняков С. А. Культура России в историческом ракурсе / С. А. Вишняков. – М. : Флинта, 2022. – 434 с.
2. Горкушина С. Н. Управление культурными процессами / С. Н. Горкушина // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2019. – № 3. – С. 7–15.
3. Зиятдинова Ю. Е. Характер и экономические аспекты управления в сфере культуры / Ю. Е. Зиятдинова // Молодой учёный. – 2020. – № 35 (325). – С. 40–44.
4. Ильина Т. В. Русское искусство / Т. В. Ильина. – М. : Юрайт, 2020. – 611 с.
5. Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории / И. В. Кондаков. – М., 2018. – 360 с.
6. Хабибулина Л. Ф. Культура и межкультурная коммуникация: проблемы и пути решения : учебное пособие / Л. Ф. Хабибулина. – Электронный ресурс, 2022. – 60 с.

УДК 316.48

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И РОЛЬ ЯЗЫКА В ИХ ПРЕОДОЛЕНИИ

Гукова С. В., студентка 1-го курса института юстиции,

В современном мире, где границы стираются, а люди из разных культур всё чаще взаимодействуют, конфликты, связанные с культурными различиями, становятся обыденным явлением и неотъемлемой частью нашей жизни. Миграция, повсеместное распространение интернета и рост многообразия в обществе лишь усугубляют разногласия, касающиеся ценностей, правил поведения и самоидентификации различных групп людей.

В этом контексте язык играет не просто роль средства передачи информации, но и становится важнейшим инструментом общения. Именно через язык возникают, поддерживаются или, наоборот, разрешаются конфликтные ситуации. Языковые практики отражают культурные отличия, формируют представления о «своих» и «чужих», а также служат основой для стратегий противостояния или диалога [6, с. 120].

Проблематика социокультурных конфликтов широко представлена в работах социологов, философов и культурологов, однако лингвистический аспект их анализа, особенно в контексте преодоления конфликтов, остаётся недостаточно систематизированным. Это определяет необходимость комплексного междисциплинарного исследования роли языка в динамике социокультурных конфликтов.

Целью исследования является выявление функций языка в формировании и преодолении социокультурных конфликтов. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: анализ теоретических подходов к пониманию социокультурного конфликта; выявление языковых механизмов воспроизводства конфликтности; рассмотрение коммуникативных стратегий снижения конфликтного потенциала; определение практик языковой медиации.

Социокультурный конфликт представляет собой социальное противостояние, обусловленное различиями в ценностных ориентациях, нормах и моделях поведения групп, и часто проявляется как столкновение идентичностей или культурных практик [3, с. 22]. Такие конфликты могут быть связаны с этническими, религиозными, языковыми или иными аспектами самоопределения, и их пересечение делает противоречия ещё более острыми.

С точки зрения социологии, конфликт является естественной частью общественного устройства, способствующей изменениям и развитию социальных отношений (Л. Козер) [5]. Культурологические подходы подчёркивают символическую природу конфликтов, акцентируя внимание на борьбе смыслов и интерпретаций [5, с. 43]. Лингвистические исследования, в свою очередь, выявляют, как конфликт проявляется в коммуникации: через дискурсивные практики, речевые стратегии и языковые маркеры, способные усиливать напряжённость [3, с. 52].

Конфликт можно рассматривать как форму интенсифицированного социального взаимодействия, в которой язык выполняет ключевую роль, задавая

рамки интерпретации и оценки происходящего. Через дискурсивные структуры конструируется социальная реальность, формируются представления о «своём» и «чужом», что одновременно отражает и воспроизводит культурные различия [6, с. 120]. Например, в новостных репортажах или социальных сетях мигранты часто обозначаются через словосочетания вроде *пришлые, инородцы, беженцы*, сопровождаемые оценочными эпитетами (*угроза, проблема*). Даже без прямой агрессии такой язык формирует у аудитории оппозицию «мы – законопослушные граждане» против «они – потенциальные нарушители порядка». Через дискурсивные маркеры закрепляется социальная дистанция и создаётся образ «чужого», что усиливает напряжённость и предрасположенность к конфликту. В цифровых медиа часто наблюдается язык противопоставления поколений: *цифровые аборигены* против *цифровые иммигранты, молодёжь не понимает традиций, старшее поколение тормозит прогресс*. Такие фразы конструируют бинарную оппозицию, фиксируя идентичности и культурные различия, а через эмоционально окрашенные дискурсивные практики – усиливают противостояние и препятствуют взаимопониманию. В двух примерах язык выполняет двойственную функцию: он одновременно отражает существующие культурные различия и активно их воспроизводит, задавая рамки интерпретации и оценок. От выбора слов, метафор и дискурсивных стратегий зависит, будет ли конфликт эскалировать или смягчаться.

Языковая идентичность является критически важным компонентом культурной принадлежности, и её маргинализация нередко провоцирует конфликты, выступая индикатором более глубоких социальных и культурных противоречий, связанных с властью, статусом и доступом к ресурсам [1, с. 200]. Эскалацию конфликтов усиливают стереотипы, оценочная лексика и метафоры, которые упрощают сложные социальные процессы и придают им эмоционально-негативную окраску. Например, в публичных обсуждениях экономических реформ отдельные группы могут обозначаться как *привилегированные* или *лишённые прав*, что формирует восприятие социального «чужого» и усиливает напряжённость между слоями населения. Манипулятивное использование языка проявляется и в политическом дискурсе: термины вроде *неэффективные регионы, консервативная оппозиция* или *радикальные инициативы* создают рамку, в которой одни действия оцениваются как нормативные, а другие – как угроза стабильности. Это позволяет легитимизировать политические решения и мобилизовать сторонников. В образовательных и медийных сообществах метафоры, отражающие «конфликт поколений» или «разрыв культурных практик», могут усиливать эмоциональное восприятие разногласий, фиксируя различия между группами и препятствуя диалогу [2, с. 88].

Вместе с тем язык обладает значительным потенциалом для снижения конфликтности и налаживания диалога. Например, в межкультурных образовательных проектах преподаватели используют нейтральные формулировки при обсуждении спорных исторических или культурных вопросов, изменяя оценочные высказывания студентов таким образом, чтобы подчеркнуть взаимное понимание, а не противостояние. Диалогическая

коммуникация позволяет воспринимать конфликт как пространство согласования позиций, а не только как поле борьбы за «правоту» [4, с. 32].

Реализация концепта толерантности в дискурсе проявляется через нейтрализацию агрессии и отказ от категоричных оценок. В медийных публикациях это может выражаться в использовании формулировок вроде *разные подходы к проблеме* вместо *ошибочные методы*, что снижает эмоциональное напряжение и демонстрирует уважение к другой точке зрения.

Коммуникативные стратегии, такие как эвфемизация (*неудачные решения* вместо *провалы*), применение вежливых форм обращения и изменение спорных высказываний, способствуют конструктивной дискуссии, снижая вероятность эскалации конфликта и формируя пространство для взаимопонимания.

Межкультурная коммуникация и языковое посредничество выступают эффективными механизмами согласования смыслов, предотвращения недопонимания и разрешения конфликтов. Лингвистическая медиация рассматривается как социальный инструмент, направленный на восстановление нарушенной коммуникации посредством сознательного управления языковыми ресурсами и дискурсивными стратегиями [4, с. 50]. Переводчики и медиаторы выполняют не только техническую, но и интерпретативно-культурную функцию, минимизируя искажения смыслов и препятствуя эскалации конфликтов. Значимую роль играет языковая политика государства, обеспечивающая баланс между сохранением языкового разнообразия и социальной интеграцией. Образовательные и медийные практики формируют устойчивый дискурс, способствующий развитию критического мышления, толерантности и коммуникативной компетентности участников взаимодействия.

Таким образом, язык является центральным элементом социокультурных конфликтов и одновременно ресурсом их преодоления.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 411 с.
2. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть / Т. А. Ван Дейк. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – 171 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.
5. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – 188 с.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – Москва : Гнозис, 1992. – 256 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Дегурко А. В., студент 1 курса института юстиции,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Семейное общение представляет собой особую сферу коммуникации, в которой язык функционирует в условиях максимальной близости участников, их долговременных отношений и общей апперцепционной базы. Как показывают исследования, «речевое поведение обусловлено постоянными социальными ролями матери, отца, жены, мужа и т. п., шаблонными семейными правами и обязанностями, коммуникативными ожиданиями, как характерными для русской семейной культуры, так и специфичными для каждой семьи» [2, с. 2]. В последние десятилетия трансформация социальных норм и уклада жизни существенно повлияла на характер внутрисемейного речевого взаимодействия, что обуславливает актуальность изучения данной проблемы.

Вопросы функционирования русского языка в семейном общении затрагиваются в работах, посвящённых различным аспектам дискурса и речевого этикета. Исследование дискурса как коммуникативного явления, осуществляемого посредством создания связных текстов в речепроизводстве и обладающего экстралингвистическими особенностями [1, с. 4], создаёт теоретическую базу для анализа семейной коммуникации как особого типа дискурса.

Непосредственно изучению семейного речевого этикета посвящены работы, в которых анализируются общие и частные проявления этикета в данной сфере коммуникации. Исследователи отмечают, что большинство лингвистов, изучавших семейный речевой этикет, обращали внимание прежде всего на употребление этикетных формул, стереотипных ритуализованных единиц. Важное значение для понимания специфики семейной коммуникации имеют исследования, рассматривающие прагматические детерминанты речевого поведения и роль конвенций в гармонизации общения [2, с. 1].

Семейное общение представляет собой систему речевого взаимодействия, в которой русский язык функционирует в двух формах: как носитель традиционных этикетных норм и как инструмент неформальной коммуникации, порождающей индивидуальные речевые формы.

Анализ системы этикетных действий в семейном общении позволяет выделить две группы средств. Первую группу составляют языковые этикетные единицы – высококонвенциональные, устойчивые, регулярно используемые в определённых коммуникативных ситуациях стереотипные формулы. Такие единицы «кодифицированы в словарях и учебниках», они «высоко конвенциональны, устойчивы, регулярно используются в определённых

коммуникативных ситуациях и воспринимаются носителями национальной речевой культуры как индексы этих ситуаций». Вторую группу составляют дискурсные этикетные средства. Они употребляются нерегулярно, нестереотипны, их языковая форма нешаблонна. Такие средства «не воспроизводятся как клише, а употребляются в речевых произведениях конкретного человека по отношению к определённому адресату, то есть в дискурсе» [2, с. 1].

Исследование функциональной направленности этикетных средств в русском семейном общении показывает, что в иерархии функций доминируют две гиперстратегии: проявление заботы о родных, участия, внимания к их потребностям и желаниям, а также информирование, предупредительное уведомление членов семьи о своих намерениях, обмен информацией.

Количественный анализ этикетных средств, зафиксированных в семейных беседах, выявляет следующее распределение: проявление заботы о родных и предупредительное информирование составляют по 26% от общего количества этикетных средств; выражение доброжелательности, вежливости, поддержание контакта – 16%; эмоциональная интеграция и гармонизация, установление психологического контакта – 15%; согласование, координация действий – 9%; соучастие, согласие, уступка, избегание несогласия – 7%; проявление интереса к сообщаемой адресатом информации – 4% [2, с. 2].

В русском семейном общении наблюдается синкретизм функций, когда этикетная роль высказывания может быть как доминирующей, так и вторичной. «Этикетная функция доминирует в высказываниях, выражающих доброжелательность и вежливость при приветствии, прощании, пожелании, одобрении и похвале, благодарности, извинении, приглашении» [2, с. 2]. В вежливо оформленных просьбах этикетная функция является вторичной, поскольку реплика направлена на удовлетворение потребности говорящего.

В русской семейной коммуникации «фатика общения ради общения часто располагает к шутке, эмоционально объединяющей собеседников, облегчающей разговор, солидаризирующей их в шутовском взгляде на обсуждаемую тему, настраивающей на одну эмоциональную волну» [2, с. 3].

Гендерный аспект русской семейной коммуникации обнаруживает устойчивую этнокультурную специфику. «Преимущественно женскими можно назвать этикетные средства, выражающие интерес к содержанию речи собеседника, регулярно поддерживающие речевой контакт – 100% от общего количества этикетных средств этой группы; выражающие заботу о потребностях близких – 88%; согласовывающие действия адресанта с другими членами семьи – 82%; содержащие согласие, уступку, избегание несогласия – 77%; выражающие вежливость, доброжелательность – 67%» [2, с. 3]. Мужчины же чаще всего сообщают членам семьи информацию, соответствующую их желаниям и коммуникативным потребностям (80%), а также проявляют чувство юмора, гармонизируя общение и усиливая психологический контакт (64%).

Иерархические отношения в семье также влияют на этикетное поведение. В супружеском общении «жена редко вербально выражает одобрение действиям

мужа, а муж редко проявляет интерес к событиям в личной сфере жены» [2, с. 3–4]. В общении родителей с детьми наиболее распространены этикетные проявления заботы, интереса к их сообщениям и согласия с ними; дети чаще всего информируют о событиях своей жизни, согласовывают свои действия и вежливо выражают просьбу.

Тематическая организация семейного дискурса влияет на выбор этикетных средств. В ситуациях, связанных с выполнением повседневных семейных обязанностей, преобладают грамматические формы настоящего времени. Большинство этикетных средств используется в мини-диалогах, вызванных темой-ситуацией. В разговорах с дискурсивными темами, посвящёнными событиям прошлого, этикетное поведение предполагает проявление внимания, информирование собеседников и выражение интереса к их речи.

В русском семейном общении «сложилась система этикетных ожиданий, которая имеет внутрисемейную и этнокультурную специфику» [2, с. 2]. Эти ожидания реализуются при использовании речевых средств, соответствующих социокультурным и прагматическим конвенциям. При этом степень конвенциональности и ритуализованности этикетных средств в домашнем общении невысокая, а ритуализованные почти не встречаются [2, с. 4].

Таким образом, в русском семейном общении сформировалась устойчивая система этикетных ожиданий, имеющая этнокультурную специфику и реализующаяся преимущественно через дискурсивные, нестандартизированные этикетные средства. Функциональная структура этикетных действий отражает базовые ценности русской семейной культуры: заботу о близких, взаимное информирование, эмоциональную интеграцию, согласование совместных действий. Гендерная дифференциация этикетного поведения сохраняет традиционные черты, закрепляя за женщиной функции эмоциональной поддержки и повседневной заботы, а за мужчиной – функции информационного посредничества и юмористической гармонизации общения. Иерархические и ролевые отношения в семье определяют специфику репертуара этикетных средств.

Литература

1. Полякова Л. С. Дискурс как предмет лингвистических исследований: к истории вопроса / Л. С. Полякова // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – №11. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-kak-predmet-lingvisticheskikh-issledovaniy-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Рисинзон С. А. Система этикетных действий семейного общения / С. А. Рисинзон // Филология и человек. – 2009. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-etiketnyh-deystviy-semeynogo-obsheniya> (дата обращения: 10.02.2026).

ЕДИНСТВО НАРОДОВ РОССИИ – ТРАДИЦИОННАЯ БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ ОБЩЕСТВА

*Дёмина И. студентка группы Фик-25-1,
Осипова А. Н., канд. экон. Наук, доцент,
доцент кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

05 февраля 2026 года Президент В. В. Путин официально объявил об открытии Года единства народов России на форуме «Россия – страна семей». Российские этносы как нация возникли на основе различных, живших отдельно друг от друга славянских этносов, и они объединились только тогда, когда у них возникла общая территория, экономические интересы, единая власть и единые духовные ценности [2].

Большинство россиян (74 %, по данным опроса ВЦИОМ) считают многонациональность источником силы и конкурентоспособности России. Это связано, прежде всего, с сохранением значимости для россиян межнационального согласия и единства. Это укрепление понимания общности интересов и действий россиян в различных ситуациях вне зависимости от территориального или национального признака. Почти 35 % определили единство народов России через категорию сплочённости в различных формах [2].

Россия как государство и цивилизация формировалась как «семья семей» с объединяющей ролью русского народа, русской культуры и русского языка как несущих цивилизационных конструкций российского общества. В Россию вливались разные народы. Вот это вливание, включение в состав, – по сути, наш цивилизационный путь, в отличие от тех или иных колониальных захватов, агрессий, которыми, мы знаем, насыщена мировая история. География, «безбрежность великой русской равнины», постоянные волны Великого переселения народов сформировали два цивилизационных ответа: защита своей земли от врагов, стремящихся к её захвату, и объединение с друзьями, умение выстраивать диалог с теми, кто не похож на тебя. На протяжении веков ценности у нас становились общими. Со времён Смуты XVII в. именно глубинная Россия встала на защиту Москвы, а значит, и общей российской государственности, чтобы защитить страну как единое государство для всех, кто проживает на этой территории, и это является «абсолютным феноменом» [3].

05 февраля, в Москве, Президент нашей страны В. В. Путин посетил просветительский марафон «Россия – страна семей» и официально открыл Год единства народов РФ. Объединяющей силой является стремление всё сохранить: нашу общую землю, наши семьи, нашу культуру, наши традиции. Такое единство является самым мощным и самым сильным. Для многонациональных государств тема межнациональной гармонии всегда была и будет находиться на одном из первых мест. Особая роль отводится русскому языку, который играет консолидирующую роль в многонациональной России. Рассмотрим некоторые

аспекты этой роли. Русский язык является средством общения. Многие национальные группы в России могут свободно общаться на русском языке, что способствует их сближению. Русский язык – инструмент для выражения самобытности разных народов. Он способен отразить разнообразие культур, традиций и обычаев, присутствующих в многонациональном обществе, стимулирует обмен в межкультурном общении. Благодаря широкому распространению и использованию в различных сферах общения, русский язык помогает улучшить взаимопонимание и укрепить солидарность национальных групп. Выполняет функцию сохранения и передачи культурного наследия. Многие национальности имеют свои уникальные языки и диалекты, но русский язык служит средством соприкосновения и мостом связи между ними. Выполняет роль в развитии образования и науки. Именно на русском языке читаются курсы в вузах и других образовательных учреждениях, что позволяет молодёжи разных национальностей получить образование и развиваться в универсальном языке, популяризирует российскую культуру за рубежом. Благодаря доступности русского языка для изучения и его широкому использованию в российской литературе, кино, музыке и других формах, он стал неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Русский язык играет консолидирующую роль как внутри России, так и за её пределами [1].

Роль русского языка в многонациональной стране неопределима. Это не просто средство общения, но и мощный инструмент, способствующий укреплению национального единства, сохранению культурного наследия и развитию благоприятных условий для кооперации и взаимопонимания между народами. В многонациональной стране коммуникативное единство становится краеугольным камнем стабильного развития общества. Русский язык играет ключевую роль, соединяя многочисленные культуры и традиции в единое слово.

Таким образом, единство народов России является одной из главных базовых ценностей многонационального российского государства. Огромную роль в консолидации единства народов выполняет русский язык. В рамках Года единства народов планируется широкая программа событий. Она включает фестивали народных культур, выставки, концерты, театральные проекты, а также научные и общественные форумы. Каждый регион получит возможность по-своему отметить Год единства – с учётом его национального состава, истории и культурных традиций.

Литература

1. Андрианова Н. А. Я гражданин России / Н. А. Андрианова. – 3-е изд. – Москва : Эксмо, 2022. – 248 с.
2. Материалы сайта «Slovo» : официальный сайт. – URL : <https://slovo.vdnh.ru/> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Никишин В. О. Россия / В. О. Никишин. – Москва : Росмэн, 2013. – 96 с.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ

*Дидоренко В. В., студентка 1-го курса института юстиции,
Губская В. С., ассистент кафедры русского,
иностранных языков и культуры речи,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В эпоху глобализации и усиливающихся миграционных процессов языковая политика приобретает особую актуальность, особенно в поликультурных регионах, где сосуществуют различные языки и культуры [7, с. 15]. От эффективности языковой политики зависит сохранение культурного многообразия, обеспечение социальной интеграции и предотвращение конфликтов на языковой почве [5, с. 25]. Негативные последствия игнорирования потребностей языковых групп могут приводить к социальной напряжённости, ущемлению прав и культурной ассимиляции.

Проблематика языковой политики и языкового планирования получила широкое освещение в трудах зарубежных и отечественных исследователей. В классических работах Э. Хаугена, Дж. Фишмана, Б. Спольски были заложены теоретические основы анализа языковой политики как управляемого социального процесса. В российской науке значительный вклад в изучение данной проблематики внесли А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский, Н. Б. Вахтин, В. М. Алпатов, рассматривавшие языковую политику в контексте национальных и региональных отношений.

Языковая политика в научной литературе трактуется как совокупность целенаправленных действий государства и иных социальных институтов, направленных на регулирование языкового развития общества и языковых отношений между социальными группами [2, с. 51]. Она включает в себя выбор языков, определение их статуса и сфер функционирования, а также формирование условий для их сохранения и развития [5, с. 60].

Ключевым инструментом реализации языковой политики выступает языковое планирование. Согласно концепции Э. Хаугена, языковое планирование представляет собой осознанное вмешательство в языковую ситуацию и включает статусное, корпусное и образовательное планирование [4, с. 59–60]. Статусное планирование связано с юридическим и социальным закреплением языков, корпусное – с их нормированием и развитием, образовательное с передачей языков через систему образования.

Языковая политика задаёт стратегические цели, языковое планирование обеспечивает их практическую реализацию, а языковое управление представляет собой координацию и контроль языковых процессов на различных уровнях [7, с. 89].

В зависимости от социокультурного контекста выделяются различные модели языковой политики. Монолингвальная модель ориентирована на доминирование одного государственного языка и часто используется в целях

национальной консолидации [5, с. 78]. Билингвальная и полилингвальная модели предполагают официальное или фактическое признание нескольких языков, что характерно для поликультурных регионов [7, с. 120].

Также существует интеграционная модель, которая направлена на объединение общества вокруг общего языка при сохранении культурного многообразия, тогда как плюралистическая модель акцентирует равноправие всех языков и культур. Для поликультурных регионов наибольший интерес представляет именно плюралистический подход, предполагающий баланс между государственным и региональными языками [7, с. 120].

Поликультурный регион представляет собой территориальное образование, характеризующееся этническим и языковым разнообразием, наличием нескольких культурных традиций и форм идентичности [1, с. 77]. В таких регионах язык выступает не только средством коммуникации, но и важным символом принадлежности к определённой социальной группе [2, с. 94].

Язык играет ключевую роль в формировании региональной идентичности, выступая средством сохранения исторической памяти и культурных ценностей [1, с. 101]. Поддержка региональных языков способствует укреплению культурного разнообразия и формированию позитивной идентичности населения.

Языковое многообразие при наличии продуманной языковой политики может выступать фактором социальной интеграции. Однако его игнорирование может приводить к конфликтам, предупреждение которых возможно через диалог, образование и правовое регулирование. В этой связи особое значение приобретает разработка механизмов предупреждения языковых конфликтов и обеспечения равного доступа к языковым ресурсам.

Важнейшим инструментом языкового планирования является законодательство, закрепляющее статус языков и сферы их использования. Законодательное закрепление статуса государственных и региональных языков определяет рамки их функционирования в сфере образования, делопроизводства и публичной коммуникации [5, с. 170].

Значительную роль в языковом планировании играют образовательные и культурные институты, обеспечивающие межпоколенческую передачу языков [3, с. 115]. Средства массовой информации и цифровая среда в современных условиях становятся важными инструментами популяризации языков и расширения сфер их использования.

В субъектах Российской Федерации реализуются различные региональные модели языкового планирования, отличающиеся степенью поддержки региональных языков и объёмом институциональных ресурсов. Зарубежный опыт, в частности практика Канады, Швейцарии и Испании, демонстрирует эффективность сочетания правового регулирования, образовательной политики и культурных программ в условиях полилингвизма.

Одной из ключевых проблем является дисбаланс между государственным языком и языками регионов, приводящий к сокращению сфер функционирования последних [1, с. 92]. Например, в ряде стран школьное

обучение и делопроизводство практически полностью переведены на государственный язык, вследствие чего региональные языки постепенно вытесняются из системы образования, средств массовой информации и официальной коммуникации. Особенно остро стоит проблема сохранения языков малочисленных народов, многие из которых находятся под угрозой исчезновения. Так, отдельные языки коренных сообществ сохраняются лишь в бытовом общении старшего поколения и не передаются детям, что приводит к резкому снижению числа носителей и утрате культурных традиций, закреплённых в языке.

Глобализация и миграционные процессы усиливают языковую асимметрию и требуют адаптации существующих моделей языковой политики к новым социокультурным условиям. В этих условиях возрастает значение гибких и инклюзивных механизмов языкового планирования.

К числу приоритетных направлений оптимизации языковой политики относятся совершенствование нормативно-правовой базы, развитие многоязычного образования и системная поддержка языков культурных меньшинств. Перспективным представляется использование цифровых технологий, позволяющих расширить доступ к образовательным и культурным ресурсам на региональных языках.

Таким образом, языковая политика и языковое планирование в поликультурных регионах представляют собой сложный и многоуровневый процесс, эффективность которого зависит от согласованности стратегических целей и институциональных механизмов. Проведённый анализ подтверждает необходимость комплексного подхода к регулированию языковых процессов, учёта региональной специфики и динамики социальных процессов. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим анализом региональных практик и оценкой влияния цифровизации на языковое развитие.

Литература

1. Алпатов В. М. Языковая политика и языковые конфликты. / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 224 с.
2. Швейцер А. Д. Социоллингвистика: теория и методы / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 2008. – 232 с.
2. Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages / J. A. Fishman. – Clevedon : Multilingual Matters, 1991. – 431 p.
3. Haugen E. Language planning / E. Haugen // Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference. – The Hague : Mouton, 1966. – P. 50–71.
4. Spolsky B. Language Policy / B. Spolsky. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 287 p.
2. UNESCO. Atlas of the World's Languages in Danger. – Paris : UNESCO Publishing, 2010. – 222 p.

3. Wright S. Language Policy and Language Planning: From Nationalism to Globalisation / S. Wright. – 2nd ed. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 304 p.

УДК 81'23:316.732

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩНОСТИ НАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Жужа М. В., студентка 2 курса,
Фурса В. В., студентка 2 курса,
Максименко А. В., старший преподаватель
кафедры русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В эпоху, когда цифровые потоки стирают границы, а глобализационные тренды стремятся к унификации дискурса, язык рискует опуститься до уровня простого протокола передачи данных – эффективного, но лишённого души инструмента. Однако для нации, чья идентичность веками формировалась на пересечении мифов, истории и повседневной жизни, национальный язык остаётся не просто средством коммуникации, а самым прочным каркасом коллективного «Мы».

На современном этапе, когда нация подвергается беспрецедентному давлению гибридных угроз, языковая среда выступает в роли последнего бастиона суверенитета. Это не просто свод грамматических правил; это живая, постоянно реконструируемая архитектура смыслов, в которой зашифрованы коллективная память, этические коды и эстетические предпочтения этноса. Язык функционирует как операционная система национальной культуры, обеспечивая целостность общества, даже когда его экономические и политические связи ослабевают.

Невозможно переоценить роль языка как основного средства выражения культуры. Он является фундаментом национальной идентичности, хранящей традиции и знания. Более того, язык не только передаёт информацию, но и формирует её восприятие и обеспечивает её сохранность [1]. Утрата языка равносильна потере доступа к информации о наших предках и их потомках, даже если последние живы. Однако, наличие живых носителей не гарантирует выживания языка, так как представители наций не всегда сохраняют свою речь.

Язык несёт в себе культурный код, который проявляется в его словах, устойчивых выражениях и грамматике. Например, то, как в языке описываются родственные связи, природные явления или социальные группы, говорит о том, что ценит и на что обращает внимание данная культура. Яркий пример культурного кода в языке можно увидеть на примере выражения *голубая кровь*. Это выражение пришло в русский язык как калька с испанского *la sangre azul* и изначально характеризовало аристократические семьи испанской провинции

Кастилии, гордившиеся «чистотой» своей родословной [3, с. 42]. Культурный смысл этого выражения отражает особое отношение общества к происхождению человека, его родословной и социальному статусу. Через метафору цвета крови язык передаёт целую систему ценностей: представление о том, что благородство передаётся по наследству; важность «чистоты» рода; деление общества на высшие и низшие слои.

Интересно отметить, что в современном языке это выражение сохранило своё значение, хотя уже не имеет прямого отношения к аристократии. Оно используется для обозначения людей знатного происхождения или тех, кто претендует на особую элитарность.

Лингвокультурологи подчёркивают, что каждый национальный язык обладает уникальными «мыслительными схемами», которые трудно или невозможно передать на другом языке. Поэтому при переводе текстов, насыщенных идиомами или философскими идеями, часто теряется не только их форма, но и глубинная ментальная особенность, присущая именно этому языку. Яркий пример непереводимости мыслительных схем можно увидеть в английском выражении *to carry coals to Newcastle* ('возить уголь в Ньюкасл'). В русском языке существует похожий фразеологизм – *в Тулу со своим самоваром*, – но между ними есть принципиальная разница. Ньюкасл исторически был центром угледобычи в Англии, поэтому возить туда уголь бессмысленно. Тула же славилась производством самоваров. Разные исторические реалии создают разные ассоциации. Английская идиома отражает понимание экономической нецелесообразности, а русская – избыточности действия с точки зрения здравого смысла. Дословный перевод лишает выражение образности, использование русского аналога вносит региональную специфику, чуждую оригиналу.

Сегодня крайне важно понимать, что национальный язык выполняет две разные, хотя и взаимосвязанные, роли. С одной стороны, он является символом этнической принадлежности, глубоко укоренённым в истории, культуре и самосознании народа. С другой стороны, в многонациональном государстве язык служит практическим инструментом для объединения общества, обеспечивая единое пространство для управления, права и образования. Смещение этих функций или чрезмерный акцент на одной из них может привести к проблемам: либо к отчуждению меньшинств, либо к ослаблению государственного единства. Поэтому успешная языковая политика должна умело сочетать обе эти функции, позволяя языку быть одновременно хранителем культурного наследия и эффективным средством гражданской интеграции.

Нынешняя эпоха отмечена повсеместным распространением глобальных языков, прежде всего английского, который стал де-факто языком международного общения в науке, бизнесе, технологиях и массовой культуре. Это создаёт серьёзные вызовы для национальных языков, поскольку они рискуют быть вытесненными из наиболее престижных и быстрорастущих сфер деятельности. Такая «функциональная маргинализация» ставит под угрозу саму роль языка как объединяющего фактора. Если научные открытия, технологические прорывы и международные экономические отношения

осуществляются преимущественно на иностранном языке, национальный язык может начать ассоциироваться лишь с бытовым общением и сохранением «старой культуры», теряя актуальность. Для сохранения своей объединяющей функции национальный язык должен активно отстаивать и создавать своё пространство в сфере инноваций и глобального диалога, противодействуя монополизации со стороны англоязычной доминанты [1].

Для обеспечения языкового единства государство опирается на регулирование, которое включает два главных направления: определение обязательных сфер применения и установление единых норм. Первое направление, регламентация, предписывает использование государственного языка в таких областях, как правосудие, законотворчество и официальная документация, тем самым делая его неотъемлемой частью государственного аппарата. Второе направление, стандартизация, стремится к единообразию в орфографии, грамматике и терминологии, утверждая общие словари и правила.

Итоговая цель унифицирующей языковой политики заключается в предотвращении внутренней фрагментации общества, проявляющейся в лингвистической изоляции различных этносоциальных групп. Национальному языку отводится функция медиатора и транслятора консолидирующего нарратива. Необходима активная стимуляция его использования в публичной сфере, массмедиа и культурном пространстве для обеспечения совместного участия представителей различных групп населения в обсуждении общенациональных проблем и формировании единого стратегического видения. В данном контексте язык выступает в качестве универсальной платформы для диалога, способствующей снижению этнокультурной напряжённости и укреплению гражданской лояльности [2].

Угрозы, связанные с доминированием глобальных языков и потенциальной маргинализацией языков меньшинств, требуют от государства активной и сбалансированной языковой политики. Только благодаря гармоничному сочетанию поддержки обязательного государственного языка с уважением к языковому многообразию, а также обеспечению его жизнеспособности в цифровом пространстве национальный язык сможет эффективно выполнять свою роль – быть не просто средством общения, но и основой национальной солидарности в XXI веке.

Литература

1. Симонова Н. А. Язык как средство выражения национальных особенностей и культуры народа / Н. А. Симонова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – № 11-3. – С. 130–135.
2. Каневский А. А. Языковая политика как вид национальной политики государства / А. А. Каневский // Философия права. – 2015. – № 4 (71). – С. 47–51.
3. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред.

УДК: 81`27

РУССКИЙ ЯЗЫК – ХРАНИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ

*Иваненко Е. Н., студентка группы ЭП-25;
Юрьева Е. В., канд. филол. наук, доцент кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Русский язык принадлежит к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской языковой семьи и является национальным языком русского народа. Это не просто средство общения, а ключевой элемент национальной идентичности русского народа. Он входит в число наиболее распространённых языков мира: согласно исследованиям Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина за 2024 год, русский занимает девятое место среди всех языков по общей численности говорящих и седьмое – по численности носителей как родного. Под носителем учёные подразумевают представителя языковой общности, владеющего нормами языка и активно говорящего на языке в бытовых, социокультурных и профессиональных сферах общения. Доля носителей среди всех говорящих на русском языке людей составляет почти 60 % [1].

Национальная идентичность формируется на основе общих языка, культуры, истории и ценностей. Русский язык выступает неотъемлемым элементом в формировании и сохранении этой идентичности. Он является носителем великой литературы, глубокой философской мысли, а также уникального народного эпоса и юмора. Для носителей языка он служит первичным маркером принадлежности к русской культуре. Кроме того, русский язык выполняет функции государственного (официального) языка Российской Федерации, языка межнационального общения народов России и одного из важнейших мировых языков. Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации [2].

Когда люди говорят на одном языке, они разделяют схожие ассоциации, метафоры и образцы мышления, что укрепляет чувство общности и взаимопонимания. Вне языка эта связь ослабевает, и культурное наследие становится менее доступным. Приведём примеры, иллюстрирующие, как схожие метафоры и ассоциации проявляются в русском языке. Метафора *время – деньги* (и её вариации): *Не трать время зря, Ценить своё время, Время – самое ценное, что у нас есть*. В русском языке (как и во многих других) время часто воспринимается как ресурс, который можно *потратить, сэкономить,*

инвестировать – как и деньги. Это отражает прагматичное отношение к жизни и ценность продуктивности. Или метафора *жизнь – это путь/дорога: Он только начал свой жизненный путь, На перекрёстке судьбы, Идти своим путём, Тернистый путь*. Эта метафора подразумевает, что жизнь имеет начало, конец, проходит через разные этапы, на которых могут встречаться препятствия (*тернистый путь*), решения (*перекрёсток*). Это отражает линейное восприятие жизни с определённой последовательностью событий.

Мы часто задаёмся вопросом: нужно ли защищать русский язык? Дискуссия о его защите является комплексной и вызывает споры, особенно в условиях глобализации и миграционных процессов, когда язык подвергается влиянию других языков или, наоборот, используется как инструмент доминирования. Беречь язык – это задача каждого. Это сознательный выбор в пользу чтения качественной литературы, вдумчивого отношения к собственной речи и отказ от бездумного потребления лингвистического «мусора». А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюётся словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его словами-плевками говорит, он выявляет свою циническую сущность [3].

Проблемы современной языковой среды, такие как влияние глобализации и неконтролируемое заимствование, ставят русский язык под потенциальную угрозу. Чрезмерное упрощение языка и распространение сленга могут привести к утрате его богатства и выразительности.

Важно сохранять культуру языка, обогащать его новыми словами, но при этом уважать его традиции. Дмитрий Сергеевич Лихачёв, советский и российский литературовед, филолог-медиевист, так писал о русском языке: «А здесь такое множество жанров, типов литературного языка, разнообразие литературного опыта: летописи (отнюдь не единые по своему характеру), “Слово о полку Игореве”, “Моление Даниила Заточника”, проповеди Кирилла Туровского, “Киево-Печерский патерик” с его прелестью “простоты и выдумки”, а потом – сочинения Ивана Грозного, разнообразные произведения о Смуте, первые записи фольклора и... Симеон Полоцкий, а на противоположном конце от Симеона – протопоп Аввакум. В XVIII веке Ломоносов, Державин, Фонвизин, – далее Крылов, Карамзин, Жуковский и... Пушкин» [3].

Фиксация языка в письменной форме, создание новых литературных произведений, поддержка образовательных учреждений – всё это помогает поддерживать его живым и актуальным.

О русском языке как о языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX веке лучшую в мире литературу и поэзию. И. С. Тургенев говорил о русском языке: «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [3].

Таким образом, беречь русский язык – значит заботиться о нашем культурном наследии, о нашем будущем и о том, как мы выражаем свои мысли и чувства. Каждый из нас может внести свой вклад в эту важную миссию, чтобы

передать богатство языка будущим поколениям и сохранить национальную идентичность.

Литература

1. Институт Пушкина представил индекс положения русского языка в современном мире за 2024 год. – URL : <https://www.pushkin.institute/index-russkogo-yazyka/> (дата обращения: 02.02.2026).
2. Конституция Российской Федерации : новая редакция с поправками и основными Федеральными законами. – Москва : Проспект, 2024. – 320 с.
3. Лихачев Д. С. (1906–1999). Заметки и наблюдения : из записных книжек разных лет / Д. С. Лихачев. – Ленинград : Советский писатель : Ленингр. отд-ние, 1989. – 605 с.

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

*Ильина М. П., студентка группы 137-ЮБУП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Языковая идентичность рассматривается как базовая составляющая структуры личности, отражающая осознание индивидом своей принадлежности к определённом лингвокультурному сообществу. В условиях поликультурного региона идентичность утрачивает монолитность, становясь «гибридной» или многоуровневой, что обусловлено постоянным взаимодействием нескольких языковых кодов.

Специфика регионального пространства (на примере Донбасса) диктует особые условия социализации. Личность в такой среде формируется под влиянием интерференции культур, что проявляется в использовании регионально маркированной лексики, диалектизмов и особых синтаксических конструкций, выступающих маркерами «свой – чужой».

В поликультурной среде выбор стратегии речевого поведения зависит от коммуникативной интенции и социального контекста. Основными стратегиями являются:

– стратегия конвергенции (сближения): адаптация своей речи под собеседника для сокращения социальной дистанции и достижения взаимопонимания;

- стратегия дивергенции (отдаления): подчёркивание языковых различий для манифестации своей уникальной культурной или этнической идентичности;
- стратегия переключения кодов: функционально обусловленный переход с одного языка (или диалекта) на другой в рамках одного акта общения [2, с. 18].

Речевой портрет «региональной личности» характеризуется высокой степенью вариативности. В официальной обстановке преобладает ориентация на литературную норму русского языка, в то время как в бытовом общении активно используются механизмы языковой игры, смешение кодов и заимствования, что подчёркивает принадлежность к локальному сообществу. Современная геополитическая и социокультурная ситуация в регионе приводит к трансформации речевых тактик: наблюдается усиление акцента на самопрезентацию через язык. Язык становится не только средством обмена информацией, но и инструментом защиты культурных ценностей и сохранения исторической памяти.

Взаимодействие языков в поликультурном пространстве неизбежно ведёт к взаимопроникновению уровней языковой системы (фонетического, лексического, синтаксического). Для личности в регионе характерно использование «диффузных» языковых форм, которые не воспринимаются носителями как ошибка, а осознаются как элемент локального речевого этикета и инструмент внутригрупповой солидарности.

В условиях цифровизации стратегии речевого поведения активно смещаются в плоскость социальных сетей и мессенджеров. Региональная идентичность проявляется в специфических хэштегах, локальных мемах и использовании диалектной лексики в письменной речи. Виртуальный дискурс региона становится площадкой для конструирования «нового типа» идентичности, сочетающего глобальные тренды и локальные культурные коды.

Важной стратегией речевого поведения в поликультурном регионе является тактика «коммуникативного деликатеса» или толерантности. Она заключается в намеренном избегании острых этнолингвистических тем и использовании нейтральных языковых единиц. Это способствует поддержанию социального равновесия и подчёркивает ценность межкультурного диалога в структуре личности [3, с. 116].

Образовательные институты региона выступают модераторами, формирующими культуру владения литературной нормой при сохранении уважения к многоязычию. Стратегия речевого поведения учащихся и студентов часто характеризуется «адаптивным билингвизмом», где учебная деятельность требует строгого следования норме, а внеучебная коммуникация допускает проявление региональной речевой самобытности.

Процесс формирования языковой идентичности в поликультурном пространстве остаётся открытым. Прогнозируется усиление сознательного выбора в пользу русского литературного языка как доминирующего вектора при сохранении «регионального акцента» (в широком смысле) как культурного фундамента личности. Это создаёт уникальный тип языковой личности,

способной к эффективному переключению между глобальными и локальными коммуникативными задачами [1, с. 142].

Литература

1. Айналияева А. Р. Современные проблемы лингвистики и лингводидактики : монография / А. Р. Айналияева, Е. А. Бочарникова, Д. М. Бычков [и др.] ; под редакцией Т. В. Дроздовой. – Астрахань : АГТУ, 2021. – ISBN 978-5-89154-720-9. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL : <https://e.lanbook.com/book/261167> (дата обращения: 07.02.2026). – Режим доступа : для авториз. пользователей).
2. Гарданов А. Р. Поликультурное образование : учебное пособие / А. Р. Гарданов. – Уфа : БГПУ имени М. Акмуллы, 2014. – 72 с. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL : <https://e.lanbook.com/book/56653> (дата обращения: 07.02.2026). – Режим доступа : для авториз. пользователей).
3. Рянская Э. М. Основы теоретической лингвистики : учебно-методическое пособие / Э. М. Рянская, Л. В. Новикова. – Нижневартовск : НВГУ, 2024. – ISBN 978-5-00047-701-4. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL : <https://e.lanbook.com/book/444059> (дата обращения: 07.02.2026). – Режим доступа: для авториз. пользователей).

УДК 316.48

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ

*Пономоренко О. С., студентка 1-го курса института юстиции,
Губская В. С., ассистент кафедры русского,
иностранного языка и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В современном мире вопросы сохранения культурной идентичности и языкового разнообразия приобретают особую актуальность. Глобализация, массовая миграция и стандартизация коммуникации способствуют доминированию крупных языков и создают условия для утраты уникальных культурных традиций и исчезновения меньшинственных языков. Утрата языка означает не только исчезновение способа общения, но и исчезновение части коллективной памяти общества – того структурного слоя, который формирует историческую преемственность, культурные смыслы и ценности отдельной группы людей.

Культурная память тесно связана с языком. Язык выступает как главный носитель исторического опыта, традиций и культурных кодов, с помощью которого передаются знания о прошлом и способы интерпретации

действительности. Эта взаимосвязь определяет культурную идентичность как совокупность переживаний, представлений о прошлом и образов будущего, характерных для конкретного сообщества. Так, русские былины передаются устно на родном языке и сохраняют сведения о героических событиях, моральных нормах и культурных ценностях прошлого. В ирландской мифологии сказания на гэльском языке фиксируют мифические сюжеты, объясняют социальные структуры и духовные представления, которые невозможно полностью понять без владения языком. В японской культуре поэзия хайку и традиционные сказания на японском языке передают эстетические нормы, философские идеи и исторические реалии, сохраняя уникальные культурные коды поколениям. Во всех этих случаях язык не просто средство коммуникации – он обеспечивает точную передачу смыслов, эмоциональных оттенков и культурных контекстов, без которых культурная память существенно теряет свою целостность.

Проблема установления культурной памяти слов давно привлекает внимание лингвистики и философии. Понятие «культурная память» имеет многочисленные трактовки, включающие связь с историческими изменениями в средствах хранения, передачи и циркуляции культурного смысла. Ян Ассман раскрывает его как внешнее измерение человеческой памяти, организованное социальными и культурными рамками, а не внутренней вместимостью [1, с. 111]. Он выделяет четыре области такого измерения: миметическая память (навыки и обряды, связанные с передачей культурных смыслов), предметная память (предметы, символизирующие культурные ценности), коммуникативная память (устные и письменные формы передачи информации) и культурная память, которая объединяет остальные три и образует пространство, в которое переходят все формы смыслов. В ней происходит передача и воскрешение культурных значений, что позволяет говорить о культуре как о памяти, просвечивающей в настоящем через слова, памятники, традиции и обряды [1, с. 214].

Лингвистические исследования в рамках антропоцентрической парадигмы направлены на изучение взаимосвязи языка, культуры и человека. Эта идея восходит к работам В. фон Гумбольдта, который утверждал, что язык есть проявление духа народа и носитель национальной культуры [2, с. 65]. В начале XX века австрийская школа выделила важность культурологического подхода к языку и его элементам, что привело к развитию теории концепта. Согласно ей, слова – это ключевые носители культурной памяти, отражающие ментальность народа и его исторические пластические знания. В этом контексте «культурная память» слова рассматривается как ассоциации, связанные с историческим прошлым, и организующие современное значение языковой единицы. Любое слово содержит в себе семантическую историю, уходящую в глубину тысячелетий, и выступает связующим звеном между языком и национальной идентичностью [2, с. 341].

Современная лингвистика всё больше обращает внимание на роль культурной памяти слова как носителя исторической и культурной информации.

В рамках языковой картины мира особое значение приобретают «ключевые слова» и «культурные слова», являющиеся показательными для определения духа культуры. Они позволяют выявить национальные особенности, наследие предков и особенности мировосприятия. Анализ слов, обозначающих родственников, является ярким примером такой работы. Например, слово *тётя* во множестве славянских языков связано с детским лепетом и отражает универсальное обозначение родственницы по крови. В русском языке *тётя* приобретает дополнительные значения – обращение к пожилой женщине, что свидетельствует о специфике культурной памяти [3, с. 675]. Аналогичные явления наблюдаются и в армянском, венгерском языках, где слово *тётя* и его эквиваленты несут дополнительные коннотации, связанные с возрастом или социальной ролью.

Сопоставление лексем в различных языках позволяет выявить универсальные пласты культурной памяти, а также особенности национальных культур. Например, слова, обозначающие дальнее родство, такие как *двоюродный*, демонстрируют сходство в значениях и морфологических структурах в славянских, германских и романских языках. В русском языке *двоюродный* образовано из двух слов – *два* и *родной*, что подчёркивает двойственность и удалённость родственников [4, с. 114]. В немецком и французском языках для обозначения двоюродных есть заимствованные или собственные слова, указывающие на родство и различия в культурных традициях. В венгерском языке слова, обозначающие двоюродных братьев и сестёр, связаны с понятием *потомство* и *род*. Такой сопоставительный анализ позволяет понять, что универсальные элементы родства являются важной частью культурной памяти, закреплённой в языке.

Таким образом, подход к установлению культурной памяти слов через сравнение языков не нов, но он даёт возможности более глубоко проникнуть в историю слов и понять, как культура сохраняется и передаётся через язык. Анализ лексем, их исторических и культурных связей, раскрывает внутренние смыслы и традиции народа, делая язык не только средством коммуникации, но и носителем культурного наследия. В совокупности эти исследования помогают понять, каким образом язык отражает национальное самосознание, ментальность и историческую память народа, а также каким образом культура сохраняется в лексической системе через века.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 451 с.
3. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с.

4. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачёв; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Наука, 1974. – 214 с.

УДК81.161.1

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СИТУАЦИИ «КУЛЬТУРНОГО ШОКА» И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

*Свежинцев К. Л., студент группы ПУС-9а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры
прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Понятие «культурный шок» описывает комплекс психологических и физиологических реакций человека, оказавшегося в непривычной культурной среде. В условиях глобализации и усиления миграционных процессов переживание культурного шока становится распространённым опытом. Преодоление этого состояния напрямую связано с успешностью межкультурной адаптации и эффективностью дальнейшей коммуникации. Культурный шок представляет собой глубокое эмоциональное и когнитивное потрясение, вызванное столкновением с иной системой ценностей, норм, символов и моделей поведения. Это состояние является закономерной реакцией на утрату привычных ориентиров. Как отмечает Г. У. Солдатова, в основе культурного шока лежит конфликт между старыми и новыми культурными нормами, когда привычные способы решения жизненных задач оказываются неэффективными [4, с. 78].

Классическая модель динамики культурного шока включает несколько последовательных стадий. Первая стадия – «медовый месяц» – характеризуется эйфорией и интересом к новизне. Затем наступает кризисная фаза, собственно шок, проявляющийся в чувстве растерянности, фрустрации, ностальгии, раздражительности. Следующая стадия – постепенная адаптация, когда индивид вырабатывает новые паттерны поведения. Завершающей фазой является полное или частичное приспособление. Важно отметить, что длительность и

интенсивность каждой стадии индивидуальны и зависят от личностных характеристик, мотивации и степени культурной дистанции [2, с. 112].

В кризисной фазе культурного шока коммуникативная компетентность индивида резко снижается, что порождает специфические барьеры. Во-первых, возникает языковой барьер, который усугубляется не просто незнанием лексики, а непониманием культурно обусловленных смыслов, коннотаций, идиом и юмора. Во-вторых, обостряется невербальный барьер: жесты, мимика, проксемика и паралингвистические элементы могут трактоваться неверно, приводя к недопониманию. Как указывает Т. Г. Грушевицкая, именно невербальные несоответствия часто становятся источником глубокого дискомфорта и тревоги [1, с. 95]. В-третьих, формируется мотивационно-психологический барьер. У человека в состоянии фрустрации может снижаться или искажаться мотивация к общению, проявляться апатия, агрессия или стремление к изоляции. Он может неосознанно проецировать свои негативные эмоции на носителей принимающей культуры. Это создаёт порочный круг: коммуникативные неудачи усиливают стресс, а стресс, в свою очередь, провоцирует новые коммуникативные сбои [3, с. 134].

Эффективное преодоление культурного шока требует целенаправленного применения ряда коммуникативных стратегий, направленных на восстановление субъективного контроля над ситуацией и установление продуктивных связей с новой средой. Первой важной стратегией является стратегия активного наблюдения и рефлексии. Данная стратегия предполагает переход от эмоциональной реакции к когнитивному анализу. Индивид сознательно занимает позицию «наивного наблюдателя», стараясь фиксировать и анализировать непривычные коммуникативные паттерны без их немедленной оценки через призму своей культуры. Ведение дневника, где фиксируются непонятные ситуации с последующим их обсуждением с культурным посредником, является эффективной практикой [4, с. 82]. Второй ключевой стратегией выступает стратегия поиска культурного посредничества. Критически важной является способность идентифицировать и обратиться за помощью к «культурным проводникам». Это могут быть как соотечественники, прошедшие этап адаптации, так и местные жители, проявляющие эмпатию и готовность объяснить культурные коды. Ключевая задача – научиться задавать вопросы не о поверхностных фактах, а о скрытых смыслах поведения [1, с. 101].

Третьей эффективной стратегией считается стратегия градуального включения в коммуникацию. Вместо попыток сразу установить глубокие социальные связи рекомендуется начинать с малых, безопасных форм взаимодействия: общение в строго структурированных ситуациях, участие в групповых активностях с чёткими правилами. Это позволяет накапливать позитивный коммуникативный опыт без риска серьёзных неудач [2, с. 120].

Четвёртой стратегией является стратегия развития метакоммуникативной компетенции. Эта стратегия связана с умением говорить о самом процессе общения. В ситуации недопонимания эффективно прямое, но вежливое уточнение. Таким образом, коммуникативная проблема превращается из

источника конфликта в предмет совместного обсуждения, что само по себе сближает участников диалога [3, с. 141].

Прохождение фазы культурного шока можно значительно облегчить за счёт мероприятий, предваряющих межкультурный контакт, и создания системы поддержки. Предвыездная подготовка, включающая не только языковые курсы, но и культурологический тренинг, формирует реалистичные ожидания и даёт начальный набор поведенческих алгоритмов. Не менее важна организация поддерживающей социальной среды в принимающей стране. Создание интернациональных клубов, программ взаимодействия с местными семьями, наличие психологических консультантов – всё это создаёт условия для более мягкой адаптации. Как подчёркивает Л. И. Наumenко, чувство принадлежности хотя бы к одной малой социальной группе резко снижает уровень стресса и ускоряет процесс выхода из кризисной фазы [5, с. 67]. Культурный шок, несмотря на свою болезненность, является естественным и неизбежным этапом глубокого межкультурного взаимодействия. Его преодоление представляет собой сложный процесс личностного роста, в котором коммуникативные стратегии играют ключевую роль. Переход от пассивного страдания к активному наблюдению, поиску посредников, постепенному налаживанию связей и открытому обсуждению коммуникативных трудностей позволяет трансформировать кризис в возможность развития межкультурной компетентности. Успешность адаптации зависит не только от усилий самого индивида, но и от качества предварительной подготовки и наличия институциональных систем поддержки в принимающем обществе.

Литература

1. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 352 с.
2. Леонтович О. А. Русские и американцы : парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2019. – 288 с.
3. Мухаметшина А. Р. Коммуникативные стратегии в межкультурной деловой среде / А. Р. Мухаметшина. – Казань : Изд-во КФУ, 2021. – 176 с.
4. Солдатова Г. У. Психодиагностика толерантности личности / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, И. А. Шляпникова. – М. : Смысл, 2022. – 224 с.
5. Наumenко Л. И. Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире / Л. И. Наumenко. – СПб. : Нестор-История, 2020. – 198 с.

УДК 316.75:316.346.32-053.6

РОЛЬ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

*Синенкова Е. Д., студентка группы РУМС-24,
Балко М. В., д-р филол. наук., доцент,
заведующий кафедрой краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Современное молодёжное пространство представляет собой сложную мозаику смыслов, образцов поведения и ценностных ориентиров. В эпоху цифровых технологий и свободного перемещения информации границы между культурами стираются, создавая условия для формирования гибридной идентичности. Под этим термином понимается способность индивида интегрировать в своей картине мира элементы различных культурных систем, не отождествляя себя полностью ни с одной из них. Для молодёжи Донбасса, живущей на пересечении исторических, политических и культурных влияний, этот феномен приобретает особое значение, становясь не просто модным трендом, а способом адаптации к сложной реальности.

С одной стороны, гибридная идентичность формируется под воздействием глобальной массовой культуры. Через интернет, социальные сети и стриминговые платформы молодые люди впитывают западные музыкальные жанры, восточную эстетику, европейские модели досуга. С другой стороны, их повседневность остаётся укоренённой в локальной традиции: семейные праздники, родной язык, региональная история. Наложение этих пластов создаёт уникальную оптику восприятия мира, где корейская дорама может соседствовать с русским фольклором, а западный хип-хоп – переосмысливаться через местные социальные реалии.

Одним из главных следствий гибридной идентичности становится трансформация культурных практик. Молодёжь перестаёт быть пассивным потребителем готовых культурных форм. Вместо этого она активно конструирует новые смыслы. Примером могут служить музыкальные коллективы, смешивающие народные инструменты с электронным звучанием, или дизайнеры одежды, использующие национальные орнаменты в урбанистических силуэтах. В цифровой среде это проявляется в создании мемов, объединяющих локальный контекст с глобальными интернет-трендами, что делает коммуникацию более сложной и многослойной.

Однако процесс гибридизации не лишён внутренних противоречий. Психологи и педагоги всё чаще фиксируют у молодых людей состояние «культурной раздвоенности». Стремление соответствовать глобальным стандартам успешности (образ жизни, внешность, карьера) вступает в конфликт с ценностями ближайшего окружения, где традиционно сильны коллективистские установки. Это порождает проблему поверхностного усвоения культурных кодов: внешние атрибуты заимствуются легко, но глубинные смыслы остаются неосвоенными. Возникает риск формирования «лоскутного» сознания, при котором молодой человек теряет опору в родной культуре, но так и не обретает подлинной связи с глобальным миром.

Важную роль в этом процессе играет цифровая среда. Социальные сети и мессенджеры становятся главным полем формирования гибридной идентичности. Здесь молодёжь учится переключаться между языками, культурными кодами и ролями. С одной стороны, это развивает когнитивную гибкость и толерантность к разнообразию. С другой – алгоритмы цифровых платформ создают «пузыри фильтров», предлагая контент на основе уже имеющихся предпочтений, что может консервировать поверхностные стереотипы и препятствовать глубокому знакомству с иными культурами.

В контексте образования и молодёжной политики феномен гибридной идентичности требует переосмысления традиционных подходов к воспитанию. Попытки законсервировать культуру в её «чистом» виде и оградить молодёжь от внешних влияний сегодня заведомо обречены на провал. Более продуктивной стратегией представляется развитие у молодых людей навыков культурной рефлексии: способности анализировать заимствования, отделять суть от формы, находить точки сопряжения между «своим» и «чужим». Задача педагогов и наставников – помочь молодёжи превратить хаотичное смешение культур в осознанный синтез, при котором гибридная идентичность становится не источником фрустрации, а ресурсом для творчества.

Таким образом, гибридная идентичность – это не временное отклонение от нормы, а устойчивая реальность современного мира. Для молодёжи она становится инструментом навигации в сложном, многополярном обществе. Новые культурные практики, рождающиеся на стыке традиций и инноваций, отражают поиск молодым поколением собственного уникального голоса. Чтобы этот поиск был успешным, необходима системная работа по развитию критического мышления и эмоционального интеллекта, позволяющих молодому человеку сохранять внутреннюю целостность при взаимодействии с множеством культурных кодов. Только так гибридность из вызова может превратиться в преимущество, обогащая личность и открывая перед ней новые горизонты самореализации.

Литература

1. Семененко Д. А. К вопросу о гибридной идентичности в современной России / Д. А. Семененко // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 64–71.
2. Толкачев С. П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе / С. П. Толкачев // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 177–182.

УДК 81'27

МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ

Степанова К. А., студентка 223-ЮБГП,

**Черкасова М. Г., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»**

Языковое многообразие является одним из важнейших элементов культурного наследия человечества, отражающим исторический опыт народов, их традиции, формы мышления и способы социального взаимодействия. Однако в условиях глобализации и ускоренной урбанизации наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа функционирующих языков, особенно языков малых этнических групп. Глобальные процессы усиливают доминирование нескольких международных языков, которые становятся основными средствами образования, делового общения, цифровых коммуникаций и массовой культуры, что приводит к постепенному вытеснению локальных языков из общественной сферы [1, с. 23]. По оценкам исследователей, значительная часть языков мира находится под угрозой исчезновения, а многие из них могут прекратить существование уже в течение ближайших десятилетий, если не будут предприняты меры по их поддержке [2, с. 44].

Одним из ключевых факторов языковой утраты является урбанизация, сопровождающаяся массовой миграцией населения из сельской местности в крупные города. Городская среда формирует новые модели коммуникации, основанные на использовании языка большинства или государственного языка, поскольку именно он обеспечивает социальную мобильность, доступ к образованию и экономическим ресурсам [3, с. 118]. В таких условиях представители малых языковых групп, особенно молодёжь, начинают воспринимать родной язык как менее престижный и менее полезный для карьерного роста. В результате возникает межпоколенческий разрыв: старшее поколение продолжает использовать родной язык в быту, тогда как младшее поколение постепенно переходит на доминирующий язык, ограничивая использование родного языка домашними ситуациями или вовсе отказываясь от него [4, с. 67].

Сохранение языкового многообразия в подобных условиях требует комплексного подхода, включающего институциональные, образовательные, культурные и цифровые механизмы. Одним из наиболее значимых инструментов является государственная языковая политика, направленная на поддержку языков меньшинств и обеспечение их функционирования в публичной сфере. Признание языков на законодательном уровне, закрепление статуса региональных или официально поддерживаемых языков создаёт основу для их использования в административной системе, образовательных учреждениях и средствах массовой информации. При этом исследователи подчёркивают, что формальное признание языка не всегда приводит к его реальному сохранению: необходимы финансовые и организационные меры, стимулирующие повседневное использование языка [1, с. 58].

Важнейшим механизмом сохранения языкового разнообразия является развитие многоязычного образования. Практика показывает, что преподавание

на родном языке в начальной школе способствует не только сохранению этнической идентичности, но и повышению качества усвоения знаний, поскольку обучение на родном языке облегчает когнитивное развитие ребёнка [2, с. 91]. Многоязычные образовательные программы позволяют одновременно формировать компетенции в государственном языке и поддерживать родной язык как средство базовой коммуникации. Однако эффективность подобных программ зависит от наличия квалифицированных педагогов, учебных материалов и позитивной общественной установки по отношению к многоязычию [3, с. 121]. Если язык меньшинства воспринимается как второстепенный, то даже включение его в школьную программу может носить формальный характер и не привести к устойчивым результатам.

Наряду с образовательными мерами большое значение имеют культурные механизмы поддержки языка. Язык не может существовать исключительно как учебный предмет – он сохраняется только при наличии живой коммуникативной среды, где используется в повседневной жизни, в искусстве, в традиционных практиках и социальных взаимодействиях. Развитие национальных театров, литературных проектов, этнической музыки, фольклорных фестивалей и культурных центров способствует расширению сфер применения языка и укреплению его престижности [4, с. 73]. Особую роль играет поддержка местных СМИ: радио, телевидения и интернет-порталов, выпускающих материалы на языках меньшинств. Медиа создают языковую среду, формируют современный словарь и демонстрируют, что язык способен быть не только традиционным, но и актуальным, пригодным для обсуждения современных событий и проблем.

Отдельным механизмом сохранения языкового многообразия в XXI веке становится цифровизация. Развитие социальных сетей, мессенджеров, видеоплатформ и электронных библиотек создаёт возможности для формирования новых сообществ, где язык функционирует независимо от географического расположения его носителей. Даже при урбанизации и расселении представителей этнической группы по разным регионам, цифровые технологии позволяют сохранять коммуникацию на родном языке. Кроме того, создание цифровых словарей, электронных учебников, мобильных приложений и автоматизированных переводчиков способствует повышению доступности языка и его адаптации к современным условиям. В то же время учёные отмечают, что без государственной и общественной поддержки малые языки часто оказываются недостаточно представлены в цифровом пространстве, поскольку разработка контента требует ресурсов и специалистов [2, с. 104].

Важным фактором языкового сохранения является социальная мотивация и престиж языка. Глобализация нередко формирует установку, что владение международным языком является обязательным условием успеха, тогда как родной язык воспринимается как элемент прошлого. Поэтому эффективные стратегии сохранения должны быть направлены на повышение статуса языка и демонстрацию его ценности не только как культурного символа, но и как реального инструмента социальной коммуникации [3, с. 135]. Исследователи подчёркивают, что сохранение языка невозможно без поддержки самих

носителей, поскольку язык исчезает прежде всего тогда, когда его перестают передавать детям [1, с. 62]. Соответственно, важную роль играют семейные практики: использование языка в домашнем общении, чтение литературы на родном языке, вовлечение детей в традиционные культурные мероприятия. Именно семья остаётся базовым пространством первичной языковой социализации [4, с. 80].

Кроме того, действенным механизмом является формирование устойчивых локальных сообществ, поддерживающих использование языка в городских условиях. В крупных мегаполисах нередко возникают культурные объединения, национальные диаспоры, молодёжные клубы и образовательные кружки, где язык используется как средство общения и самовыражения. Такие сообщества компенсируют утрату традиционной сельской языковой среды и создают новые формы городской языковой идентичности. В современных условиях язык может сохраняться не только через традиционные формы культуры, но и через современные молодёжные практики: музыку, видеоблоги, интернет-мемы, локальные медиа и творческие проекты.

Таким образом, механизмы сохранения языкового многообразия в условиях глобализации и урбанизации представляют собой систему взаимосвязанных мер, включающих государственную поддержку, многоязычное образование, развитие культурной инфраструктуры, укрепление роли СМИ и активное использование цифровых технологий. Наиболее успешные стратегии предполагают не изолированное сохранение языка как «музейного объекта», а его адаптацию к современным условиям и расширение сфер использования в городской среде. Сохранение языков является не только задачей культурной политики, но и важным фактором социальной стабильности, межэтнического согласия и устойчивого развития общества.

Литература

1. Кристал Д. Смерть языка : монография / Д. Кристал. — М. : Изд-во «Либроком», 2010. — 256 с.
2. Фишман Дж. Сохранение языков и языковая политика: теория и практика / Дж. Фишман. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. — 312 с.
3. Эдвардс Дж. Язык и идентичность / Дж. Эдвардс. — М. : Изд-во «Наука», 2012. — 287 с.
4. Спольски Б. Языковая политика : учебное пособие / Б. Спольски. — М. : Изд-во «Высшая школа», 2014. — 295 с.

УДК: 81`27

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Цукуров М. В., студент группы АСУ-25,
Юрьева Е. В., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка*

Русский язык – один из самых богатых и выразительных языков мира, хранящий в себе многовековую историю, культуру и традиции русского народа. Он является не просто средством общения, но важнейшим элементом национальной идентичности. Через язык человек осознаёт свою принадлежность к народу, к родной земле, к культурному и историческому пространству. Сохранение и развитие русского языка – это сохранение памяти, характера и духа нации.

На протяжении всей истории России язык играл объединяющую роль. Он связывал людей разных сословий, регионов, вероисповеданий и помогал создавать общее культурное пространство. Именно через язык формировались национальные идеи, выражались чувства патриотизма и любви к Родине. Недаром великий русский писатель Иван Тургенев писал: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» [2]. Эти слова остаются актуальными и сегодня, потому что язык, действительно, способен объединять людей, даже когда времена меняются.

Русский язык – это хранилище народной мудрости. В пословицах и поговорках отразился вековой опыт народа: его трудолюбие (*без труда не вытащишь и рыбку из пруда; терпение и труд всё перетрут; кто рано встаёт, тому Бог подаёт*), терпение (*тише едешь – дальше будешь; терпи, казак, атаманом будешь*), юмор (*век живи – век учись, а дураком помрёшь; не плюй в колодец, пригодится воды напиться*), смелость (*за правое дело и умирать не страшно*), великодушие (*широкая душа – золотой ключ; доброму делу добрый отклик; лучше потерять деньги, чем дружбу; великодушному и стократ воздастся*), способность видеть красоту и справедливость (*красота в глазах смотрящего; что душе угодно, то и глазам приглядно; доброе дело два века живёт; правда дороже золота; лучше горькая правда, чем сладкая ложь*).

Через фольклор, песни, сказки и былины передаются представления о добре и зле, о правде, чести, долге. Именно в языке сохраняется живое дыхание истории, которое помогает нам не потерять связь с предками и не раствориться в потоке чужих культурных влияний.

Величие русского языка проявилось и в литературе, ставшей достоянием мировой культуры. Произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова не только раскрыли богатство выразительных возможностей языка, но и создали образ русского человека – глубокого, отважного, ищущего, мыслящего. Например, Пётр Гринёв («Капитанская дочка», А. С. Пушкин). Это, пожалуй, один из наиболее ярких примеров сочетания ума и смелости. Он молод, но не трусит. Его смелость проявляется не только в готовности сражаться за честь и Отечество, но и в умении поступать по совести даже в самых критических ситуациях. Он не лезет на рожон бездумно, но и не отступает перед угрозой. Его ум помогает ему принимать верные решения в бою и в общении с окружающими. Или Иван Петрович Кутузов

(«Капитанская дочка», А. С. Пушкин). Несмотря на то, что Кутузов – историческая фигура, следует обратить внимание на то, как изображает его А. С. Пушкин. Мы видим в этом образе мудрого полководца, чья стратегия основана на глубоком понимании ситуации, на расчёте, а не на слепой храбрости. Его ум проявляется в умении ждать, в проницательности относительно намерений врага.

Творчество русских писателей-классиков стало своеобразным зеркалом национальной души. Когда мы читаем классиков, мы не просто наслаждаемся словом, мы учимся понимать себя, свою историю и свой народ. Поэтому защита русского языка – это в том числе и защита литературного наследия, без которого невозможно представить российскую культуру.

Однако в современном мире русский язык сталкивается с новыми вызовами. Стремительное развитие интернета, массовая культура и засилье иностранных слов приводят к тому, что речь становится беднее и грубее, теряет выразительность. Всё чаще можно услышать небрежное, засорённое англицизмами общение, где исчезают оттенки смысла и эмоциональная глубина. Опасность заключается в том, что вместе с языком утрачивается и способность ясно мыслить, а значит – и культура мышления, и национальная самобытность.

Чтобы этого не произошло, необходимо осознанное отношение к родному языку. Его защита – это не только забота государства, учёных и писателей, но и ответственность каждого из нас. Мы должны стремиться говорить грамотно, читать классическую и современную литературу, развивать письменную и устную речь, беречь красоту и точность слова. Важно, чтобы в школах и вузах преподавание русского языка не сводилось лишь к изучению правил, а помогало ученикам почувствовать внутреннюю силу и музыкальность речи. Только так можно воспитать уважение к языку как к духовной ценности.

Русский язык – это не музейный экспонат, а живой организм, который развивается вместе с народом. Он способен впитывать новые реалии, оставляя при этом верность своим корням. В нём – наша история, память, поэзия, родная земля. Защищая русский язык, мы защищаем самих себя, своё культурное наследие и будущее. Ведь пока живёт язык, пока звучит русское слово – живёт и русский народ, живёт Россия.

Литература

1. Пушкин А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; [рис. С. Герасимова]. – 6-ое изд. – Москва : Детская литература, 1977. – 108 с.
2. Тургенев И. С. Отцы и дети. Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. – Москва : Издательство «Юрайт», 2024. – 217 с. – (Памятники литературы).

УДК 37.014.5

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНАХ

*Чаус А. А., студентка группы 224-ЮБГП,
Гулякина Е. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
Донбасского государственного университета юстиции*

Формирование устойчивой, многоуровневой идентичности в Российской Федерации, характеризующейся беспрецедентным лингвистическим и этнокультурным многообразием, является одной из ключевых задач государственной гуманитарной политики. В этом контексте русский язык выступает не просто как государственный, но как системообразующий элемент, выполняющий функцию языка межнационального общения (ЯМО). Его роль в консолидации общества выходит далеко за рамки чисто лингвистической коммуникации. Он является критически важным проводником общероссийской гуманитарной идентичности, особенно в национальных республиках и регионах со значительным числом коренных миноритарных языков. Ключевая роль русского языка в формировании общероссийской гуманитарной идентичности проявляется, прежде всего, в сфере образования и трансляции общего исторического нарратива. Гуманитарные дисциплины – история, литература, право – являются основными проводниками представлений о том, что значит быть гражданином России [1, с. 7].

В регионах, где коренные языки обладают официальным статусом, учебные программы по федеральному комплексу дисциплин, например, «История России», «Обществознание» преподаются на русском языке или используют русскоязычные эталонные учебники. Это обеспечивает, как минимум, сопоставимость образовательного стандарта. Например, концепция Великой Отечественной войны, ключевые положения Конституции РФ или понимание принципов правового государства усваиваются через терминологию и концептуальные рамки, заданные русским языком. Если бы эти базовые гуманитарные знания усваивались через локальные языки без достаточной синхронизации, возник бы риск формирования разобщённых, фрагментированных «суб-идентичностей», не связанных общим пониманием федеральной реальности.

В качестве примера можно рассмотреть преподавание основ права. Юридическая терминология, такая как *федерализм*, *суверенитет*, *конституционный строй* исторически и системно разработана и закреплена в русском языке. Для студентов в отдалённых регионах, даже обучающихся на родном языке, переход к освоению юридических или политологических текстов неизбежно требует глубокого владения русским языком как ЯМО, поскольку именно он несёт в себе этот сложный, стандартизированный понятийный аппарат [2, с. 221].

Русский язык выступает как ключ доступа к широкому российскому культурному пространству, которое является неотъемлемой частью гуманитарной идентичности.

С одной стороны, это доступ к общенациональному культурному канону. Русская классическая литература, научные труды, философские школы – всё это формирует общероссийскую интеллектуальную традицию. Усвоение этих текстов на языке оригинала или в высококачественных переводах позволяет региональным жителям чувствовать себя частью единого культурного поля.

С другой стороны, русский язык обеспечивает социальную мобильность. В условиях, когда высшее образование, научная карьера и управление на федеральном уровне требуют свободного владения ЯМО, доминирование русского языка в академической среде является прагматическим условием для интеграции талантливых представителей малых народов. Успешное освоение русского языка в гуманитарной сфере позволяет им преодолевать региональные барьеры и участвовать в формировании общероссийских научных и культурных трендов [3, с. 145–146].

Несмотря на интеграционную роль, доминирование русского языка в гуманитарной сфере порождает и значительные вызовы, которые необходимо учитывать. Главный из них – риск лингвистической эрозии и ослабления связи с собственной этнической культурой.

Когда русский язык становится единственным языком преподавания высших гуманитарных дисциплин, это может создавать аффективный барьер. Студент, чьё мировоззрение и эмоциональная сфера тесно связаны с родным языком, может испытывать отчуждение при освоении сложных философских или этических категорий в чуждом ему, пусть и общепринятом, лингвистическом формате. Это может приводить к тому, что знание материала остаётся на уровне механического воспроизведения, а не глубинного освоения и принятия ценностей.

Конкретным примером напряжения является Республика Татарстан или Республика Башкортостан, где изучение истории своего народа ведётся на родном языке, что укрепляет этническую идентичность. Однако при изучении общероссийской истории, представленной на русском языке, возникает необходимость постоянного когнитивного переключения. Таким образом, главная задача – изучить, как именно билингвальные стратегии, использующие родной язык для обсуждения локальных культурных кодов и русский язык как

инструмент для связи с федеральным контекстом, могут смягчить этот конфликт [4, с. 16].

Русская классическая литература, русский научный дискурс, а также современный медиаконтент, создаваемый на русском языке, формируют общую культурную среду. Для представителей малых народов, стремящихся к полноценному участию в общенациональной жизни, владение русским языком открывает доступ к этому культурному пласту. Этот доступ критически важен для формирования не только профессиональных, но и мировоззренческих ориентиров, позволяющих человеку чувствовать себя частью широкого российского социума, а не только локального этноса [5, с. 105]. Когда молодой специалист из региона переезжает в крупный федеральный центр для продолжения учёбы или работы, именно русский язык обеспечивает ему немедленную возможность включения в академическую и социальную жизнь, основанную на общих гуманитарных предпосылках.

Именно поэтому эффективная гуманитарная политика в полиязыковом обществе должна не просто использовать русский язык как ЯМО, но и управлять этим процессом, обеспечивая его билингвальный контекст. Русский язык должен выступать как язык интеграции и расширения возможностей, а не как инструмент вытеснения других языков. Развитие билингвального преподавания, где региональные языки используются для сохранения локальной культурной специфики, а русский язык – для усвоения общефедеральных, универсальных гуманитарных знаний, является ключом к построению инклюзивной и устойчивой общероссийской гуманитарной идентичности. Русский язык в этом качестве становится не заменой, а мостиком, позволяющим каждому гражданину, имея прочную основу в родной культуре, свободно оперировать в общероссийском, федеральном и мировом гуманитарном пространстве.

Литература

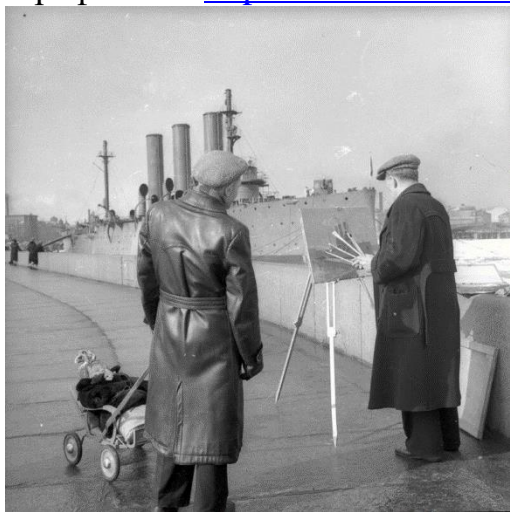
1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов // Научный диалог. Филология. – 2013. – № 5 (17). – С. 7.
2. Борисова Л. П. Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности / Л. П. Борисова, С. Н. Шадрин // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 221.
3. Ибрагимов В. Л. Язык в мире действительности / В. Л. Ибрагимов // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 145–146.
4. Икиликян С. Г. Роль языка в формировании этнической идентичности как предмет изучения научно-исследовательских практик / С. Г. Икиликян // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (194). – С. 16–21.
5. Кочеткова Т. В. Русский язык как средство межнационального общения в современной культурно-речевой ситуации / Т. В. Кочеткова, Е. А. Ремпель // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 104–106.

УДК 81.39

**ВОЙНА И МИР В ФОТОГРАФИЯХ ЕВГЕНИЯ ХАЛДЕЯ:
ЗНАМЯ ПОБЕДЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД.
НАША ОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

*Юрьев М. М., учащийся 11-Б класса
ГБОУ «Школа № 150 г. о. Донецк»,
учащийся Донецкой малой академии наук;
Юрьева Е. В., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
Донецкого национального технического университета,
доцент кафедры краеведения Донецкого филиала РАНХиГС,
преподаватель Донецкой малой академии наук*

На этих фотографиях запечатлён послевоенный Ленинград 50-х годов прошлого века: непобеждённый, непокорённый, возрождённый и прекрасный (фотографии 1-4 https://vk.com/wall-27461782_367318).

Фотография 1

Фотография 2

Фотография 3

Фотография 4

Ленинград в 50-е годы переживал своё возрождение: чистые улицы, отстроенные здания, цветущий парк, дети и спешащие по своим делам взрослые. Все эти радостные и светлые моменты жизни красивейшего города нашей планеты сумел разглядеть человек, прошедший все годы Второй мировой войны с камерой «Leica III».

Евгений Халдей родился в Юзовке (ныне Донецк) в 1917 году. Первый снимок сделал в 13 лет с помощью самодельного фотоаппарата, используя запчасти и знания, которые он получил, подрабатывая подмастерьем в фотомастерской. В качестве объектива он использовал линзу, которую позаимствовал у своей бабушки из очков. С 16 лет Евгений начал работать фотокорреспондентом. С 1939 года он корреспондент «Фотохроники ТАСС». Во время войны Евгений Халдей работал на военно-морском корабле. С помощью камеры он помог своим современникам и будущим поколениям увидеть, что происходило на поле боя от Белого моря до Германии. Снял Парижское совещание министров иностранных дел, поражение японцев на Дальнем Востоке, конференцию глав союзных держав в Потсдаме, водружение флага над Рейхстагом, подписание акта капитуляции Германии.

На Нюрнбергском процессе одними из вещественных доказательств были фотографии Евгения Ананьевича. Он участвовал в освобождении Севастополя, штурме Новороссийска, Керчи, освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии, Венгрии. Работы Халдея вошли в коллекции известных музеев и фотогалерей мира (фотография 5 <https://shm.ru/shows/34588/>).

Фотография 5

Дончане свято чтят память о талантливом и бесстрашном соотечественнике. В 2021 году в самом сердце Донецка Евгению Халдею был установлен памятник (фотография 6). В руках у бронзового Евгения Ананьевича его легендарная фотография «Знамя Победы над Рейхстагом», которую он сделал в 28-летнем возрасте – столько лет ему было в 1945 году.

Фотография 6

Но вернёмся к фотографиям мирного Ленинграда. Фотограф, который много раз видел смерть и горе через объектив камеры, прежде всего ценил человеческую жизнь и мир. И даже спустя многие годы после войны стремился запечатлеть мирную жизнь и красоту великого города, который вечен.

Литература

1. Платонов С. П. Евгений Халдей. Фотограф, запечатлевший эпоху / С. П. Платонов, О. Н. Склярова // Материалы XIII Международной

студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018026203> (дата обращения: 05.02.2026).

2. Потапова Л. Г. Роль фотографии в патриотическом воспитании: этические и эстетические аспекты / Л. Г. Потапова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 4 (26). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fotografii-v-patrioticheskom-vospitanii-eticheskii-i-esteticheskiy-aspektu> (дата обращения: 05.02.2026).

Источники иллюстративного материала

1. Журнал «Культурная Столица». Ленинград на фотографиях Евгения Халдея. 1950-е гг. – URL : https://vk.com/wall-27461782_367318
2. Государственный исторический музей. Е. А. Халдей. Знамя Победы. Бойцы 8-й гвардейской армии РККА Алексей Ковалев и Абдулхаким Исмаилов (слева направо) с красным знаменем на крыше здания Рейхстага после взятия города советскими войсками в ходе Второй мировой войны. Берлин. ТАСС. – URL : <https://shm.ru/shows/34588/#gallery-1>

УДК 811.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Яровая Ю. В., студентка 2 курса,
Усова О. О., к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Тема функционирования и развития языков Донбасса является сегодня одной из наиболее острых и политически заряженных не только в регионе, но и в контексте глобальной геополитики. Актуальность исследования обусловлена кардинальной сменой векторов языковой политики на фоне продолжающегося военного конфликта, массовых перемещений населения и борьбы за идентичность.

В статье рассматривается современная языковая ситуация в Донбассе, характеризующаяся кардинальной трансформацией под влиянием геополитических и социокультурных факторов. Анализируются особенности языковой политики в регионе, где пересекаются интересы различных языковых сообществ. На основе эмпирических данных мониторинговых исследований 2024–2026 годов выявляются изменения в образовательной сфере, влияние миграционных процессов на языковую ситуацию и трансформация языковой идентичности населения. Делается вывод о формировании дивергентной языковой модели региона, где язык выступает не только средством

коммуникации, но и маркером идентичности и важнейшим элементом культурного суверенитета.

Современная языковая ситуация в Донбассе сформировалась под влиянием длительного исторического развития, в ходе которого регион приобрёл уникальные лингвокультурные характеристики. Донбасс исторически развивался как полиэтничный и полилингвальный регион, что обусловлено особенностями его индустриального освоения в XIX–XX веках. Массовые миграции рабочей силы из различных губерний Российской империи, а затем и Советского Союза, создали специфическую языковую среду, где русский язык выполнял функции межнационального общения, а украинский сохранялся в семейно-бытовой сфере значительной части населения. Важно подчеркнуть, что в Донбассе никогда не существовало жёсткого языкового противостояния на бытовом уровне. Характерной чертой региона являлся естественный билингвизм, при котором жители свободно переключались между русским и украинским языками в зависимости от ситуации общения. Исследователи фиксировали феномен «суржика» как специфической формы разговорной речи, сочетающей элементы обоих языков [1, с. 23].

Современный этап развития языков Донбасса характеризуется сложной динамикой языковой политики, в рамках которой сталкиваются различные подходы к языковому регулированию. Правовой режим функционирования языков в Донбассе определяется общенациональным законодательством с учётом региональной специфики [2, с. 75].

Русский язык здесь играет важнейшую роль в межличностном общении, сфере культуры и образования, а также в средствах массовой информации. Он выступает как основной язык коммуникации среди населения региона в повседневной жизни и в профессиональной деятельности. Несмотря на политические изменения и внутренние конфликты, русский язык сохраняет свои позиции в регионе благодаря исторической традиции, плотной русскоязычной среде и культурному наследию.

В современную эпоху развитие цифровых технологий и интернета способствует распространению русского языка в онлайн-пространстве, что укрепляет его функции и расширяет возможности использования в международной коммуникации. В сфере образования большинство школ и вузов региона продолжают использовать русский язык в учебном процессе, что обеспечивает его доминирование в системе образования и научной деятельности. Медийные ресурсы в регионе преимущественно работают на русском языке, что способствует формированию устойчивой языковой среды и культурного пространства.

Русский язык также выполняет важную роль в культурной сфере, представлен в литературе, театре, музыке, кино и на различных культурных мероприятиях. Это способствует сохранению и развитию языкового наследия региона. Значительной функцией русского языка является его роль в формировании этнокультурной идентичности и общего культурного

самосознания жителей региона. Для многих он является символом исторической общности и культурной традиции [3, с. 34].

В условиях глобализации наблюдаются тенденции к усилению роли русского языка в международных контактах и деловой сфере, что способствует его популяризации за пределами региона. Кроме того, развивается инфраструктура для изучения русского языка, создаются языковые центры и проходят мероприятия по популяризации русской культуры. Это способствует укреплению языковой среды и развитию языковых навыков населения [4, с. 56].

Несмотря на положительные тенденции, русский язык сталкивается с рядом проблем, таких как миграционные процессы, изменение образовательных программ и влияние иностранных языков и культурных практик. Эти вызовы требуют внимательного анализа и разработки соответствующих стратегий для сохранения и развития русского языка в регионе [5, с. 156].

В целом, русский язык в Донбассе продолжает играть важную роль в жизни общества. Он служит фактором культурной идентичности и межличностного взаимодействия, а его функции устойчиво развиваются благодаря историческим традициям и современным инициативам. Это позволяет надеяться на его дальнейшее сохранение и развитие как важного элемента региональной культуры и коммуникации.

Литература

1. Зиновьев А. А. Культурные особенности регионов России / А. А. Зиновьев. – М. : Академический проект, 2018. – 23 с.
2. Ильин И. А. Идентичность и язык в современной культуре / И. А. Ильин. – М. : Наука, 2012. – 75 с.
3. Кара-Мурза С. П. Социальные аспекты языковой ситуации / С. П. Кара-Мурза. – М. : Институт российской истории, 2019. – 34 с.
4. Лавров В. В. Региональные языковые процессы в России / В. В. Лавров. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2015. – 56 с.
5. Ломоносов М. М. О русском языке и культуре / М. М. Ломоносов. – М. : Наука, 2010. – 156 с.

ЯЗЫК СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 811.161

СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ ДОНБАССА

*Воротило М. А., студентка группы 122 ЮБГП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Донбасс, как регион со сложной исторической и этнокультурной спецификой, характеризуется ярко выраженной полилингвальностью. На протяжении десятилетий русский и украинский языки сосуществовали и взаимодействовали на этой территории, формируя уникальную языковую и медийную среду. Данные тезисы посвящены анализу роли и специфики функционирования средств массовой информации (СМИ) в контексте этого полилингвального общества. Особое внимание будет уделено влиянию политических и социальных трансформаций региона на медийное пространство, а также тенденциям, определяющим развитие СМИ в условиях многоязычия.

Многовековое сосуществование языков: формирование Донбасса как промышленного и шахтёрского региона привлекло население из различных уголков Российской империи и Советского Союза, что способствовало распространению русского языка. Украинский язык также имел прочные позиции, особенно в сельской местности и среди интеллигенции.

Двужычие как норма: для значительной части населения Донбасса характерен билингвизм или, по крайней мере, понимание обоих языков. Это создавало уникальную социальную и культурную среду, где языковая идентичность могла быть гибкой и варьироваться.

Исторические волны языковой политики: периоды активной украинизации, сменявшиеся периодами русификации, оказали существенное влияние на языковой ландшафт Донбасса, формируя специфические языковые предпочтения и установки у населения.

Современные вызовы: политический кризис и вооружённый конфликт в Донбассе привели к резкому обострению языкового вопроса, превратив его в один из ключевых элементов информационной войны и идеологического противостояния.

Роль СМИ в полиязыковом обществе Донбасса: многогранность функций. Функция информирования: СМИ являются основным источником новостей и информации для населения. В полиязыковом обществе эта функция осложняется необходимостью охвата аудитории на разных языках, что диктует необходимость либо выпуска многоязычных изданий, либо ориентации на доминирующий в конкретном населённом пункте язык [1].

Функция формирования общественного мнения: СМИ играют ключевую роль в интерпретации событий, трансляции ценностей и формировании картины мира. В условиях Донбасса эта функция приобретает особую остроту, поскольку медийные нарративы часто используются для мобилизации и консолидации различных групп населения.

Функция культурной интеграции и сохранения идентичности: СМИ, освещая культурные события, традиции, историю, могут способствовать как сохранению языковой и культурной самобытности различных групп, так и их интеграции в более широкое социокультурное пространство.

Функция образования и просвещения: СМИ могут использоваться для распространения знаний, повышения грамотности, а также для языкового образования, например, через программы изучения русского или украинского языка.

Информационная война и медийное противостояние: в условиях конфликта СМИ становятся ареной активной информационной войны, где языковой аспект используется как инструмент пропаганды, дезинформации и манипуляции.

Моноязычные СМИ: существуют СМИ, ориентированные исключительно на русский или украинский язык. Выбор языка зачастую определяется политической позицией издания, целевой аудиторией и доступными ресурсами.

Двухязычные или многоязычные СМИ: редкие, но ценные примеры изданий, стремящихся охватить более широкую аудиторию. Это могут быть газеты с разделами на разных языках, телеканалы с субтитрами или дубляжом, онлайн-платформы с возможностью выбора языка.

Смешанный язык (суржик): в разговорной речи и, как следствие, в некоторых неформальных медиаформатах (например, блоги, комментарии) может присутствовать суржик, отражающий естественное смешение языков.

Социально-политическая тематика: в условиях повышенной политической напряжённости СМИ часто фокусируются на освещении политических событий, конфликта, вопросов национальной идентичности, что неизбежно затрагивает языковой вопрос.

Культурно-просветительская тематика: освещение местных культурных событий, истории региона, традиций, народной музыки – всё это может быть представлено на разных языках, поддерживая разнообразие.

Независимые и оппозиционные СМИ: могут существовать на русском, украинском или на обоих языках, стремясь к объективности, но часто сталкиваясь с цензурой и давлением.

Языковая дискриминация и поляризация: обострение языкового вопроса как инструмента политической борьбы приводит к языковой дискриминации и создаёт атмосферу нетерпимости. СМИ, в свою очередь, могут либо усугублять эту поляризацию, либо пытаться способствовать диалогу [2].

Информационная безопасность и дезинформация: в условиях конфликта СМИ становятся объектом манипуляций и распространения дезинформации. Политика языкового контента может быть использована для усиления воздействия пропаганды.

Экономические и технические ограничения: создание и поддержание качественных многоязычных медиа требует значительных финансовых и технических ресурсов, что особенно сложно в условиях разрушенной инфраструктуры и экономического кризиса.

Необходимость развития независимых и объективных медиа: для построения устойчивого мирного будущего Донбасса крайне важно развитие независимых СМИ, которые смогут предоставлять сбалансированную информацию на разных языках, способствовать диалогу и взаимопониманию между различными языковыми и культурными группами.

Роль цифровых технологий: интернет и социальные сети открывают новые возможности для распространения информации на разных языках, обхода цензуры и создания нишевых медиа. Однако они же могут стать площадкой для распространения языка вражды и дезинформации.

Перспективы диалога и примирения: СМИ могут играть позитивную роль в процессе примирения, освещая совместные культурные проекты, истории взаимопомощи, подчёркивая общие ценности и способствуя формированию новой, инклюзивной идентичности региона.

Таким образом, СМИ в полиязыковом обществе Донбасса представляют собой сложный и многогранный феномен, тесно связанный с историческим, культурным и политическим развитием региона. Языковой аспект является не только формой коммуникации, но и ключевым элементом формирования идентичности, идеологии и политического противостояния. В условиях текущих вызовов развитие независимых, объективных и ответственных СМИ, способных работать на разных языках и содействовать диалогу, является критически важным для будущего Донбасса.

Литература

1. Мосиенко Л. В. Ценностные основания самоопределения студентов в полилингвальном образовании / Л. В. Мосиенко, Г. Х. Хажгалиева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 39–45.
2. Соколков Е. А. Проблемы поликультур и полиязычий в гуманитарном образовании / Е. А. Соколков, Н. Е. Буланкина. – М. : Университетская книга; Логос, 2008. – 208 с.

ЯЗЫК КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ МЕДИАРЫНКЕ

*Гризодуб А. М., студентка группы 235-ЮБУП,
Гудиленко А. А., преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

В условиях глобализации и цифровой трансформации медиaprостранства языковой фактор приобретает ключевое значение в конкурентной борьбе. Язык контента перестаёт быть нейтральной средой передачи информации, становясь стратегическим активом или системным ограничителем для медиакомпаний. Данная работа исследует двойственную природу языка на медиарынке, анализируя, при каких условиях он формирует конкурентное преимущество, а при каких превращается в барьер для развития, определяя экономическую и культурную устойчивость медиапредприятий в полиязычной среде. Язык выступает в роли конкурентного преимущества, когда позволяет медиаплатформе или изданию эффективно решать ключевые рыночные задачи.

Во-первых, он служит инструментом точного таргетирования и глубокого проникновения на нишевые аудиторные сегменты. Создание контента на языке, соответствующем культурно-лингвистическим кодам целевой группы, обеспечивает высокий уровень вовлечённости и лояльности, что напрямую конвертируется в показатели потребления, подписок и рекламной эффективности [1, с. 78]. Это особенно актуально для рынков с сильными региональными или этническими идентичностями, где массовые, усреднённые продукты на доминирующем языке не способны удовлетворить специфические запросы аудитории.

Во-вторых, владение определённым языковым активом создаёт высокие входные барьеры для потенциальных конкурентов. Успешное медиа на языке меньшинства или специфическом диалекте формирует уникальное коммьюнити, воспроизвести которое новому игроку без аналогичных языковых компетенций и культурного капитала крайне сложно. Данный аспект подробно рассматривается в работах, посвящённых экономике медиа, где подчёркивается роль специализации как защиты от конкуренции со стороны глобальных гомогенизированных продуктов [2, с. 112–113].

В-третьих, в геополитическом контексте язык является инструментом «мягкой силы» и влияния. Государственные или окологосударственные медиа, вещающие на международно значимых или региональных языках, используют их для продвижения определённой повестки, ценностей и укрепления культурных связей, что косвенно открывает рынки для сопутствующего немедийного бизнеса. Таким образом, языковой выбор становится частью долгосрочной стратегии позиционирования. Однако в иных рыночных условиях тот же языковой фактор проявляет себя как существенное ограничение. Наиболее очевидное проявление – ограниченность потенциальной аудитории.

Медиа, функционирующее на языке с малой численностью носителей или низким международным статусом, априори имеет потолок для роста, сужая базу для монетизации через рекламу или прямые платежи от пользователей. Это создаёт хронические проблемы экономической устойчивости, делая такие проекты зависимыми от государственных субсидий или спонсорской поддержки [3, с. 45].

Далее, язык выступает ограничителем в вопросах масштабирования бизнеса и выхода на новые рынки. Необходимость перевода, адаптации и локализации контента требует значительных финансовых и временных издержек. Культурные нюансы, идиомы и контекст, заложенные в оригинальном языке, зачастую плохо поддаются трансляции, что снижает качество продукта и его конкурентность на новом рынке. Глобальные платформы, сталкиваясь с полиязычием, вынуждены инвестировать в сложные и дорогостоящие инфраструктуры локализации (субтитры, дубляж, многоязычная модерация), что также является для них ограничивающим фактором с точки зрения операционных расходов.

Кроме того, доминирование английского языка как лингва-франка в сфере технологий, бизнес-коммуникаций и академического знания создаёт асимметрию. Медиа, производящие контент на других языках, могут сталкиваться с дефицитом профессиональных кадров, имеющих доступ к передовым международным знаниям в области медиаменеджмента и цифровых технологий, а также с ограниченным доступом к глобальным инвестициям.

Переход языка из категории преимущества в категорию ограничения определяется комплексом взаимосвязанных факторов. Ключевым является размер и экономический потенциал языковой группы. Язык с миллиардной или многомиллионной аудиторией, обладающей высокой покупательной способностью, сам по себе представляет ёмкий рынок, делая ограничения менее значимыми. Для малых языков вопрос экономики масштаба становится критическим.

Второй фактор – цифровая представленность языка и развитость языковой инфраструктуры в интернете. Языки, слабо представленные в цифровой среде, автоматически маргинализируются, а медиа, работающие на них, сталкиваются с дополнительным технологическим барьером.

Третий фактор – государственная языковая и медийная политика. Система квот, целевое финансирование, налоговые льготы могут искусственно трансформировать языковое ограничение в защищённую рыночную нишу. И наоборот, отсутствие поддержки в условиях рыночной конкуренции с более крупными языковыми проектами может привести к исчезновению таких медиа.

Наконец, важную роль играет поведение самой аудитории, особенно молодёжи. Если носители малого языка в силу социализации и образовательных траекторий массово переходят к потреблению контента на глобальном языке, это подрывает экономическую основу для национально-язычных СМИ, превращая язык из основы идентичности в ограничение для карьерного и социального роста, что отражается на медиапредпочтениях.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что язык в современной медиаиндустрии не является статичным признаком, а представляет собой динамический ресурс, характер использования которого определяет рыночную позицию игрока. Его дуальная природа как конкурентного преимущества и как ограничения проявляется в зависимости от конкретных рыночных, технологических и политических контекстов. Язык становится преимуществом при точном попадании в нишевую аудиторию с высокой степенью идентификации, создавая барьеры для входа конкурентов и формируя лояльное комьюнити. Одновременно он превращается в ограничение при стремлении к массовому охвату, глобальному масштабированию и достижению максимальной экономии от масштаба, особенно для малых языковых групп в цифровую эпоху. Устойчивость медиабизнеса в полиязычной среде, таким образом, зависит от способности менеджмента проводить точную диагностику лингвистического ландшафта и выстраивать стратегию, либо максимально использующую потенциал языковой ниши, либо последовательно преодолевающую языковые барьеры через локализацию и технологические решения.

Литература

1. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран : учебное пособие / Е. Л. Вартанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2015. – 143 с.
2. Кирия И. В. История и теория медиа : учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 423 с.
3. Сидоров В. А. Языковая политика и СМИ в полиэтничном обществе: правовые аспекты / В. А. Сидоров // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2019. – № 4. – С. 42–61.

УДК 316.77

РОЛЬ СМИ В ДИНАМИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

*Гринченко А. Д., студентка группы 221-ЮБГП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Средства массовой информации (СМИ) выступают как мощный и многогранный фактор, определяющий динамику языковых процессов в современном обществе. Они служат катализатором изменений, регулятором норм и главным каналом распространения языковых образцов, проникая во все сферы деятельности человека и активно формируя языковые тенденции.

В условиях стремительного развития технологий и глобализации, роль СМИ в формировании языковой картины мира становится всё более значимой. Они не

просто отражают реальность, но и активно участвуют в её конструировании, в том числе и на языковом уровне.

Благодаря широкому охвату аудитории через печатные издания, радио, телевидение и, в особенности, интернет-ресурсы, СМИ становятся основным каналом распространения и легитимации языковых образцов. Они транслируют определённые языковые формы, которые усваиваются носителями языка и формируют коллективное языковое сознание. Как справедливо отмечает Е. М. Галкина, СМИ выступают как законодатели языковой моды, пропагандируя определённые языковые явления и способствуя их закреплению в речи [3, с. 45]. В этом контексте выбор слов, грамматических конструкций и стилистических приёмов, используемых журналистами и медиаперсонами, оказывает прямое воздействие на то, как люди говорят и думают. Медиа формируют не только языковые предпочтения, но и, в некоторой степени, мировоззрение аудитории, предлагая определённые ракурсы восприятия событий и явлений.

Параллельно СМИ выполняют функцию нормализации и стандартизации языка. Публикации в авторитетных изданиях и выступления профессионалов медиа служат ориентиром для правильного употребления слов, построения фраз и использования грамматических конструкций, способствуя поддержанию языковой нормы. Процессы унификации языка, инициированные под влиянием СМИ, особенно заметны в условиях глобализации. Здесь СМИ выступают как своего рода «языковой арбитр», демонстрируя образцовые, с точки зрения редакции или издательства, варианты языкового выражения. Это особенно важно для поддержания чистоты языка и предотвращения его чрезмерного засорения диалектизмами или некорректными неологизмами, которые могут не пройти естественный отбор.

СМИ активно участвуют в обогащении и обновлении лексического состава языка. Стремление к оперативному освещению новых событий и реалий стимулирует появление в языке неологизмов, заимствований, профессионализмов и жаргонизмов. Интернет-СМИ и социальные сети играют в этом процессе ключевую роль, обеспечивая высокую скорость возникновения и распространения новых лексических единиц. «Медиа становятся своеобразной лабораторией, где рождаются и проходят апробацию новые языковые единицы» [7, с. 112]. Примером могут служить термины, связанные с цифровой экономикой, такие как *криптовалюта* и *блокчейн*, получившие широкое распространение именно благодаря публикациям в СМИ. Более того, СМИ часто выступают как «переводчики» сложных профессиональных или научных терминов для широкой публики. Они адаптируют новую лексику, делая её понятной и доступной, тем самым способствуя её быстрой интеграции в общий язык. Этот процесс трансляции знаний и новых понятий через язык является одной из фундаментальных функций медиа.

Медиа активно участвуют в формировании и трансформации стилистических особенностей языка. Жанровое многообразие медиа предполагает использование разнообразных стилистических приёмов и

регистров речи. Современные СМИ демонстрируют тенденцию к демократизации и упрощению языка, что проявляется в активном использовании разговорных форм, сленга, эмоционально окрашенной лексики. Этот процесс может как повышать доступность и выразительность языка, так и размывать его нормативные границы. В. М. Шаклеин подчёркивает, что «влияние СМИ на стилистику языка проявляется в тенденции к унификации, но в то же время и в стремлении к индивидуализации, к созданию узнаваемого авторского стиля» [10, с. 88]. Исследователи отмечают, что «динамика языковых процессов в современном обществе во многом определяется скоростью распространения информации и инноваций через медиа» [7, с. 112]. Эта тенденция к демократизации, с одной стороны, делает язык более живым и близким к повседневной речи, что может способствовать лучшей коммуникации. С другой стороны, она требует от потребителя медиаконтента более критического подхода к воспринимаемой информации, чтобы отличать уместное стилистическое разнообразие от деградации языковой нормы. Развитие блогосферы и социальных сетей как части медийного пространства ещё более усилило эти тенденции, предоставив площадку для свободного языкового самовыражения, которое не всегда проходит строгую редакционную проверку.

СМИ являются фактором, способствующим ускорению языковых изменений. Современная скорость распространения информации, обусловленная развитием технологий, позволяет новым языковым явлениям быстро проникать в широкие массы. Интернет-СМИ, социальные сети, блоги создают благоприятную среду для мгновенного обмена информацией и, как следствие, для быстрого усвоения и распространения языковых инноваций. Цифровые платформы трансформируют саму природу коммуникации, создавая новые условия для языкового эксперимента. Кроме того, интерактивность современных медиа, возможность комментирования, лайков и репостов, активно вовлекает аудиторию в языковой процесс. Пользователи становятся не только пассивными потребителями, но и активными участниками создания языкового контента, предлагая свои варианты использования слов, создавая мемы и интернет-сленг, которые затем могут быть подхвачены более широкими медиаканалами. Это создаёт своего рода «обратную связь» в языковом развитии, ускоряя циркуляцию новых языковых форм.

Наконец, СМИ играют значительную роль в формировании языкового вкуса и эстетического отношения к языку. Публикации, отличающиеся изяществом слога, точностью выражения и богатством лексики, способны воспитывать у аудитории чувство прекрасного в языке. Напротив, низкое качество языкового материала в СМИ может способствовать формированию у аудитории терпимости к языковой ошибке или пренебрежительного отношения к языковой норме. Важную роль СМИ играют в регуляции языковых процессов. Они могут как способствовать закреплению нормативных тенденций, так и легитимизировать отклонения от нормы, являясь своеобразной формой «языкового контроля». В этом смысле СМИ несут огромную ответственность за поддержание высокого уровня языковой культуры. Качественный, грамотный и

стилистически выверенный текст в медиа не только информирует, но и обучает, воспитывает, формирует эстетические ориентиры. И наоборот, пренебрежение языковыми нормами, обилие ошибок и стилистических просчётов в публичном пространстве подрывают авторитет языка и снижают общий уровень языковой культуры в обществе. Особенно значимо это в контексте формирования языковой личности молодого поколения, которое впитывает информацию преимущественно через медиаканалы.

Роль СМИ в динамике языковых процессов неоспорима и многогранна. Они выступают как центральный узел, где пересекаются различные языковые потоки: нормативные, инновационные, заимствованные. СМИ являются своеобразным «языковым хабом», где происходит синтез, трансформация и распространение языковых единиц. Они функционируют как зеркало, отражающее языковые реалии, и в то же время как мощный инструмент их формирования.

Таким образом, значимость утверждения о ключевой роли СМИ заключается в понимании того, что язык – это живой, развивающийся организм, и наиболее мощным фактором, влияющим на его современную динамику, являются именно средства массовой информации. Осознание этой роли позволяет как исследователям, так и практикам (журналистам, редакторам, педагогам) более эффективно управлять языковыми процессами, способствуя сохранению и развитию языковой культуры в условиях стремительных социально-экономических и технологических трансформаций. Ответственность за языковую культуру в значительной степени лежит на СМИ, поскольку от качества языка, используемого в медиа, зависит не только уровень языковой компетентности аудитории, но и сохранение богатства и выразительности национального языка. Следовательно, критический анализ медиатекстов, осознанное потребление информации и постоянное стремление к совершенствованию собственного языкового уровня являются залогом устойчивого развития языковой системы и сохранения её богатства для будущих поколений. Важно помнить, что язык – это не просто средство общения, но и фундамент национальной идентичности, а СМИ имеют колоссальное влияние на его будущее.

Литература

1. Арефьев А. Л. Русский язык в современном мире: проблемы и перспективы / А. Л. Арефьев, А. Н. Кузнецов. – М. : Литера, 2009. – 400 с.
2. Галкина Е. М. Язык как феномен культуры: социокультурные аспекты функционирования языка : учебное пособие / Е. М. Галкина. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2013. – 184 с.
3. Гусейнова И. А. Социолингвистические аспекты функционирования русского языка в современном медиапространстве : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / И. А. Гусейнова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2012. – 48 с.

4. Колпакова Е. Н. Массмедийный дискурс: трансформация языковых норм и прагматика : монография / Е. Н. Колпакова. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2011. – 279 с.
5. Шаклеин В. М. Русский язык: история и современность / В. М. Шаклеин. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – 216 с.

УДК 141.7:81246.3

ПОЛИЯЗЫКОВОЕ ОБЩЕСТВО И СМИ

*Зеленчук Д. Ф., студентка группы 122-ЮБГП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Мы находимся в социуме, где в публичном пространстве сосуществуют несколько языков. Для Российской Федерации как многонационального государства проблема функционирования языков приобретает особую значимость.

СМИ являются главным источником формирования информационной повестки и общественного мнения. В полиязыковом обществе на них возлагается большая ответственность, ведь некорректно преподнесенная информация может пошатнуть социальную стабильность, обострить межэтнические конфликты. Одновременно с этим, грамотно построенное публичное пространство способно стать мощным инструментом интеграции, диалога культур и укрепления гражданской солидарности.

Актуальность работы обусловлена тем, что современный мир характеризуется усилением миграционных процессов, в результате чего, полиязычие становится нормой для многих обществ.

Полиязыковое общество подразумевает под собой социум, в котором используются несколько языков на разных уровнях общественной жизни, будь то быт, образование, либо государственное управление.

В социолингвистике полиязычие рассматривается как результат исторического, культурного и политического развития общества. Это устойчивое сосуществование нескольких языков в рамках одного социального пространства, при котором языки имеют свойство распределяться по сферам общения и выполняют различные коммуникативные функции [1].

Также необходимо подчеркнуть, что языковой выбор в полиязычном обществе определяется не только коммуникативной целесообразностью, но и социальными установками, идеологией и языковой политикой государства. В этом смысле язык выступает инструментом социальной стратификации и идентификации.

В нашей стране полиязычие реализуется в форме сочетания русского языка как общегосударственного средства коммуникации и национальных языков,

выполняющих культурную и сберегающую функции. Подобная языковая модель напрямую влияет на медиасферу, определяя языковую структуру информационного пространства. Использование нескольких языков в печатных изданиях, на телевидении, в интернет-пространстве позволяет снизить информационное неравенство и способствует включённости меньшинств в общественную жизнь.

Более того, медиaprостранство поддерживает «жизнеспособность» и помогает популяризировать тот или иной язык. Средства массовой информации способствуют его сохранению и развитию, в то время как отсутствие медиaподдержки может привести к постепенной утрате функциональности и области применения. Таким образом, СМИ играют ключевую роль в поддержании языкового баланса.

Медиaprостранство обеспечивает социальную сплочённость. Освещение общегосударственных событий, ценностей и достижений на нескольких языках, способствуют формированию идентичности, основанной на гражданстве, а не на этничности. Текст в медиа характеризуется высокой степенью адаптивности, ориентацией на массового адресата и активным использованием экспрессивных средств [2].

Двуязычие рассматривается не только как владение двумя языковыми системами, но и как сложный когнитивный процесс, связанный с формированием языкового сознания личности. Двуязычие формируется в процессе целенаправленного обучения и социальной практики, а язык функционирует как средство доступа к знаниям и культурным моделям. СМИ в этом контексте могут рассматриваться как важный фактор «неформального обучения», оказывающий влияние на развитие языковой компетенции билингва [3].

Включение в медиaprостранство двух или более языков способствует расширению языкового опыта аудитории, формированию навыков переключения между языковыми кодами и развитию метаязыкового сознания. Однако, при доминировании одного языка в медиaprостранстве возможно ослабление функциональных позиций второго языка, что негативно сказывается на полноценном развитии двуязычия.

Выбор языка вещания, стилистические особенности и тематическое наполнение материалов напрямую влияют на процесс самоидентификации аудитории. Региональные СМИ, использующие национальные языки наряду с русским, способствуют укреплению культурной идентичности и поддержанию языкового разнообразия [4].

Наравне с пользой стоит и возможность раскола общества. Помимо объединяющей роли многоязычных СМИ, важно учитывать и вызовы, возникающие при их работе в обществе, где сосуществуют несколько языков. Дисбаланс в медийном пространстве, когда один язык явно доминирует, а другие оказываются в стороне, способен провоцировать социальные конфликты.

Если статус языка принижается, его использование в публичной сфере сокращается или он практически исключается из медиа, носители воспринимают

это оскорбление, задевающее их культурную идентичность. Это зачастую вызывает протестные настроения и укрепляет ощущение социальной несправедливости. В такой ситуации язык становится не просто инструментом общения, а ключевым символом связи с конкретной социальной или этнокультурной общностью. Как показывают исследования, сокращение роли языка в медиа может расцениваться группой как её фактическое устранение из общественного обсуждения, что, в свою очередь, усиливает взаимное отчуждение и создаёт почву для конфликтов. В связи с этим, на СМИ ложится особая ответственность.

Разумная языковая политика в медиасфере требует взвешенного подхода к выбору языков вещания, поддержания равновесия между государственным и местными языками, а также отказа от любых форм дискриминации языковых меньшинств. Чёткое осознание СМИ своей общественной задачи – способствовать межкультурному взаимопониманию, сохранять языковое многообразие и гарантировать всем гражданам равные возможности в получении информации – выступает залогом гармоничного развития полиязычного общества.

Таким образом, стабильность и гармония в полиязыковом обществе напрямую зависят от взвешенной и ответственной языковой политики в медиасфере. Успех данной политики определяется не техническим наличием нескольких языков в эфире, а стратегическим балансом, уважением ко всем языковым сообществам и чётким осознанием СМИ своей миссии.

Литература

1. Залевская А. А. Введение в теорию учебного двуязычия : учебник для магистрантов / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2016. – 269 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность : монография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : учеб. пособие для студентов вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
4. Солганик Г. Я. Язык средств массовой информации : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 2002. – 214 с.

УДК 8-80

СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*Клименко А. А., студентка группы 135-ЮБУП,
Черкасова М. Г., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Современное общество характеризуется возрастающей степенью многообразия, в том числе языкового. Полиязычие, то есть сосуществование и

взаимодействие нескольких языков в рамках одного общества, становится нормой для многих стран и регионов [1, с. 15]. В этом контексте средства массовой информации (СМИ) играют ключевую роль в формировании общественного мнения, трансляции культурных ценностей и обеспечении коммуникации между различными языковыми группами [2, с. 45]. Данная статья посвящена анализу роли, вызовов и возможностей СМИ в условиях полиязыкового общества.

1. СМИ как фактор формирования полиязычной среды

Полиязычное общество представляет собой сложную систему, где языки не только сосуществуют, но и активно взаимодействуют, влияя друг на друга [3, с. 78]. СМИ в этом процессе выступают как мощный катализатор, способствующий как интеграции, так и сегрегации языковых групп.

Трансляция и популяризация языков: СМИ могут способствовать сохранению и развитию миноритарных языков, предоставляя им платформу для вещания, публикации материалов и привлечения внимания аудитории. Это особенно важно для языков, находящихся под угрозой исчезновения [1, с. 112]. Одновременно СМИ могут способствовать распространению доминирующих языков, облегчая межкультурную коммуникацию и интеграцию [2, с. 67].

Формирование языковой политики: языковая политика государства и общества во многом отражается в медиапространстве [1, с. 150]. СМИ могут как поддерживать официальную языковую политику, так и критиковать её, предлагая альтернативные подходы к языковому регулированию.

Создание общего информационного поля: в условиях полиязычия СМИ могут выступать в роли моста, соединяющего различные языковые сообщества [3, с. 101]. Создание контента на нескольких языках, а также использование переводческих технологий, позволяет охватить более широкую аудиторию и способствовать взаимопониманию.

2. Вызовы, стоящие перед СМИ в полиязыковом обществе

Функционирование СМИ в полиязычной среде сопряжено с рядом существенных вызовов.

Языковой барьер и доступность информации: обеспечение равного доступа к информации для всех языковых групп является одной из главных проблем [2, с. 89]. Создание контента на всех языках, представленных в обществе, может быть ресурсоёмким и технически сложным. Недостаточное количество медиа на миноритарных языках может привести к информационной изоляции их носителей [1, с. 180].

Качество перевода и адаптации: некачественный перевод или неадекватная адаптация контента могут исказить смысл, вызвать недопонимание и даже привести к конфликтам между языковыми группами [3, с. 125]. Важно не только точно передать информацию, но и учесть культурные особенности целевой аудитории.

Финансирование и устойчивость медиа на миноритарных языках: медиа, ориентированные на небольшие языковые группы, часто сталкиваются с финансовыми трудностями [2, с. 110]. Отсутствие стабильного финансирования

может привести к снижению качества контента, сокращению штата и, в конечном итоге, к закрытию таких СМИ.

Политическое и культурное влияние: СМИ могут использоваться для продвижения определённых политических или культурных интересов, что может привести к усилению напряжённости между языковыми группами [1, с. 205]. Важно обеспечить независимость СМИ и их способность представлять различные точки зрения.

3. Возможности СМИ в полиязыковом обществе

Несмотря на существующие вызовы, полиязыковое общество открывает перед СМИ значительные возможности для развития и укрепления своей роли.

Расширение аудитории и рынков: создание контента на нескольких языках позволяет СМИ охватить более широкую и разнообразную аудиторию, что открывает новые возможности для рекламы, спонсорства и коммерческого развития [2, с. 135]. Это также способствует выходу на международные рынки.

Содействие межкультурному диалогу и толерантности: СМИ, представляющие различные языковые и культурные группы, могут способствовать лучшему пониманию и уважению между ними [3, с. 150]. Публикация материалов, отражающих многообразие культурных традиций, обычаев и взглядов, помогает разрушать стереотипы и формировать толерантное отношение.

Инновации в производстве контента: необходимость адаптации контента для различных языковых групп стимулирует внедрение новых технологий, таких как автоматический перевод, субтитрование, озвучивание на разных языках, а также разработка мультимедийных форматов, доступных для широкой аудитории [2, с. 160].

Укрепление гражданского общества: предоставляя платформу для выражения мнений и обсуждения проблем на разных языках, СМИ способствуют активному участию всех граждан в общественной жизни, независимо от их языковой принадлежности [1, с. 220]. Это укрепляет демократические институты и способствует формированию инклюзивного общества.

Развитие профессиональных компетенций: работа в полиязычной среде требует от журналистов, редакторов и других медиаспециалистов развития новых компетенций, таких как знание нескольких языков, понимание культурных особенностей, умение работать с переводческими технологиями и адаптировать контент [3, с. 175]. Это способствует повышению профессионального уровня медиаиндустрии в целом.

Таким образом, СМИ в полиязыковом обществе сталкиваются с комплексом вызовов, связанных с языковыми барьерами, финансированием и качеством контента. Однако, одновременно они обладают огромным потенциалом для содействия межкультурному диалогу, расширению аудитории, инновациям и укреплению гражданского общества. Для эффективного функционирования в условиях полиязычия СМИ должны активно развивать многоязычный контент, использовать современные технологии перевода и адаптации, а также стремиться к обеспечению равного доступа к информации для всех языковых

групп. Поддержка медиа на миноритарных языках, а также формирование толерантной и инклюзивной языковой политики являются ключевыми факторами для успешного развития СМИ в полиязычном мире [2, с. 190].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 262 с.

81-80

СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*Кудрявцева Д. И., студентка группы 135-ЮБУП,
Черкасова М. Г., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Средства массовой информации (СМИ) играют важнейшую роль в многонациональных обществах, выступая не только каналом передачи информации, но и платформой для сохранения культурного наследия, обеспечения равноправия в доступе к информации и формирования общественного мнения. В условиях глобализации и миграции, когда культуры и языки сталкиваются, СМИ становятся ключевым инструментом для поддержки разнообразия и взаимопонимания.

Одной из основных функций СМИ в многонациональной среде является сохранение и популяризация культурного наследия. Каждое этническое сообщество обладает уникальными традициями, языком и историей, которые могут быть под угрозой утраты в результате ассимиляции или глобализации. Локальные радио- и телестанции, а также печатные издания, работающие на языках меньшинств, играют важную роль в поддержании этих культурных идентичностей. Они создают контент, который отражает жизнь и ценности конкретных сообществ, что позволяет людям чувствовать себя частью культуры и сохранять родной язык. Например, программы, посвящённые традиционным праздникам или локальным обычаям, не только информируют аудиторию, но и укрепляют её связь с историей и культурой.

Важно отметить, что доступность информации на родном языке является важной для реализации принципа равенства прав граждан в многонациональном государстве. Когда информация предоставляется на нескольких языках, это помогает преодолевать языковые барьеры и обеспечивает полный доступ к необходимым ресурсам. Особенно это актуально в таких сферах, как

образование, здравоохранение и социальное обеспечение, где недостаток информации может привести к серьёзным последствиям. Например, если информация о медицинских услугах или социальных программах доступна только на одном языке, это может оставить значительную часть населения без необходимых ресурсов. Многоязычные СМИ помогают обеспечить равный доступ к информации для всех граждан, независимо от их языковой принадлежности.

Многоязычная коммуникационная среда способствует интеграции различных этнических групп. Возможность получать информацию и участвовать в общественной жизни на родном языке помогает людям лучше понимать друг друга и строить отношения на основе доверия и взаимопонимания. Это особенно важно в многонациональных обществах, где разные группы могут иметь разные точки зрения и интересы. СМИ могут служить площадкой для диалога между этническими группами, позволяя им обсуждать общие проблемы и находить пути их решения. Например, публикация материалов о совместных проектах или инициативы по улучшению жизни в многонациональных регионах может способствовать укреплению связей между разными сообществами.

Однако важно учитывать, что средства массовой информации также могут оказывать значительное влияние на общественное мнение. Они формируют восприятие различных этнических групп и могут либо способствовать толерантности и уважению, либо усиливать предвзятости и стереотипы. Объективное освещение фактов и учёт интересов всех групп населения имеют решающее значение для формирования позитивного общественного сознания. Например, публикация статей о достижениях представителей меньшинств или освещение их проблем может помочь создать более справедливое общество. Важно, чтобы журналисты и редакторы осознавали свою ответственность за выбор тем и подходов к освещению вопросов мультикультурализма.

К сожалению, существует риск распространения ложных представлений и негативного отношения к определённым этническим группам через средства массовой информации. Это может происходить как в результате предвзятости отдельных журналистов, так и из-за политического давления или коммерческих интересов. Поэтому важно развивать медиаграмотность среди населения, чтобы люди могли критически оценивать информацию и осознавать влияние СМИ на свои взгляды.

В заключение можно сказать, что средства массовой информации являются важным инструментом в многонациональных обществах. Они не только способствуют сохранению культурного наследия и обеспечивают равный доступ к информации, но и играют ключевую роль в формировании общественного мнения и укреплении связей между различными этническими группами. Ответственное отношение к вопросам мультикультурализма со стороны СМИ может значительно улучшить социальную гармонию и способствовать созданию общества, основанного на уважении и взаимопонимании.

Литература

1. Стариков А. Власть. СМИ. Общество / А. Стариков. – М. : LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 108 с.
2. Сапожникова И. А. Современная речевая культура СМИ в контексте глобализации : дисс. канд. культурологии : 24.00.01 – теория и история культуры / И. А. Сапожникова. – Челябинск, 2008. – 176 с.

УДК 81'27

СМИ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*Мадяр Д. А., студентка группы Фик-25-1,
Осипова А. Н., канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Современное общество всё чаще существует в условиях полиязычности – сосуществования нескольких языковых групп в рамках единого социального и информационного пространства. Это явление характерно как для традиционно многонациональных государств (Россия, Индия, Швейцария), так и для стран с активной миграцией (Германия, США, страны ЕС). В этой новой реальности средства массовой информации перестают быть просто каналом передачи информации, а становятся ключевым институтом, формирующим общественное сознание, культурную идентичность и социальную сплочённость. СМИ в полиязычной среде оказываются на пересечении двух противоположных тенденций: с одной стороны, они должны обслуживать разнородную аудиторию, обеспечивая доступ к информации на родных языках, с другой – способствовать интеграции общества через создание общего информационного поля. Неспособность медиа решить эту дилемму ведёт к опасным социальным последствиям: маргинализации языковых меньшинств, росту взаимного непонимания, формированию изолированных информационных «гетто» и, в конечном счёте, угрозе общественной стабильности.

Самая очевидная проблема – языковой барьер, который создаёт неравный доступ к информации. Языковые меньшинства зачастую лишены возможности получать оперативные новости, важные социальные сообщения (например, о чрезвычайных ситуациях или изменениях в законодательстве) и качественный аналитический контент на понятном им языке. Языковой барьер в медиасфере ведёт к серьёзным социальным последствиям. Во-первых, возникает информационная изоляция целых языковых групп, лишённых доступа к важным новостям и контенту, что ограничивает их социальную и экономическую мобильность и закрепляет маргинальное положение.

Во-вторых, дефицит качественной информации на родном языке толкает аудиторию в альтернативную информационную среду – мессенджеры, социальные сети и зарубежные ресурсы, где часто распространяются слухи и дезинформация, подрывающие общественное доверие.

В-третьих, в цифровую эпоху эта проблема перерастает в глубокий цифровой разрыв. Нехватка контента на языках меньшинств в интернете – от сайтов госорганов до образовательных платформ – лишает эти группы доступа не только к информации, но и к ключевым цифровым услугам, усиливая социальное неравенство.

Создание и поддержание качественного мультязычного медиапространства сопряжено со значительными ресурсными и инфраструктурными вызовами. В экономическом плане эта задача требует больших финансовых затрат, поскольку требует не разовых вложений, а системного финансирования. Основные статьи расходов включают в себя профессиональный перевод и адаптацию контента, организацию дубляжа, а также формирование и содержание отдельных редакций или штата корреспондентов – носителей языка, способных оперативно работать с информацией. Однако ключевой проблемой становится не столько финансирование, сколько острый дефицит квалифицированных кадров. Рынок испытывает потребность не в рядовых переводчиках, а в журналистах, редакторах и продюсерах, которые являются подлинными билингвами. Такие специалисты должны глубоко понимать культурные коды и социальные контексты всех целевых аудиторий, чтобы создавать не просто лингвистически точный, но и смысловой, релевантный, вовлекающий контент, соответствующий единым профессиональным стандартам качества. Экономическую устойчивость медиа на языках меньшинств дополнительно подрывает ограниченность рекламного рынка. Узкая целевая аудитория и часто более скромная покупательская способность делают такие проекты малопривлекательными для крупных рекламодателей. Как следствие, они оказываются в хронической зависимости от государственных субсидий или грантовой поддержки, что ставит под вопрос их долгосрочную независимость и редакционную стабильность.

Решение проблем СМИ в полиязычном обществе требует комплексного, многоуровневого подхода, сочетающего регуляторные, экономические и содержательные меры. Ключевую роль должно играть общественное телерадиовещание, финансируемое государством, но независимое в редакционной политике. Его задача – стать мостом между языковыми группами.

Государственная и общественная поддержка (гранты, налоговые льготы, помощь в обучении кадров) должна оказываться локальным и этническим СМИ. Их роль – не конкурировать с крупными игроками, а обслуживать специфические запросы своей общины, освещать локальные проблемы, сохранять культурное наследие. Это снимает напряжение от ощущения «заброшенности» и даёт голос малым группам.

Крайне важно заниматься вопросами медиаграмотности всех слоёв населения, особенно на языках меньшинств. Люди должны уметь критически оценивать информацию, отличать факты от мнений, распознавать манипуляции. Параллельно необходима системная подготовка журналистов-мультилингвов через специальные программы в вузах, стажировки и обмены между редакциями, работающими на разных языках.

Для эффективного регулирования этой сложной медийной сферы необходима сбалансированная правовая база. Чёткое законодательство должно выполнять триединую задачу: гарантировать право граждан на получение общественно значимой информации на родном языке в пропорциональном объёме; решительно запрещать разжигание розни по языковому и национальному признаку, устанавливая жёсткую ответственность для СМИ; и одновременно надёжно защищать плюрализм мнений и свободу слова для медиа всех языковых групп в рамках правового поля. Правовые нормы должны быть дополнены сильными профессиональными этическими кодексами, обязывающими журналистов освещать межэтнические и межъязыковые вопросы максимально взвешенно, избегать культурных стереотипов и целенаправленно работать на укрепление взаимопонимания.

Таким образом, средства массовой информации в полиязычном обществе оказываются не пассивным зеркалом, а активным и ответственным участником сложнейшего социального процесса. От выбранных ими стратегий напрямую зависит, станет ли языковое разнообразие источником раскола или основой для общественной синергии. Идеалом представляется трёхуровневая медийная система: ядро из общественных мультязычных СМИ, выполняющих интеграционную функцию; периферия из коммерческих и нишевых медиа, обеспечивающих плюрализм; и цифровой слой кросс-культурных платформ, использующих технологии для преодоления барьеров.

Успех этой модели зависит не только от финансов, но и от политической воли, профессиональной ответственности и медиаграмотности граждан. Лишь при таком условии СМИ смогут выполнить свою высшую миссию: создать единое смысловое пространство, где различия обогащают, а не разделяют общественный диалог.

Литература

1. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – М., 2005.
2. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005.
3. Чичановский А. А. Инстанция истины: СМИ и жизнь: возможность, поиск, ответственность / А. А. Чичановский. – М. : Политиздат, 2007. – С. 105.
4. Шарандин А. Л. Культура речи на рубеже XX-XXI веков / А. Л. Шарандин. – Тамбов, 2005.

УДК 070

ПОЛИЯЗЫЧНЫЕ СМИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Милютина Д. И., Готра А. О., студентки группы 222-ЮБГП,

*Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Современные средства массовой информации играют важную роль в нашей жизни и в целом в обществе. Они выполняют функции информирования, образования и, пожалуй, самое очевидное – это формирование нашего мнения. Для начала нужно понять, что такое полиязычные СМИ? Полиязычные СМИ – это средства массовой информации, которые транслируют контент на нескольких языках. Как пример источников можно назвать газету, журнал, телевидение. Более популярными являются социальные сети.

Цель работы – рассмотреть, как полиязычные СМИ влияют на формирование общественного мнения, а также какие преимущества и риски несёт медиаконтент на разных языках.

Объект исследования – полиязычные средства массовой информации.

Предмет исследования – влияние языковой формы подачи информации и качества перевода на восприятие новостей и формирование мнения аудитории.

Методы исследования – анализ научной литературы и примеров из медиа.

Теперь разберёмся, как же всё-таки полиязычное СМИ влияет на наше мнение? Начнём с доступности информации. Полиязычные СМИ предназначены для того, чтобы предоставить информацию на нескольких языках. Это значит, что разные группы людей, говорящие на разных языках, могут легче находить и понимать новости, статьи и другую информацию, которая их интересует. Благодаря этому не возникает ситуации, когда определённые люди остаются без информации просто потому, что они не говорят на языке, на котором эта информация изначально представлена [4].

Следующим пунктом можно назвать культурное объединение. Когда СМИ публикуют контент на разных языках, они открывают двери для более широкого общения между людьми. Например, если новость публикуется на русском, английском или других языках, представители разных культур могут обсудить эту новость, обменяться мнениями и взглядами. Благодаря этому одна культура может узнать о взглядах другой. Такой обмен мнениями может быть полезен в самых разных сферах – от политики до бытовых вещей. Обсуждая важные политические события, люди могут видеть, как они воспринимаются в разных странах и культурах. Это помогает формировать более полное представление о ситуации и выявлять общие проблемы, которые беспокоят людей вне зависимости от их происхождения. Благодаря этому мы можем сделать вывод о той или иной культуре и сформировать своё мнение.

Но не нужно забывать и о том, что СМИ могут влиять на наше мнение не только положительно. К примеру, распространение фейковых новостей. Во время выборов кандидаты могут распространять дезинформацию о своих противниках, из-за этого у общества складывается негативное мнение или наоборот на них возлагают ложную надежду, таким образом повлияв на общественное мнение. И, пожалуй, самое страшное – это изобилие материалов

со сценами насилия. Из-за большого и частого просмотра публикаций такого характера у общества может сложиться мнение, что это «норма, так и должно быть». Также создание паники в новостных изданиях способствует нарастанию волнений в обществе [2].

Стоит отметить, что перевод также играет важную роль в полиязыковом СМИ. В нашей стране один из тридцати человек имеет бегло владеет иностранным языком, а пользуются и понимают его – единицы [6]. Что уж говорить об оставшейся части населения? То, как будет воспринята та или иная информация, зависит от достоверности перевода. В первом случае издание может по ошибке нанять некомпетентного либо неопытного работника. Во втором случае издатель намеренно искажает информацию так, чтобы она обретала совершенно иной смысл. Немногие СМИ со всего мира могут похвастаться переводчиками, которые тонко чувствуют смысл отдельной фразы, и переводят, не теряя её первоначального посыла. Отталкиваясь от данного утверждения, можно сказать, что СМИ могут превратиться из источника информации в инструмент для манипуляции населением. У индивидов на основе воспринятой информации формируется определённая картина по поводу какой-либо ситуации, мнение насчёт неё, а также отношение к людям, если речь идет об иностранном государстве. Такие статьи должны проверяться государством и при достоверности информации помечать её особым знаком, во избежание распространения дезинформации. Сведения, полученные на основе сомнительного перевода, могут стать поводом для конфликтов тех или иных групп общества.

Заострим внимание на проверке достоверности информации. Достоверность информации является основным требованием, предъявляемым к СМИ, наряду с точностью, наличием ссылок на источники, разграничением фактов и мнений, а также плюрализмом точек зрения в своих статьях. В нынешних реалиях мы имеем всевозможные источники информации, но нередко можно встретить посредственную и неточную информацию. Помочь в данной ситуации может медиаграмотность. Медиаграмотность представляет собой набор навыков и знаний, необходимых для эффективного использования и критического анализа медийных материалов. Одной из основных составляющих медиаграмотности является умение анализировать и оценивать информацию, получаемую из различных источников, что способствует определению её уровня надёжности и достоверности, а также отличать факты от мнений. Это важно, особенно сейчас, когда нас окружает огромное количество источников и часть из них указывает ложные данные. Медиаграмотность включает такие навыки, как умение оценивать ресурсы по критериям надёжности, сопоставлять сведения из нескольких источников, выявлять контекстные и скрытые значения сообщений, а также применять критическое мышление при восприятии информации. Международные организации, такие как ЮНЕСКО, выделяют критическое мышление как центральную категорию медиаграмотности: это способность не принимать информацию «как данность», а анализировать, сопоставлять, задавать вопросы и формулировать обоснованные выводы. Кроме того,

исследования показывают, что развитие медиаграмотности непосредственно связано с умением распознавать и нейтрализовать дезинформацию. В учебных и исследовательских программах по медиаграмотности особое внимание уделяется обучению фактчекингу – процессу проверки утверждений на соответствие объективным данным и надёжным источникам. Фактчекинг помогает отделять истинную информацию от ложной или манипулятивной, что особенно важно в период активного распространения информации в социальных сетях и онлайн-СМИ [3].

Самыми уязвимыми в наше время можно считать подрастающее и пожилое поколения. Дети и подростки активно потребляют информацию через социальные сети, однако их медиапотребление часто носит стихийный характер. В подростковом возрасте ещё не полностью сформированы навыки критического мышления, что затрудняет распознавание манипулятивных приёмов скрытой рекламы, пропаганды или заведомо ложных сообщений. Кроме того, детская аудитория сильнее подвержена эмоциональному влиянию. Поэтому важно проводить беседы и объяснять, что не вся информация, имеющаяся в интернете, носит достоверный характер.

Как было сказано ранее, влиянию недостоверной информации подвержены и люди в преклонном возрасте. Эта категория часто воспринимает информацию из интернета и СМИ как более авторитетную и «официальную», особенно если она оформлена в виде новостей или сопровождается ссылками на псевдоисточники. Пожилые люди нередко становятся целевой аудиторией дезинформации и мошеннических схем, поскольку доверяют привычным формам подачи информации, не имеют достаточных навыков пользования интернетом и т.д. Чтобы избежать казусов, связанных с мошенническими схемами, да и просто недальновидного доверия заведомо ложной информации, важно также проводить беседы.

Подводя итог, мы можем уверенно сказать, что полиязычные СМИ играют важную роль в нашей жизни. Они формируют мнение о других нациях, расах, культурах. Это мнение может быть как негативным, так и позитивным. Каждый из нас должен уточнять информацию путём проверки разных источников во избежание конфликтов и недопониманий.

Литература

1. Беспалова А. Г. История мировой журналистики / А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов, А. П. Короченский, Ю. В. Лучинский, А. И. Станько. – 3-е изд., дополн. и исправл. – М. : ИКЦ «МарТ», Ростов н/Дону, 2003. – 432 с.
2. Кузнецов Н. Б. Социальные сети как средство формирования общественного мнения: полиязычный аспект / Н. Б. Кузнецов // Социология и социальные науки. – 2022. – № 4. – С. 85–92.
3. Лебедева И. В. Влияние медиа на формирование общественного мнения / И. В. Лебедева // Медиа и общество. – 2021. – № 1. – С. 33–40.

4. Левченко А. Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание / А. Е. Левченко. – М. : ИНФА-М, 2000. – 376 с.
5. Блинова М. Д. Комплексный подход к оценке достоверности информации в сетевых СМИ / М. Д. Блинова, В. Е. Соломин // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2022. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-k-otsenke-dostovernosti-informatsii-v-setevyih-smi> (дата обращения: 12.02.2026).

УДК 81'276.5:004.738.5

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

*Огиенко Д. И, студентка 2 курса,
Максименко А. В., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ДГУЮ Минюста России*

В последние десятилетия мы наблюдаем нарастающее влияние технологических достижений на язык. Интернет, предоставив беспрецедентные возможности для общения, преодолевающего пространственные и временные барьеры, значительно расширил границы современной коммуникации. В условиях современного информационного общества более 80 % подростков регулярно используют социальные сети, что неизбежно приводит к значительным изменениям в речевом поведении и языковых привычках, проявляющимся в активном использовании сленга, сокращений, намеренном нарушении орфографических норм и активном заимствовании англицизмов.

Особую значимость исследованию придаёт тот факт, что происходящие трансформации не ограничиваются только цифровой средой, а активно проникают в повседневную речь, влияя на общий уровень языковой культуры и грамотность носителей языка, что требует глубокого научного анализа механизмов этих изменений и выработки эффективных стратегий сохранения и развития языковой нормы в новых коммуникативных условиях.

Язык, используемый в интернете, является модифицированной версией естественного языка, с изменениями в словарном запасе, грамматических структурах и написании, продиктованными спецификой виртуального дискурса. Л. П. Крысин подчёркивает, что отклонения от традиционной нормы особенно ярко проявляются в тех сферах речевой деятельности человека, где межличностная коммуникация наиболее свободна, не подвержена редакторскому и какому-либо иному контролю [2, с. 13]. Стремясь к максимальной простоте и оперативности, интернет зачастую обесценивает привычные языковые правила.

Социальные сети – это яркое проявление информационного общества, его неотъемлемая составляющая. Развитие технологий передачи информации

знаменует собой сдвиг от прежней эпохи к новой, в которой личные встречи постепенно вытесняются удалёнными и опосредованными формами коммуникации. Взаимодействие в социальных сетях оказывает дестабилизирующее воздействие на литературные нормы, снижая их императивность. Возникшая в сетевом пространстве устно-письменная форма коммуникации, характеризующаяся привнесением элементов устной речи в письменный текст, провоцирует системные девиации от принятых литературных стандартов, особенно выраженные на лексическом и синтаксическом уровнях. Неконтролируемая человеческая спонтанность, проявляющаяся в ненормативности и произвольности речевых актов, преодолевает барьеры культурных регуляций [3, с. 56].

Традиционно языковая норма рассматривается в двух аспектах: функциональном и кодификационном. Функциональный аспект определяет норму как «внутреннюю категорию языка, присущую ему как системе». Это означает, что такая норма существует и соблюдается благодаря самой природе языка, без какого-либо внешнего давления или официального закрепления (например, в законодательстве, образовательных стандартах или лексикографии). По сути, эта норма является неявной и опирается на устоявшиеся речевые практики, получая своё признание от общества. В целом, этот аспект можно назвать речевой нормой, которая соблюдается, в первую очередь, образованными носителями языка при использовании различных вариантов речи, будь то диалекты (территориальные), социолекты (социальные) или стили (ситуационные). Как точно заметил И. Г. Милославский, владение формально правильной речью всегда коррелирует с «общественной престижностью» [1, с. 92].

Наблюдаемые девиации от лингвистической нормы являются катализатором существенных модификаций в современном русском молодёжном жаргоне. Эти изменения проявляются не только в его усиленной функциональной роли в коммуникации, но и в глубинных структурных преобразованиях. В частности, отмечается экспансия коммуникативного ядра молодёжного жаргона, пролиферация тематических категорий, характеризующихся повышенной частотностью жаргонного лексикона, а также пролонгация традиционных синонимических парадигм в его рамках [3, с. 57].

Расширение коммуникативного ядра молодёжного жаргона проявляется в активном использовании игровых терминов в повседневной жизни (*затащить* – добиться успеха, *ачивки* – достижения), внедрении интернет-сленга (*баг* – ошибка, *гуглить* – искать в интернете), появлении мемов-словечек (*эщкере* – выражение энтузиазма).

Полиферация тематических категорий отражается в появлении новых лексических групп: геймерского сленга (*катка* – игровая серия, *донатить* – пополнять игровой баланс), фандомского жаргона (*шипперинг* – фантазии и романтических отношениях персонажей, *фанфик* – любительское творчество), субкультурных обозначений (*виншико-тян* – определённый типаж девушек, *мимишность* – культ милоты).

Развитие синонимических рядов демонстрирует такие тенденции, как замену устаревших выражений новыми (*отстой* → *заиквар*), появление синонимических пар (*го/пойдём* → *чекать/проверять*), создание новых форм существующих слов (*спосик* вместо *спасибо*, *варик* вместо *вариант*, *рестик* вместо *ресторан*).

Синтаксические изменения проявляются в следующих устойчивых конструкциях: 1) употребление избыточного *то, что* (*не рассчитывала то, что, получилось так, то что*), 2) трансформация устойчивых выражений (*на кортанах* от *на корточках*), 3) появление новых речевых формул (*мы не про деньги* в значении *не о деньгах речь*).

А. В. Курьянович отмечает, что «все составляющие поведения человека в сети вольно или невольно приобретают вербальное измерение. Коммуникация в форме письменного текста получает в интернете онтологический статус, становится основой существования» [4, с. 48].

Если говорить о том, что отличает современное общение, то это, прежде всего, его бешеный темп и огромный объём информации, который приходится перерабатывать. Мы постоянно взаимодействуем друг с другом, обмениваемся чем-то, ведём диалоги. Часто всё происходит спонтанно, и нужно быстро соображать, как себя повести. А ещё, чтобы быть успешным в таком общении, важно уметь анализировать себя, быть открытым, гибким, терпимым, понимать других, быть ответственным и, конечно, культурным, в том числе и в том, как мы говорим [4, с. 45].

Понимание фундаментальных вопросов, касающихся языковых норм, предполагает всесторонний анализ их онтологических, гносеологических и аксиологических характеристик. Необходимо также разобраться в их классификации, факторах, обуславливающих их вариативность, и их многогранной роли – как лингвистической, так и социолингвистической и социокультурной. Эти и другие аспекты требуют дальнейшего изучения. В этом контексте представляется целесообразным как углублённое исследование динамики норм в конкретных языках и их диалектах, так и сопоставительное изучение норм различных языков и их разновидностей. Для укрепления позиций русского языка в интернете требуется активное развитие его присутствия, пресечение искажений и необоснованного использования иностранных слов, а также увеличение количества качественного контента на русском языке. Сегодня интернет – это лишь площадка для обмена информацией, но в скором времени он может стать единым пространством тотальной коммуникации. В такой ситуации защита языка от кардинальных изменений станет значительно сложнее, если вообще осуществимой.

Литература

1. Едличко А. И. Языковые нормы в цифровую эпоху / А. И. Едличко // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 2. – С. 91–104.

2. Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14) – С. 6–13.
3. Клещина Н. Н. Трансформация русского языка и речи в условиях сетевого общества / Н. Н. Клещина // Власть. – 2016. – Том 24. – № 11. – С. 56–58.
4. Курьянович А. В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 2 (76). – С. 44–49.

УДК 070.1:316.77:81'27:316.75

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ АУДИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Подолька Д. А., студентка группы УГПП-25,
Садовская Н. Н., старший преподаватель кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

В условиях полиязыкового пространства Российской Федерации средства массовой информации выступают важным инструментом формирования языковой политики и языковых предпочтений аудитории. Редакционная политика СМИ определяет выбор языковых стратегий, стилистических норм, терминологической базы и коммуникативных моделей, транслируемых в публичном пространстве.

Современные российские СМИ функционируют в условиях цифровизации, усиления региональных медиаплатформ и роста влияния социальных сетей. В этих условиях редакционная политика приобретает стратегическое значение: она направлена не только на информационное обеспечение аудитории, но и на формирование ценностных установок, норм речевого поведения и языковой идентичности.

Традиционно языковая политика рассматривалась как совокупность правил и действий, определяющих функционирование языков на государственном уровне. Однако в XXI веке, с развитием информационного общества, центр тяжести этой политики смещается в медийную плоскость. Как отмечается в современных исследованиях, языковая ситуация в стране всё чаще «отражается в медиа», которые не только фиксируют, но и формируют отношение общества к языковым процессам.

Редакционная политика в данном контексте становится проводником государственной языковой идеологии. Президент РФ Владимир Путин в указе от июля 2025 года подчеркнул, что, несмотря на уникальное этнокультурное

разнообразии России, именно русский язык «в значительной степени определяет общенациональную гражданскую идентичность». СМИ, будучи основным источником «речевой среды» для миллионов граждан, берут на себя ответственность за трансляцию этой нормы.

Одной из наиболее обсуждаемых тем является противодействие «англизации» русского языка. Участники профессиональных дискуссий, таких как круглый стол в МГИМО, организованный Союзом журналистов Москвы, единодушны в критике неоправданного использования иностранных слов. Председатель Союза Павел Гусев прямо заявил о неприятии слова *кейс*, которое, по его мнению, «обесмысливает речь» и стало данью моде, а не необходимостью.

Редакционная политика крупных изданий сегодня направлена на реализацию принципа «вербального импортозамещения». Это не просто отказ от иностранных терминов, а поиск точных и выразительных аналогов в русском языке. Как показало исследование Н. М. Усенко, в медиатекстах 2022–2023 годов фиксируется переход от «тотальной моды на иноязычное» к более взвешенному подходу. Этот тренд находит отражение и в законодательстве: новый закон о языке, вступающий в силу в марте 2026 года, прямо указывает на необходимость сокращения использования иностранных слов, имеющих общеупотребительные русские аналоги.

Важнейшим аспектом управления предпочтениями является поддержание «эталонного» уровня речи. В эпоху, когда главным конкурентом профессиональной журналистики выступает блогосфера, где нормы зачастую игнорируются, роль редактора становится критической. Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва» Владимир Мамонтов призвал коллег «строго соблюдать нормы и правила современного русского литературного языка», подчёркивая, что взгляды профессионалов должны формироваться под влиянием академических справочников, а не сиюминутных веяний.

Однако, как отмечает профессор РУДН Наталья Гегелова, проблема заключается в том, что современные редакторы стали «более либерально относиться к огрехам». Это приводит к размыванию нормы. В ответ на это профессиональное сообщество предлагает вводить систему поощрений – своеобразный «Знак качества» для СМИ, особо тщательно следящих за чистотой речи.

Управление языковыми предпочтениями в такой многонациональной стране, как Россия, не ограничивается только русским языком. Редакционная политика региональных СМИ играет ключевую роль в сохранении языков народов РФ. Исследование государственных СМИ Республики Саха (Якутия) показывает, что создание качественного контента на якутском языке в интернете оказывает «существенное влияние на сохранение и развитие языков», а также укрепляет межнациональное согласие.

Успех якутских медиа доказывает: востребованность контента на родном языке (подтверждённая социологическими опросами и веб-аналитикой) напрямую зависит от редакционной воли и государственной поддержки. Этот

опыт тиражируется и в других регионах, формируя у аудитории устойчивое предпочтение к потреблению информации на родном языке наряду с русским.

Управление языковыми предпочтениями имеет и внешнеполитическое измерение. В указе главы государства особо отмечается, что Россия «успешно противостоит попыткам ограничить использование русского языка, отменить русскую культуру и дискриминировать российские СМИ».

Ответом на внешнее давление стало активное развитие вещания на иностранных языках. Как отмечает западная пресса, российские медиа (RT, Sputnik) добились значительного роста аудитории в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, ведя вещание на испанском и арабском языках. В то время как англоязычный сегмент подвергается жёсткой модерации, испано- и арабоязычные версии российских СМИ набирают популярность, формируя альтернативную англоцентричной картину мира. В данном случае редакционная политика работает на создание привлекательного образа России и русского миропонимания для зарубежной аудитории.

Блогосфера как альтернативный центр влияния. Главным носителем вызовов русскому языку сегодня считается именно среда блогеров. Здесь нормы часто игнорируются ради сиюминутной реакции аудитории, а сленг и ненормативная лексика становятся инструментом привлечения внимания. Профессиональное сообщество признаёт необходимость взаимодействия с блогерами, чтобы распространить на них хотя бы минимальные этические и языковые стандарты.

Баланс между законом и здравым смыслом. Законодательное регулирование языка хотя и призвано защитить норму, иногда вызывает споры. Принятие поправок к закону о языке сопровождалось корректировками: из окончательной версии убрали пункт о полном запрете латиницы на вывесках, разрешив использование иностранных слов при отсутствии у них русских аналогов. Редакционная политика в данном случае должна быть гибкой, чтобы не превратить борьбу за чистоту языка в борьбу против смысла.

Редакционная политика СМИ в современной России превратилась в полноценный инструмент управления языковыми предпочтениями, тесно интегрированный в общую стратегию национальной безопасности и культурного суверенитета. Отказываясь от неоправданных заимствований, поддерживая строгую литературную норму и развивая контент на языках народов России, медиа формируют ту языковую среду, в которой будут жить и мыслить будущие поколения.

Успех этой политики будет зависеть от способности профессионального сообщества, государства и общества действовать как единый организм, вдохновляясь языком, но не боясь его ответственного и творческого развития.

Одним из механизмов управления языковыми предпочтениями является систематическое использование определённых лексических единиц, терминов и оценочных конструкций. Через отбор языковых средств СМИ формируют доминирующие дискурсивные модели и закрепляют нормативные варианты

употребления. Особую роль играют федеральные медиаресурсы, обладающие широким охватом аудитории.

Таким образом, редакционная политика СМИ в Российской Федерации выполняет не только информационную, но и регулятивную функцию, оказывая влияние на языковую динамику, стандартизацию речевых практик и формирование языковых предпочтений различных социальных групп.

Литература

1. Вартанова Е. Л. Теория СМИ: актуальные вопросы / Е. Л. Вартанова. – М. : МедиаМир, 2022. – 320 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория и практика / Т. Г. Добросклонская. – М. : КДУ, 2021. – 280 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2019. – 264 с.
4. Шмелёва Т. В. Язык современных СМИ / Т. В. Шмелёва. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2020. – 198 с.

УДК 070.1:81'27:323.1

СМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Саминина Л. Е., студентка группы ПМ-25,
Балко М. В., д-р филол. н., доцент,
заведующий кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Одной из ключевых задач современного медиaprостранства в многонациональном государстве выступает обеспечение языковой инклюзивности и сохранение этнокультурного разнообразия. В Российской Федерации, где сосуществуют более 190 народов и свыше 100 языков, СМИ играют решающую роль в формировании полиязыковой среды.

Исследования А. В. Олянич, Т. Г. Добросклонской и других лингвистов выявили специфику функционирования СМИ в условиях языкового многообразия. В работах [1–3] рассмотрены механизмы трансляции этнической

идентичности через медиаконтент, а также проблемы репрезентации миноритарных языков в информационном поле.

Актуальность темы обусловлена такими факторами, как угроза исчезновения языков малых народов, необходимостью гармонизации межэтнических отношений через медиа; ростом цифрового неравенства в доступе к контенту на родных языках.

Целью данного исследования является определить ключевые функции и проблемы СМИ в полиязыковом обществе, а также предложить пути оптимизации медиapolитики в сфере языкового разнообразия.

Основная часть. В современном российском медиapространстве СМИ выполняют множество функций, напрямую влияющие на поддержание полиязыковой среды. Прежде всего, они реализуют формирование общегражданской идентичности при одновременном сохранении этноязыкового многообразия. Через единый информационный поток различные этнические группы получают возможность осознавать себя частью общего социокультурного пространства, не утрачивая при этом языковой самобытности.

Не менее значима сохраняемая функция СМИ. Регулярное вещание и публикация материалов на языках малых народов позволяют поддерживать жизнеспособность этих языков, предотвращая их постепенное вытеснение. Особенно это актуально для языков, не имеющих письменной традиции: аудио- и видеоконтент становится важнейшим инструментом фиксации и трансляции устной речи.

Образовательная функция проявляется в популяризации норм и истории родных языков. СМИ не просто используют тот или иной язык, но и объясняют его особенности, рассказывают о происхождении слов и выражений, демонстрируют правильное произношение. Это особенно важно для молодого поколения, которое зачастую воспринимает родной язык как «домашний», не пригодный для публичного использования.

Наконец, медиативная функция позволяет СМИ выступать посредником в межэтническом диалоге. Корректная языковая политика в медиа снижает риски конфликтов, связанных с непониманием или искажённой интерпретацией культурных кодов. Здесь принципиальное значение имеет выбор лексики, интонации, визуального сопровождения – всё это формирует отношение аудитории к тому или иному языку и его носителям.

Типологически полиязычные СМИ в РФ можно разделить на несколько категорий. Федеральные медиа постепенно внедряют мультилингвальный контент: например, сайт ТАСС предлагает материалы на нескольких языках народов России. Региональные телеканалы и радиостанции чаще всего ведут вещание на двух-трёх языках: так, «Башкортостан 24» сочетает русский, башкирский и татарский, а «Эл ТР» на Алтае использует алтайский и русский. Печатные издания на языках народов РФ сохраняют свою роль, несмотря на общий спад бумажной прессы: газеты вроде «Кыым» (Якутия) или «Адыгэ макъ» (Адыгея) остаются важным каналом коммуникации для локальных сообществ. Особую нишу занимают цифровые платформы – блоги, соцсети и подкасты,

которые, благодаря низкой стоимости входа, активно продвигают миноритарные языки среди молодёжи.

Однако развитие полиязычных СМИ сталкивается с рядом системных проблем. Доминирование русского языка в федеральных медиа (свыше 90 % контента) создаёт дисбаланс, при котором региональные языки воспринимаются как второстепенные [4]. Нехватка квалифицированных кадров усугубляет ситуацию: многие журналисты, работающие с этноязычным контентом, не обладают достаточной лингвистической подготовкой. Ограниченное финансирование делает выпуск материалов на малых языках экономически невыгодным, особенно в условиях конкуренции с русскоязычными аналогами. Цифровой разрыв также играет негативную роль: в сельских регионах, где чаще всего сохраняются родные языки, доступ к интернету остаётся низким, что сужает аудиторию онлайн-медиа. Кроме того, отсутствие единых стандартов языковой политики в редакциях приводит к хаотичности в использовании терминов, орфографии и стилистики, что снижает доверие аудитории.

Тем не менее, в последние годы наметились позитивные сдвиги. Оцифровка фольклора – например, создание аудиоархива «Голоса народов Сибири» – позволяет сохранить устное наследие для будущих поколений. Двухязычные образовательные программы на ТВ, такие как «Уроки родного языка», помогают возрождать интерес к языкам среди школьников. Социальные медиакампании с хештегами #МойРоднойЯзык и #ЯзыкНарода привлекают внимание молодёжи к проблеме сохранения лингвистического разнообразия. Грантовые программы, вроде конкурса «СМИротворчество», дают шанс небольшим редакциям выпускать качественный контент на родных языках.

Для дальнейшего развития полиязычных СМИ необходимы комплексные меры. Во-первых, следует ввести квоты на контент на языках народов РФ в федеральных медиа, чтобы обеспечить их представленность на общероссийском уровне. Во-вторых, важно создать единую цифровую платформу для обмена материалами между региональными СМИ, что снизит издержки и повысит качество контента. В-третьих, требуется подготовка журналистов в вузах с углублённым изучением родных языков – это решит проблему кадрового дефицита. Кроме того, необходимо развивать партнёрство с НКО и языковыми активистами, которые обладают экспертизой в области сохранения языков. Наконец, следует внедрить стандарты инклюзивной языковой политики в редакционных уставах, чтобы унифицировать подходы к использованию терминологии и орфографии.

Таким образом, СМИ выступают важнейшим инструментом сохранения языкового наследия и гармонизации межэтнических отношений в многоязычном обществе. Для эффективной реализации их потенциала необходимо усилить государственную поддержку этноязычных медиа, развивать цифровые технологии для расширения аудитории, формировать профессиональные сообщества журналистов и другие методы.

В перспективе, благодаря использованию машинного обучения и искусственного интеллекта, можно переводить в режиме реального времени весь

медиаконтент на миноритарные языки России как в текстовом, так и в устном формате, что точно поможет избавиться от дисбаланса использования русского языка в федеральных СМИ.

Литература

1. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2004. – 407 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 224 с.
3. Бахтикиреева У. М. Русскоязычие как реалия полиязыкового пространства / У. М. Бахтикиреева // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 24–33.
4. Федеральная служба государственной статистики. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 14.01.2026).

УДК 070:81'246.2:316.75-053.6

РОЛЬ БИЛИНГВАЛЬНОГО КОНТЕНТА В МОЛОДЁЖНЫХ МЕДИА НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК КАК СУБЪЕКТОВ ПОЛИЯЗЫКОВОГО ОБЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Скурихина В. Ю., студентка группы УГПП-25,
Садовская Н. Н., старший преподаватель кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Российская Федерация является уникальным полиязыковым и поликультурным пространством, сформировавшимся в результате длительного сосуществования около двухсот этнических групп. Это сложная система взаимодействий языков и культур, в которой русский язык выполняет интегративную функцию, не подавляя другие языки, а выступая посредником между различными лингвокультурными традициями. Такая языковая экосистема, закреплённая в Конституции и государственных программах, создаёт условия для развития национально-русского двуязычия, которое становится нормой жизни для миллионов граждан, особенно в национальных республиках [2].

Советский лингвист, доктор филологических наук Валентин Александрович Аврорин писал о том, что «двуязычием следует признать примерно одинаково свободное владение двумя языками» [1]. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого. Национальные республики в составе РФ по своей природе являются билингвальными субъектами. Это обусловлено исторически сложившимся этническим составом населения и юридически закреплённым статусом двух государственных языков – языка титульной нации и русского языка. Человек, родившийся в такой республике, с детства впитывает обе языковые системы, что формирует особый тип мышления, способный к культурному переключению кодов. Эта билингвальная среда является естественной почвой, на которой вырастают уникальные медийные практики.

Контентная политика в национальных республиках закономерно строится на принципах билингвизма, что отражает глубокую диалектику идентичности: единство с большой родиной – Россией – и принадлежность к малой родине, своему народу. Медиа здесь выполняют важнейшую функцию репрезентации, а билингвальный контент становится инструментом сохранения культурного суверенитета – он доказывает, что принадлежность к единой российской гражданской нации не требует отказа от этнической самобытности. Напротив, именно через демонстрацию языкового многообразия и культурных традиций народов России формируется подлинный патриотизм, основанный на уважении к своим корням и принятии многоголосия большой страны.

Особую значимость билингвальный контент приобретает в молодёжных медиа, так как именно молодое поколение находится в зоне наибольшего риска утраты языковых и культурных связей. В условиях глобализации и доминирования массовой культуры в интернете молодёжь естественным образом тяготеет к монопольному, преимущественно только к русскоязычному и англоязычному контенту, что может привести к разрыву с родным языком и традициями предков. Билингвальные медиа играют ключевую роль в культурной адаптации молодёжи. Они активно интегрируют языковые нормы в современные цифровые форматы: блоги, подкасты, видеоклипы и мемы. Это позволяет языку оставаться живым и динамичным, отражая актуальные тенденции и реалии времени. Через такой контент молодое поколение заново открывает для себя культуру предков, но уже на понятном ему языке современных медиа. Билингвальный контент для молодёжи становится тем мостиком, который соединяет семейную историю, память о предках и традиции родного края с бурлящей жизнью большого мира [3].

Таким образом, билингвальный контент в молодёжных медиа национальных республик выступает чем-то большим, чем просто средством коммуникации, он является механизмом воспроизводства культурного кода и сохранения этнической идентичности в условиях полиязыкового общества. Формируя у молодёжи чувство укоренённости в родной культуре и одновременно принадлежности к единой России, билингвальные медиа способствуют укреплению гражданского единства через сохранение

культурного многообразия. В конечном счёте, именно такая политика в области молодёжного контента гарантирует, что будущее России останется полифоничным, где каждый народ сохранит свой уникальный голос в общем хоре.

Литература

1. Аврорин В. А. Двухязычие и школа / В. А. Аврорин // Проблемы двухязычия и многоязычия. – Москва : Наука, 1972. – С. 53.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 1. – Ст. 68.
3. Рябцева О. М. Билингвизм в современном мире // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – Тематический выпуск : Проблемы педагогики и методики обучения иностранным языкам. – 2011. – С. 116–123.

УДК 81.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦИФРОВЫХ МЕДИА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Цевкач К. Д., студентка группы ПМ-31а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры прикладной
лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Цифровые технологии кардинально меняют способы передачи информации и коммуникативные практики современного общества. Активное использование социальных сетей, мессенджеров, онлайн-платформ создаёт новую среду взаимодействия, существенно влияющую на развитие естественного языка. Особенность русскоязычного сегмента цифрового пространства состоит в его многообразии и динамичности, что ставит ряд серьёзных вопросов относительно сохранения норм и стандартов родного языка, адаптации традиционных форм речи к новым условиям общения и формирования механизмов поддержки языкового разнообразия.

Русский язык в условиях современных цифровых медиа переживает значительные трансформации, отражающие общие процессы глобализации и

технологической революции. Цифровой мир создаёт уникальную площадку для взаимодействия людей разных стран и континентов, формируя принципиально новый взгляд на функционирование языка и ставя перед ним серьёзные вызовы, равно как и открывая невиданные ранее возможности.

Сегодняшнее состояние русского языка в цифровом пространстве характеризуется рядом тенденций. Прежде всего, очевидна тенденция к быстрому росту числа заимствованных слов и понятий, пришедших преимущественно из английского языка. Социальные сети, мессенджеры и другие сервисы коммуникации порождают собственные термины, аббревиатуры и сокращения, постепенно проникающие в речь активных пользователей интернета и оказывающие влияние даже на академические круги. Таким образом, мы видим, как происходят интенсивные семантические сдвиги и расширение лексического состава языка [1, 3].

Специфика цифровой коммуникации определяется несколькими ключевыми характеристиками. Прежде всего, это сочетание синхронного и асинхронного взаимодействия: в мессенджерах общение происходит практически в режиме реального времени, тогда как в социальных сетях пользователи могут отвечать на сообщения с существенной задержкой. Не менее значима мультимодальность – современный цифровой текст редко ограничивается только словесной составляющей, органично включаясь в комплекс визуальных (изображения, видео, эмодзи), аудиальных (голосовые сообщения, аудиодорожки) и текстовых элементов. Гипертекстуальность, реализуемая через ссылки, хештеги и упоминания, создаёт разветвлённую сеть смыслов, выходящую за рамки линейного повествования. При этом анонимность или псевдонимизация участников нередко провоцирует более свободное отношение к языковым нормам [2, с. 151].

На этом фоне русский язык сталкивается с рядом существенных вызовов. Одним из наиболее заметных феноменов стало упрощение языковой нормы: в цифровой среде повсеместно распространились сокращённые формы, игнорирование пунктуации. Подобные практики, изначально возникшие как средство экономии времени, постепенно становятся привычными и начинают «размывать» орфографические и пунктуационные стандарты.

Серьёзным вызовом выступает активное проникновение заимствований, прежде всего англицизмов, которые стремительно входят в обиход через цифровые каналы. Такие слова, как *лайк*, *апгрейд*, *стартап*, *коворкинг*, *кринж* не просто дополняют лексикон, но нередко вытесняют существующие русские эквиваленты. Особенно интенсивно этот процесс идёт в IT-терминологии, бизнес-лексике и молодёжном сленге, формируя своеобразный «цифровой жаргон», который может создавать барьеры для взаимопонимания между разными социальными группами. Кроме того, важной особенностью цифровой среды стало резкое снижение внимания к правилам орфографии и пунктуации. Автокоррекция и автоматическое исправление слов значительно снизили необходимость самостоятельного соблюдения норм письма, приведя к

деградации чувства правильной буквы и постановки знаков препинания [2, с. 155–156].

Однако наряду с этими негативными явлениями цифровые технологии предоставляют огромные возможности для изучения и продвижения русского языка. Онлайн-образование позволяет получать качественные знания в области лингвистики и культуры практически любому человеку независимо от места проживания. Интернет-ресурсы помогают людям совершенствовать владение русским языком, развивать навыки чтения и понимания текстов разной степени сложности, повышать общую эрудицию и расширить собственный словарный запас.

Именно цифровые площадки стали важным инструментом распространения русской культуры за пределами страны. Различные веб-сайты, группы в соцсетях, видеоконтент позволяют зарубежным пользователям знакомиться с классическими произведениями русской литературы, смотреть фильмы и спектакли на русском языке, учиться говорить и писать грамотно. Всё это формирует положительный имидж русского языка и способствует его дальнейшему укреплению в международном пространстве.

Для гармоничного развития русского языка в цифровой среде необходим комплексный подход, сочетающий научно-методическое сопровождение, образовательную политику, технологические решения и общественное регулирование. В научной сфере важно вести систематический мониторинг языковых изменений, разрабатывать рекомендации для цифровой коммуникации и пополнять корпусные ресурсы современного русского языка. В образовании требуется включать элементы цифровой грамотности в школьные программы, обучать критическому анализу онлайн-контента и популяризировать культуру письменной речи.

С технологической точки зрения перспективно совершенствование систем автокоррекции, создание ИИ-ассистентов для стилистической правки и формирование лингвистических баз данных. На общественном уровне необходимо продвигать этические нормы цифровой коммуникации, поддерживать высококачественный русскоязычный контент и налаживать сотрудничество между интернет-платформами и лингвистами.

Русский язык в цифровых медиа переживает период интенсивной трансформации, где вызовы, связанные с упрощением норм и интерференцией, уравновешиваются новыми возможностями для творческого развития и глобальной экспансии. Ключевая задача заключается в поиске баланса между инновациями и сохранением языковой традиции, использовании потенциала цифровых технологий для обогащения русского языка при одновременном поддержании его целостности и выразительности. В перспективе особое значение приобретают исследования влияния нейросетевых технологий на речевую практику, динамики формирования цифрового жаргона и эффективности методов цифровой лингвистической коррекции.

В настоящее время русский язык находится в процессе глубокой перестройки, вызванной появлением и развитием цифровых медиа. Несмотря на

имеющиеся трудности, открываются уникальные возможности для его дальнейшего процветания и укрепления роли в мировом масштабе. Решив поставленные задачи, российское общество сможет обеспечить преемственность культурно-исторических традиций и сохранить своё богатство – великий и могучий русский язык.

Литература

1. Нагаева К. М. Влияние интернета на русский язык и культуру общения / К. М. Нагаева // Влияние новейших технологий, СМИ и Интернета на образование, язык и культуру: материалы V Всероссийской (с международным участием) научно-практической студенческой конференции, Москва, 30 ноября 2023 года. – Москва: Информационно-технологический центр, 2024. – С. 154–157.
2. Реджепова Д. П. Социальная лексика в современном русском языке / Д. П. Реджепова // Мировая наука. – 2024. – № 11 (92). – С. 150–153.
3. Хоу Ш. Влияние технологий на язык и коммуникации: русский язык в цифровую эпоху / Ш. Хоу // Современный учёный. – 2025. – № 3. – С. 28–33.

УДК 811.161.1

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И СОХРАНЕНИИ ПОЛИЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ДОНБАССА: ТЕОРЕТИКО- ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

*Черников Д. А., студент группы 224-ЮБГП,
Усова О. О., к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,*

Современный Донбасс отличается сложной языковой и культурной структурой, сформировавшейся под влиянием многообразных исторических процессов, миграций и геополитических изменений. В этих условиях средства массовой информации выступают не просто каналами трансляции новостей, но и ключевыми общественными институтами, участвующими в языковом регулировании, формировании идентичностей и поддержании межнационального диалога. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа механизмов адаптации

региональных медиа к реалиям, где русский язык, выполняя функцию универсального средства общения и доминируя в информационном поле, сосуществует с сохраняющимся запросом на освещение языкового и культурного наследия украинского, греческого и других этносов, исторически проживающих на данной территории.

Методология медиалингвистики позволяет всесторонне изучить особенности речевого поведения в условиях этнического многообразия. Как подчёркивает А. А. Гладкова, конфигурация медиасистемы и специфика работы СМИ напрямую обусловлены совокупностью географических, общественно-политических и национально-культурных факторов [1, с. 112].

Исторически Донбасс развивался как индустриальный центр с разнородным этническим составом, что предопределило становление местной прессы в условиях активного межъязыкового взаимодействия. В послевоенные годы параллельное функционирование изданий на русском и украинском языках способствовало формированию устойчивой модели двуязычного информационного пространства. Данный исторический опыт служит фундаментом для анализа современных медиа региона [2, с. 24].

Изучение донецких СМИ сквозь призму их роли в поддержании языкового баланса позволяет выделить четыре ключевые функции прессы в многокомпонентной языковой среде.

Интегративная функция является приоритетной для локальных медиа. Доминирование русского языка в новостях, аналитике и официальных сообщениях обеспечивает общественное единство, доступность информации для всех жителей и способствует вхождению региона в общероссийское информационное поле. Примером служит проект телеканала «ДОН 24» «Содружество Донбасс», направленный на консолидацию информационных ресурсов территорий с общей историей и культурой [3, с. 54].

Культуросохраняющая (просветительская) функция реализуется через тематические рубрики и программы, обращённые к локальной истории и культуре. В региональных СМИ появляются сюжеты о творчестве Владимира Сосюры и других донецких литераторов, писавших на украинском, а также материалы об истории греческих колоний в Приазовье. Часто такие публикации содержат цитаты на языке оригинала и лингвокультурологические комментарии, что способствует сохранению нематериального этнокультурного наследия. Как показывает опыт Якутии (Ч. Н. Гаврильев), государственная поддержка контента на национальных языках позитивно влияет на их витальность и укрепляет межэтническое согласие [3, с. 55].

Моделирующая функция проявляется во влиянии медиа на языковые предпочтения и коммуникативные привычки аудитории. Выбор русскоязычных урбанонимов в оперативных новостях или обращение к их историческим (в том числе украиноязычным) вариантам в ретроспективных материалах формирует у аудитории определённое восприятие языковой нормы. По наблюдению Т. Г. Ивановой, региональная журналистика осваивает роль «смыслового фильтра», снижающего политизированность языковых дискуссий и

переводящего их в культурно-историческое русло. Л. Р. Дускаева и соавторы дополняют, что для массмедиа принципиально важна трансляция социально-оценочной позиции, что особенно значимо в полиэтнической среде [2, с. 28].

Образовательная функция реализуется через просветительские проекты, нацеленные на повышение языковой культуры населения. Местные СМИ становятся платформой для распространения знаний о языковой истории, культуре речи и этикетных нормах народов Донбасса, создавая предпосылки для толерантной коммуникативной среды и профилактики этноязыковых конфликтов [4, с. 163].

Основным препятствием для редакций остаётся дефицит универсальных специалистов, сочетающих лингвистическую подготовку с глубоким знанием этнографии и региональной истории. И. В. Чепарухина справедливо отмечает невозможность полной автоматизации работы двуязычных медиа из-за критической важности учёта культурной и языковой специфики. Серьёзной технологической проблемой остаётся адаптация разнородного контента к требованиям поисковых систем и алгоритмам социальных сетей.

Медийная система Донбасса находится в стадии активного поиска оптимальной модели функционирования в полиязычной среде. Наибольшие успехи достигнуты в реализации интегративной функции, в то время как потенциал культуросохраняющей деятельности раскрыт не полностью. Дальнейшее развитие видится в создании специализированных интернет-ресурсов на языках народов Донбасса, внедрении цифровых технологий, целенаправленной подготовке кадров в сфере межкультурной коммуникации и разработке региональных программ поддержки этнических медиа. Реализация этих мер позволит превратить языковое разнообразие из пассивного фона в действенный ресурс регионального развития и укрепления межнационального согласия.

Литература

1. Гладкова А. А. Функционирование этнических СМИ в структуре медиасистемы полиэтнического региона России : дис. ... д-ра филол. Наук / А. А. Гладкова. – М. : МГУ, 2025. – 312 с.
2. Дускаева Л. Р. Грамматика речевых действий в медиалингвистике / Л. Р. Дускаева, В. И. Коньков, Т. Ю. Редькина. – М. : ФЛИНТА, 2019. – 152 с.
3. Гаврильев Ч. Н. Государственные СМИ Республики Саха (Якутия) как инструмент эффективной языковой политики / Ч. Н. Гаврильев // Социалингвистика. – 2025. – № 1 (21). – С. 51–73.
4. Залевская А. А. Введение в теорию учебного двуязычия / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2016. – 269 с.

УДК 37.013:81'243:81'27

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Багликов А. С., студент группы 233-ЮБУП,
Герасименко Е. Е., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ДГУЮ Минюста России*

Современное общество характеризуется активными процессами глобализации и расширением межкультурных контактов. В этих условиях возрастает значимость формирования личности, способной к эффективному взаимодействию в поликультурной среде.

Понятие языковой личности было детально разработано в трудах Караулова Юрия Николаевича, который определял её как совокупность способностей человека к созданию и восприятию текстов различной сложности [1, с. 174]. Данная концепция получила развитие в работах отечественных лингвистов и психолингвистов, в частности Леонтьева Алексея Алексеевича, рассматривавшего речевую деятельность как форму социального взаимодействия [7, с. 201–203].

В контексте поликультурного общества языковая личность должна обладать не только языковой компетентностью, но и межкультурной чувствительностью, что требует особого внимания к организации образовательного процесса.

Цель данной статьи – исследовать влияние обучения письменной речи на формирование поликультурной языковой личности обучающихся.

Развитие теории диалогичности культуры связано с именем Бахтина Михаила Михайловича, который подчёркивал природу текста как формы диалога культур [2, с. 306–307]. С позиций данного подхода письменная речь рассматривается не просто как средство передачи информации, а как пространство взаимодействия различных культурных смыслов.

В методике преподавания языков значительный вклад в осмысление социокультурного аспекта обучения внесли Верещагин Евгений Михайлович и Костомаров Виталий Григорьевич, обосновавшие необходимость включения культурного компонента в языковое образование [3, с. 174].

Социокультурный подход к обучению иностранным языкам получил дальнейшее развитие в трудах Сафоновой Валентины Викторовны, которая рассматривала межкультурную коммуникацию как важнейшую цель современного образования [4, с. 126].

Таким образом, формирование поликультурной языковой личности предполагает интеграцию языковых знаний и культурных ценностей.

Письменная речь как вид речевой деятельности обладает высокой степенью осознанности и рефлексивности. Согласно теории речевой деятельности Леонтьева Алексея Алексеевича, речевая активность человека обусловлена социальными мотивами и направлена на взаимодействие с адресатом [7, с. 177–179].

Обучение письменной речи в рамках коммуникативного подхода, разработанного, в частности, Е. И. Пассовым [8, с. 132], предполагает создание ситуаций реального общения, включая межкультурные контексты.

Кроме того, развитие ключевых компетенций обучающихся, включая коммуникативную и социокультурную, рассматривается в трудах Хуторского Андрея Викторовича [5, с. 32–33].

При написании эссе, аналитических текстов и проектов студенты учатся:

- 1) учитывать культурные особенности адресата;
- 2) корректно использовать культурно маркированную лексику;
- 3) аргументировать собственную позицию;
- 4) избегать этноцентризма.

Методика обучения письменной речи разрабатывалась в трудах Бим Инессы Львовны, которая подчеркивала необходимость системной работы над формированием речевых умений [6, с. 145].

Эффективными формами работы являются:

- 1) написание сравнительных эссе о культурных традициях;
- 2) анализ аутентичных текстов;
- 3) ведение рефлексивных дневников;
- 4) проектная деятельность межкультурной направленности.

Подобные формы письменной работы способствуют развитию толерантности, эмпатии и способности к межкультурному диалогу.

Таким образом, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что письменная речевая деятельность является важным инструментом формирования поликультурной языковой личности. Теоретические положения, разработанные в трудах Ю. Н. Караулова [1], М. М. Бахтина [2], Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [3], В. В. Сафоновой [4] и других исследователей, подтверждают необходимость интеграции языкового и культурного компонентов в образовательном процессе.

Следовательно, систематическая работа по развитию письменной речи способствует формированию личности, способной к конструктивному диалогу в поликультурном обществе.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

3. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам / В. В. Сафонова. – М. : Высшая школа, 1996. – 189 с.
5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.
6. Бим И. Л. Теория и практика обучения иностранным языкам в средней школе / И. Л. Бим. – М. : Просвещение, 1988. – 255 с.
7. Леонтьев А. А. Психолингвистика / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 287 с.
8. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.

УДК: 37.01:37.013:81

ВЫЗОВЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*Верходай А. А., студентка группы 233-ЮБУП,
Герасименко Е. Е., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ДГУЮ Минюста России*

Современный этап развития общества характеризуется усилением процессов глобализации, интеграции культур и расширением международного сотрудничества. В этих условиях возрастает значение гуманитарного образования, которое играет ключевую роль в формировании личности, её мировоззрения, ценностных ориентиров и способности к межкультурному взаимодействию. Особую актуальность гуманитарное образование приобретает в условиях полиязыкового общества, где владение несколькими языками становится не только необходимым инструментом общения, но и важным фактором профессиональной и социальной реализации личности. Полиязычие способствует расширению культурного кругозора, развитию коммуникативных навыков и формированию способности взаимодействовать с представителями различных культур и социальных групп [1, с. 233–234].

В условиях полиязыкового общества гуманитарное образование сталкивается с рядом серьёзных вызовов. Одним из важнейших является глобализация, которая приводит к активному взаимодействию различных языков и культур, формируя новое образовательное пространство. Это требует от образовательной системы подготовки специалистов, способных эффективно функционировать в многоязычной и поликультурной среде. Полиязычное образование способствует развитию межкультурной компетентности, толерантности и способности к диалогу культур, что является важным условием

успешной социальной адаптации личности [1, с. 235–236]. Владение несколькими языками становится важным конкурентным преимуществом на современном рынке труда, поскольку позволяет специалистам участвовать в международном сотрудничестве, получать доступ к научной информации и профессиональным ресурсам на различных языках [3, с. 129–130].

Ещё одним вызовом является модернизация содержания гуманитарного образования. Быстрое развитие технологий требует новых методов обучения, формирующих критическое мышление, аналитические способности и коммуникативные навыки [4, с. 198–200].

Также актуальна подготовка педагогов для работы в полиязычной среде. Недостаточная квалификация преподавателей снижает эффективность обучения и мешает формированию полиязыковой личности. Кроме того, важной проблемой является подготовка педагогических кадров для работы в условиях полиязычного образования. Реализация полиязычного обучения требует от преподавателей высокого уровня языковой компетентности, владения современными образовательными технологиями и способности учитывать культурные особенности обучающихся. Недостаточный уровень подготовки преподавателей может снижать эффективность образовательного процесса и затруднять формирование полиязыковой личности.

В условиях полиязыкового общества гуманитарное образование претерпевает значительные трансформации. Одной из важнейших трансформаций является переход от традиционной модели обучения, основанной преимущественно на передаче знаний, к компетентностному подходу, направленному на развитие ключевых компетенций обучающихся. Особое значение приобретает формирование коммуникативной компетентности, которая включает способность эффективно использовать языки в различных ситуациях общения. Изучение нескольких языков способствует развитию когнитивных способностей, включая память, внимание и аналитическое мышление, а также формирует способность к межкультурному взаимодействию [2, с. 95–96].

Важной трансформацией является внедрение цифровых технологий в образовательный процесс. Использование электронных образовательных ресурсов, онлайн-платформ и дистанционных форм обучения способствует расширению доступа к образованию и повышению его качества. Цифровые технологии позволяют использовать интерактивные методы обучения, развивать самостоятельность обучающихся и формировать навыки работы с информацией. В условиях цифровизации гуманитарное образование приобретает новые формы и методы, что способствует повышению эффективности образовательного процесса. Особое значение имеет межкультурный аспект гуманитарного образования. Современное образование направлено на формирование личности, способной к межкультурному взаимодействию и пониманию культурных различий. Диалог культур является важным элементом полиязычного образования, поскольку способствует развитию толерантности, взаимопонимания и уважения к культурным традициям различных народов [6,

с. 3–4]. Гуманитарное образование способствует формированию культурной идентичности личности и развитию её способности к взаимодействию с представителями различных культур.

Формирование полиязыковой личности является одной из важнейших задач современного гуманитарного образования. Полиязыковая личность характеризуется способностью использовать несколько языков в различных сферах деятельности, понимать культурные особенности различных народов и эффективно взаимодействовать в многоязычной среде. Полиязычное образование способствует развитию интеллектуальных и коммуникативных способностей личности, расширяет её кругозор и способствует формированию способности к анализу информации [7, с. 113–115]. Владение несколькими языками позволяет личности участвовать в международной коммуникации, получать доступ к различным источникам информации и расширять профессиональные возможности. Гуманитарное образование также способствует формированию критического мышления, которое является важным условием успешной социальной адаптации личности. Критическое мышление позволяет анализировать информацию, оценивать различные точки зрения и принимать обоснованные решения. В условиях современного общества способность к критическому мышлению является важным фактором профессионального успеха и социальной активности личности. Перспективы развития гуманитарного образования в полиязыковом обществе связаны с модернизацией образовательной системы и внедрением инновационных технологий. Особое значение имеет развитие полиязычного образования, которое способствует формированию коммуникативных навыков и межкультурной компетентности личности, необходимой для успешной деятельности в условиях глобализации.

Важным направлением также является межкультурное образование, направленное на формирование толерантности, уважения к культурному разнообразию и способности эффективно взаимодействовать в поликультурной среде. Кроме того, развитие международного сотрудничества в сфере образования способствует обмену знаниями, повышению качества подготовки специалистов и формированию их готовности к профессиональной деятельности в международной среде.

Можно сделать вывод, что гуманитарное образование в полиязыковом обществе формирует личность с развитыми коммуникативными и интеллектуальными способностями и готовит специалистов для глобальной среды. Основные вызовы – глобализация, цифровизация и модернизация образования. Трансформации направлены на компетентностный подход, развитие полиязычного образования и внедрение технологий, что обеспечивает подготовку личности для многоязычного и поликультурного общества [1–7].

Литература

1. Закирьянов К. З. Изучение языков в системе гуманитарного образования школьников / К. З. Закирьянов // Материалы научно-практической конференции. – Уфа, 2022. – С. 95–99.
2. Кузнецова И. Н. Гуманитаризация образования в условиях современного общества / И. Н. Кузнецова // Вестник университета. – 2024. – № 3. – С. 198–205.
3. Самбаев Н. К. Актуальность полиязычного образования в Казахстане / Н. К. Самбаев, А. Б. Берстенова // Материалы международной научно-практической конференции. – 2024. – С. 233–236.
4. Савон Е. А. Использование полиязычного словаря как способ формирования поликультурной личности / Е. А. Савон // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 6. – С. 129–132.
5. Сахова Е. М. Роль диалога культур в обучении иностранным языкам / Е. М. Сахова, Т. Т. Аяпова // Вестник педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 3–7.
6. Формирование полиязыковой личности в системе образования // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 6. – С. 113–118.
7. Хасанова Г. Б. Полиязычное образование: теория и практика / Г. Б. Хасанова. – Алматы : Казак университеті, 2010. – 256 с.

УДК 311:37(477.62)

ГРАМОТНОСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДОНБАССЕ: ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Данин Г. В., студент группы МНС-25,
Янакаева С. Ш., ассистент кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Одним из ключевых социокультурных факторов, влияющих на развитие общества на протяжении всей истории человечества, продолжает оставаться грамотность – уровень умения человека в чтении и письме на родном языке согласно установленным нормам грамматики и правописания. Ко всему прочему, на сегодняшний день грамотность также отражает способность критически оценивать получаемую информацию, демонстрируя необходимость личности рациональным путём определять своё место в обществе и мире.

В частности, грамотность служит ярким показателем степени социальной активности и вовлечённости населения Донбасса в процессы общественно-политического развития региона. Так, в период масштабных реформ второй половины XIX в., когда в соответствии с «Положением о начальных народных учебных училищах» от 14.07.1864 г. образование становилось общедоступным для всех сословий Российского общества [1, с. 479], Донбасс превратился в крупный промышленный центр благодаря притоку образованных кадров в сферы экономики, транспорта и горнодобывающей отрасли.

Судить о степени грамотности населения дореволюционного Донбасса представляется возможным благодаря Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Важно сразу отметить, что в XIX – начале XX вв. Донбасс включал в себя следующие территории: Бахмутский, Мариупольский и Славяносербский уезды Екатеринославской и Старобельский, Изюмский уезды Харьковской губерний, а также Миусский (с 1888 г. – Таганрогский) округ Области Войска Донского.

Согласно материалам переписи, население Екатеринославской губернии составляло 2 113 674 лиц обоего пола; из них мужчин насчитывалось 1 091 715 лиц, тогда как женщин – 1 021 959 человек. По Бахмутскому, Мариупольскому и Славяносербскому уездам Екатеринославской губернии население было распределено соответственно следующим образом: 332 478 (мужчин – 178 314 и женщин – 154 164); 254 056 (131 295 и 122 761) и 174 753 (92 034 и 82 719) человек. Общее же количество грамотных жителей по уездам было таковым: в Бахмутском – 74 031 (57 478 мужчин и 16 553 женщин), Мариупольском – 71 273 (52 064 и 19 209), Славяносербском – 31 344 (24 531 и 68 13) [2, с. 12–13].

Интересно отметить, что лишь 454 284 человек, т.е. 21,49 % всего населения губернии, были грамотными. Причём, грамотность мужчин (31,52 %) в три раза превышала грамотность женщин (10,77 %).

В свою очередь, в процентном выражении уровень грамотности заметно различался по отношению к городской и сельской местности. К примеру, в уездах, без учёта городов, картина распространения грамотности имела такой вид: Мариупольский – 26,2%, Бахмутский – 21,36% и Славяносербский – 15,06%. Между тем, показатели грамотности городского населения составляли: Мариуполь – 48,65%, Луганск – 47,93%, Бахмут – 44,54%, Славяносербск – 23,88% [2, с. 14].

Как бы то ни было, схожая ситуация наблюдалась в Изюмском и Старобельском уездах Харьковской области, а также Таганрогском округе Области Войска Донского. Так, из 412 995 жителей (215 695 мужчин и 197 300 женщин), населявших Таганрогский округ, число обладающих базовыми навыками грамотности было всего на всего 86 087 чел. (65 016 и 2 107), что в процентном соотношении составляло 20,8 % [3, с. 42].

В переписи по Таганрогскому округу также приводятся данные об уровне грамотности населения, исходя из сословной и половой принадлежности с учётом полученного уровня образования и местности проживания. В среднем из числа 1 000 грамотных по сословным группам среди дворянства общее высшее образование имели 741 мужчина и 646 женщин; лиц духовного сана – 39 и 25; городского – 135 и 228; жители сельской окрестности – 47 и 61 представителей мужского и женского пола соответственно. По итогу, суммарное количество грамотных по сословиям имело следующий вид: дворянство – 79,9% мужчин и 67,2% женщин; духовенство – 77,7% и 69,2%; городское сословие – 48,8% и 25,9%; сельские жители – 32,5% и 6,7% [3, с. 9-10].

Вместе с тем, численность проживающего в Изюмском уезде населения была представлена 280 474 чел. (139 849 и 140 625 соответственно лиц мужского и женского пола), тогда как обученных грамоте людей насчитывалось порядка 39 232 чел. (30 759 и 8 500), что в процентном соотношении составляет 14%. Подобная картина наблюдалась и Старобельском уезде, где из 359 285 чел. (179 410 и 179 875) лишь 39 259 чел. (33 216 и 6 016), т.е. 10,2%, были грамотными [4, с. 54].

Итак, по состоянию на 1897 г. на территории дореволюционного Донбасса грамотность среди его населения распространялась крайне неравномерно. В первую очередь, высокие показатели наблюдались в уездах Екатеринославской губернии, особенно в Мариупольском, тогда как самый низкий уровень грамотности был зафиксирован в Изюмском уезде Харьковской губернии. Вдобавок, статистические данные свидетельствуют также о складывании картины, согласно которой грамотная мужская половина населения региона во многом превышала число женщин, что в целом отражало и общероссийскую тенденцию вплоть до 1917 г. При этом, материалы переписи констатируют явном достаточное активное развитие грамотности в городской местности, в отличие от сельской, так как именно города являлись центрами промышленного развития Донбасса. Подобное подтверждается и данными о сословной дифференциации грамотных жителей городов, в числе которого преобладало провинциальное дворянство, купечество и слои интеллигенции.

Таким образом, на основании историко-статистического анализа материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. представляется возможным проследить тенденции в экономической и культурной модернизации дореволюционного Донбасса, поскольку уровень грамотности населения свидетельствует об активной заинтересованности и осознанной вовлечённости социальных масс в процессы общественного развития региона.

Литература

1. Днепров Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX века: в 2 т. Т.1. Политическая история российского образования / Э. Д. Днепров. – Москва : Мариос, 2011. – 648 с.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. – Т. 13: Екатеринославская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб : Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 254 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. – Т. 12: Область Войска Донского / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб : Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 255 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. – Т. 46: Харьковская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб : Изд.

УДК 339.138

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕНЦИЯ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

*Иванченко Я. В., студент группы ТП-25-МА,
Московская Т. В., старший преподаватель кафедры
философии и русской филологии
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»*

Трансформации, происходящие в современном социуме, несут возможность позитивной социализации и учебной успешности каждого участника процесса образования. Новое педагогическое мышление, основанное на чётких теоретических выкладках, является одним из важнейших условий повышения качества образования.

Приоритетом государственной политики в Донецкой Народной Республике является обеспечение высококачественного образования, основанного на фундаментальных знаниях. Об образовательной интенции впервые заговорил кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и русской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» В. Я. Иванченко, который отметил стремительное смещение научной парадигмы к междисциплинарному измерению (системный и структурный подход отодвигается на второй план). Развивая и расширяя традиционные параметры, сегодня целесообразно целенаправленно реализовывать стратегию интенции в образовании, учитывая, что, являясь самостоятельной системой, образование носит характер целостности, внутренней взаимосвязанности, организованности, открытости и динамичности.

Образование даёт личности нравственное, духовное, физическое развитие, а также определённые знания, умения, навыки (компетенции). Но, в то же время, образование – результат образовательного процесса. Таким образом, можно выделить аспекты образования как системы образовательных структур; как процесса; как результата; как воздействия на личность (формирование); как развитие личности (формирование её субъективных возможностей); как воспитание; как обучение. Образование включает в себя и социальное явление, и социальную ценность для каждого, и особую функцию общества и государства по отношению к своим гражданам, и процесс, и результат социализации членов общества, и результат образовательной деятельности.

В переводе с латинского *intentio* означает ‘намерение, стремление’. Википедия предлагает следующее определение понятия: «Интенция –

направленность мыслительной деятельности человека на решение какой-либо задачи, на познание какого-либо объекта».

Понятие *интенция* возникло в схоластике средних веков для обозначения намерения, цели и направленности сознания, мышления на какой-либо предмет. Так, ещё Аврелий Августин Блаженный (354–430), размышляя о значении «*intentio*», отмечает направленность души к цели [2, с. 23].

Явления интенциональности рассматривали британский профессор философии Джон Лэнгшо Остин, английский философ-аналитик Герберт Пол Грайс, американский профессор философии Джон Роджерс Сёрл и другие.

Понятие коммуникативного намерения (интенции) было введено в науку последователями британского философа, профессора Оксфордского университета Джона Остина, который, изучая речь, считал, что любой её акт непосредственно связан с побуждением, каждая фраза – это явный или скрытый призыв, желание или приказ о совершении того или иного действия [5, с. 102].

Джон Сёрл развивает теорию Дж. Остина, представляя нашу речь как определённую координацию речепорождения и целеполагания в процессе говорения. Профессор дополняет факторы, влияющие на развитие интенции говорящего и идентификацию её слушающим. Дж. Сёрл отметил, что, распознавая интенцию, реализованную в речевом акте, участники процесса общения ориентируются на уже имеющиеся у них сведения. По Дж. Сёрлу, интенциональность – это направленность, прямо не связанная с намерением в общепотребительном языке. Структура интенциональных состояний обычно аналогична структуре речи [2, с. 41].

Все описанные исследования интенции касаются речевого намерения. В. Я. Иванченко рассматривает интенцию как целенаправленное намерение получения образования. По мнению учёного, для успешного осуществления сознательного воздействия на обучающегося и достижения положительного результата обучения необходима целеполагающая интенция – целенаправленный процесс, педагогически обоснованного, последовательного взаимодействия субъектов образования, решающий задачи обучения, развития и воспитания личности в целом [4, с. 133–138].

Интенция – сознательное или бессознательное коммуникативное намерение – появляется, как правило, в виде замысла, буквально: «то, что ведёт меня изнутри туда, куда я хочу» [3, с. 28].

Образовательная интенция – намерение осуществить определённую образовательную стратегию: от замысла до его реализации. Каждый участник образовательного процесса имеет свою определённую установку. Способы осуществления образовательной интенции выбирает получающий образовательные услуги некоммерческой образовательной организации. Достичь своей цели обучающийся может только в случае совпадения его интенции с интенцией преподавателя [4, с. 133–138].

Образовательная интенция имеет сложную структуру, включающую ряд функций (нравственную, духовную, экспрессивную, оценочную, регулятивную, конативную, межличностную и др.), а также определённые знания, умения,

навыки (компетенции). Образовательная информация, отправляемая обучающемуся, является интенциональным состоянием сознания преподавателя и будет эффективной при условии, что обучающийся раскодирует его посыл, т.е. поймёт значение слов преподавателя.

Принимая во внимание, что образование – результат образовательного процесса, можно выделить аспекты образовательной интенции как системы воздействия на личность (формирование), развитие личности (формирование её субъективных возможностей), воспитание (в том числе и социальное) и обучение. Первоначально образовательная интенция формируется умом, для которого окружающая реальность – объект жизни. Впоследствии изучения и сравнения первых интенций возникают новые намерения. Следовательно, объект образовательной интенции находится в сознании участников образовательного процесса и является логическим законом, формирующим образовательную цель. Когнитивные процессы (мышление, восприятие, запоминание, внимание и пр.) характеризуют ментальную деятельность человека, следовательно, влияют на образовательную интенцию.

На образовательную интенцию обучающегося влияет, прежде всего, высококвалифицированный педагогический состав, а также качество подготовки выпускников, их мотивация к обучению, эффективность общей деятельности образовательной организации, её инфраструктура, соответствующая стандартам образования и пр.

Учитывая, что ключевое понятие *образование* подразумевает и результат (образованность), и образовательный процесс, в конечном итоге понятие *образовательная интенция* относится как к результату, так и к процессу.

Следовательно, образовательная интенция – целеустремлённое намерение обучения, имеющееся в настоящем и нацеленное на будущее, основанное на сознательной форме проявления познавательной потребности личности.

Качество образования должно объединять все этапы становления личности, условия и результаты учебно-воспитательного процесса.

Литература

1. Алпатов В. М. Отечественные лингвисты XX века: коллективная монография / справочник / В. М. Алпатов, В. В. Потапов, Н. Н. Трошина; отв. ред. В. В. Потапов. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 808 с.
2. Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 13–57.
3. Иванова Н. К. Интенциональный аспект рекламного дискурса. Фонетико-орфографические особенности / Н. К. Иванова, С. В. Мощева. – М.: РИОР, Инфра-М, 2011. – 184 с.
4. Иванченко В. Я. Образовательная интенция в деятельности образовательных организаций: новое в теории / В. Я. Иванченко //

Торговля и рынок : научный журнал. – Выпуск № 4' (52), том 2. – Донецк : ГО ВПО «ДонНУЭТ им. Михаила Туган-Барановского», 2019. – С. 133–138.

5. Остин Джон. Избранное / перевод с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.

УДК: 811.111+340

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

*Клавдеева А. В., студентка группы 224 ЮБГП,
Гудиленко А. А., преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Актуальность исследования определяется процессами глобализации правового поля, интернационализацией экономики и расширением межгосударственного взаимодействия [4, с. 213]. В этом контексте английский язык претерпел существенную трансформацию в системе юридического образования: из рядовой учебной дисциплины он превратился в ключевой инструмент профессионализации, непосредственно влияющий на качество академической подготовки, формирование специальных компетенций и будущую карьерную траекторию студента-юриста. Его роль эволюционирует от «общего иностранного языка» к специализированному профессиональному коду – «языку для специальных целей», а именно «юридическому английскому» [3, с. 368]; [4, с. 214–220]. Данные тезисы систематизируют и анализируют многогранное влияние владения английским языком на процесс становления современного конкурентоспособного юриста, рассматривая язык как интегральный компонент его профессионального становления.

В аспекте академической профессионализации английский язык выступает, прежде всего, как средство доступа к мировой правовой мысли и исследовательской методологии. Он выполняет функцию лингва франка в юридической науке, и преодоление языкового барьера предоставляет студенту возможность работать с аутентичными первоисточниками. К ним относятся судебные прецеденты англо-американской правовой системы, тексты статутов, решения международных судов, а также передовые монографии и статьи в ведущих рецензируемых журналах. Такой прямой доступ формирует у будущего юриста критически важный навык работы с первоинформацией, развивает способность к сравнительно-правовому анализу и глубокому пониманию различных правовых традиций [1, с. 344].

Кроме того, погружение в англоязычный академический дискурс способствует освоению международных стандартов юридического письма,

структуры аргументации и правил цитирования. Это напрямую влияет на качество выполняемых студентом исследовательских работ – от курсовых проектов до дипломных исследований, а в долгосрочной перспективе закладывает основу для возможных публикаций в международных изданиях, что является признаком высокого уровня академической культуры. Наконец, английский язык служит пропуском в глобальное академическое сообщество, обеспечивая возможность участия в программах академической мобильности, летних школах и массовых открытых онлайн-курсах от ведущих мировых университетов. Такое участие не только углубляет предметные знания, но и способствует развитию надпрофессиональных навыков, связанных с межкультурной коммуникацией и адаптацией в международной среде [2, с. 119].

Профессионально-ориентированная составляющая профессионализации через английский язык заключается в формировании ядра специальных практических компетенций. В первую очередь, это освоение уникального профессионального языкового кода – Legal English. Данный код включает сложный пласт терминологии латинского и французского происхождения, множество устойчивых словосочетаний и архаизмов, характерных для юридических документов, а также требует безупречной точности в выборе синонимов, где тонкий семантический оттенок может менять смысл правовой позиции [3, с. 386]. Без овладения этим кодом невозможно полноценное вхождение в профессию на международном уровне.

Английский язык становится инструментом для формирования конкретных навыков юридического документооборота. Студент учится не просто переводить, а грамотно составлять, анализировать и интерпретировать типовые документы: контракты, меморандумы, исковые заявления и заключения. Этот практический навык является одним из самых востребованных на рынке труда. Особое место занимает развитие навыков профессиональной устной коммуникации, которое часто происходит через участие в имитационных форматах. Международные студенческие конкурсы по моделированию судебных процессов представляют собой высшую форму применения Legal English, где отрабатываются искусство устного выступления, убедительная аргументация, импровизация в ответах на вопросы судей. Ролевые игры, моделирующие переговоры или консультации с клиентом, развивают спонтанную профессиональную речь, убедительность и клиентоориентированность. Осознанная профессионализация также включает подготовку к международной сертификации, такой как TOLES, успешная сдача которой служит объективным и признанным во всем мире подтверждением уровня владения профессиональным языком [6].

В цифровую эпоху английский язык служит основным инструментом для профессионального развития в онлайн-среде. Он обеспечивает доступ к ведущим мировым базам данных (например, Westlaw, LexisNexis), без которых немислима современная юридическая практика, и открывает возможности для самообразования через англоязычные профессиональные блоги, онлайн-курсы и

аналитические ресурсы. Это позволяет юристу отслеживать глобальные тренды и поддерживать принцип непрерывного обучения.

Карьерная траектория и конкурентоспособность юриста напрямую определяются знанием юридического английского. Это, во-первых, обязательное условие для работы на международном рынке: в транснациональных фирмах, иностранных корпорациях и международных организациях. Во-вторых, даже в национальной практике этот навык критически важен для взаимодействия с иностранными контрагентами, ведения трансграничных сделок и работы в компаниях с иностранным участием. Наконец, язык формирует идентичность «глобального юриста» [2, с. 138–139], обеспечивая включённость в мировое профессиональное сообщество, расширение сетей контактов и возможность оказывать комплексные услуги в международном контексте.

Таким образом, английский язык в современном юридическом образовании выполняет функцию системного и многомерного инструмента профессионализации, глубоко интегрированного во все этапы подготовки будущего специалиста. Он эволюционировал от статуса пассивного «знания» к статусу активного, практико-ориентированного «навыка», необходимого для академических достижений, формирования специальных компетенций, непрерывного самообразования и построения успешной карьеры в условиях глобализирующегося правового поля. Следовательно, инвестиции в обучение юридическому английскому – это стратегические вложения в профессиональный капитал и будущую конкурентоспособность юриста.

Литература

1. Bhatia V. K. *Legal Discourse across Cultures and Systems* / V. K. Bhatia, C. N. Candlin eds. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2008. – 344 p.
2. Campion M. E. The «Global Lawyer»: Language, Legal Education, and Professional Practice / M. E. Campion // *International Journal of the Legal Profession*. – 2016. – Vol. 23, № 2. – P. 119–139.
3. Krois-Lindner A. *TransLegal. International Legal English: A Course for Classroom or Self-Study Use 3rd ed.* / A. Krois-Lindner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 368 p.
4. Northcott J. *Legal English // The Handbook of English for Specific Purposes* / J. Northcott, B. Paltridge, S. Starfield. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2013. – P. 213–232.
5. Ruan L. The Importance of English in Legal Education and Practice from the Perspective of Chinese Law Students / L. Ruan // *International Journal of Law, Language & Discourse*. – 2019. – Vol. 7, № 1. – P. 1–20.
6. TOLES : Test of Legal English Skills : офиц. сайт. – URL : <https://www.toleslegal.com/> (дата обращения: 09.02.2026).
7. Материалы международных конкурсов по международному праву им. Ф. Джессапа и В. Виса : офиц. сайты. – URL :

УДК 81'272:37.013

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОДЕРЖАНИЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИЯЗЫЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

*Лийченко Д. В., студентка группы 233-ЮБ УП,
Герасименко Е. Е., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи
ДГУЮ Минюста России*

В условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов большинство современных государств функционируют как полиязычные общества. Язык в такой ситуации становится не только средством коммуникации, но и инструментом культурной и образовательной политики. Как отмечает Л. Б. Никольский, языковая политика представляет собой совокупность мер, направленных на регулирование языковых отношений в обществе [1, с. 45].

Гуманитарное образование, будучи тесно связанным с языком как носителем культурных смыслов, особенно чувствительно к изменениям в языковой политике. От выбора языка обучения зависит интерпретация исторических событий, литературных текстов и философских концептов.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом языковая политика влияет на содержание гуманитарного образования в полиязычном обществе.

Языковая политика тесно связана с вопросами статуса языка, его престижности и сфер функционирования. По мнению В. А. Аврорина, государственное регулирование языковых процессов отражает социальные приоритеты и идеологические установки общества [2, с. 112].

В полиязычном обществе обычно выделяются:

- 1) государственный (или официальный) язык;
- 2) языки национальных меньшинств;
- 3) иностранные языки, обладающие высоким международным статусом.

Такое распределение влияет на структуру образовательных программ. Например, при доминировании одного языка происходит постепенное вытеснение других языков из академической сферы, что ведёт к сокращению гуманитарных курсов на этих языках.

Гуманитарные дисциплины (история, литература, философия, культурология) формируют мировоззрение обучающихся. Язык обучения определяет не только форму подачи материала, но и сам отбор содержания.

Как подчёркивает Э. Хауген, язык выполняет функцию символа национальной идентичности и культурной памяти [3, с. 67]. Следовательно,

переход на иной язык обучения может повлечь изменение акцентов в интерпретации культурного наследия.

В условиях полиязычия наблюдаются следующие тенденции:

1. Стандартизация содержания – унификация учебных программ в пользу языка с более высоким международным статусом.
2. Сокращение локального компонента – уменьшение внимания к национальной литературе и истории.
3. Терминологическая вариативность – расхождения в трактовке гуманитарных понятий при переводе.

Например, гуманитарные концепты при переводе могут терять часть семантических оттенков, что приводит к упрощению содержания курса.

Одним из ключевых последствий языковой политики является языковое неравенство. Студенты, обучающиеся на неродном языке, сталкиваются с дополнительной когнитивной нагрузкой.

Согласно исследованиям У. Лабова, социальный статус языка напрямую связан с образовательными возможностями его носителей [4, с. 98]. Если язык меньшинства не представлен в системе гуманитарного образования, это ведёт к снижению академической успеваемости и ограничению культурной репрезентации.

Таким образом, языковая политика может либо способствовать интеграции различных культурных групп, либо усиливать социальную дифференциацию.

Для гармоничного развития гуманитарного образования необходима сбалансированная языковая политика, предполагающая:

- 1) поддержку языков меньшинств в академической сфере;
- 2) развитие программ билингвального и трилингвального обучения;
- 3) создание качественных переводов гуманитарных текстов;
- 4) формирование академической грамотности на нескольких языках.

Полиязычие может рассматриваться не как проблема, а как ресурс культурного обогащения. В этом контексте гуманитарное образование приобретает особую миссию – формирование межкультурной компетентности и уважения к языковому разнообразию.

Таким образом, языковая политика оказывает непосредственное влияние на содержание гуманитарного образования в полиязычном обществе. Она определяет язык преподавания, структуру учебных программ и степень репрезентации национального культурного наследия. Несбалансированная языковая политика может привести к языковому неравенству и утрате культурной самобытности.

На наш взгляд, важно развивать модели образования, учитывающие ценность каждого языка как носителя уникального культурного опыта.

Литература

1. Никольский Л. Б. Языковая политика в современном обществе / Л. Б. Никольский. – М. : Наука, 1976. – 256 с.
2. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л. : Наука, 1975. – 276 с.

3. Haugen E. Language Planning and Language Policy / E. Haugen // Sociolinguistics. – 1972. – P. 65–78.
4. Labov W. Sociolinguistic Patterns / W. Labov. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. – 344 p.

УДК 37.091.3

ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: МЕТОДИКИ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛИЯЗЫЧНОГО КОМПОНЕНТА В ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

*Макеева Е. В, студентка группы 131 ЮБУП,
Дмитриева А. А., старший преподаватель кафедры
русского, иностранного языков и культуры речи,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»*

Язык представляет собой не только средство коммуникации, но и сложную знаковую систему, фиксирующую культурный опыт, ценности и способы интерпретации действительности. В структуре языка закреплены модели мышления, присущие конкретному обществу, что позволяет рассматривать его как средство передачи культурной памяти и коллективного опыта [1, с. 8–15].

В условиях глобализации полиязычность следует рассматривать как ресурс интеллектуального и личностного развития. Применение нескольких языков в образовательном процессе способствует развитию когнитивной гибкости, критического мышления и готовности к межкультурному взаимодействию.

Исторические источники, такие как летописи, хроники, документы и мемуары, представляют собой как фактические материалы, так и языковые памятники соответствующей эпохи. Их исследование даёт возможность не только восстановить события прошлого, но и понять способы мышления людей той исторической эпохи [3, с. 20–27].

Художественный текст выступает не только эстетическим феноменом, но и носителем культурных смыслов. Через лексику, стиль, речевые характеристики персонажей и авторскую позицию раскрываются мировоззренческие установки эпохи и социальные реалии времени.

Интеграция полиязычного компонента должна строиться на коммуникативном принципе, предполагающем использование языка как средства осмысления, обсуждения и интерпретации историко-культурных явлений. В практике преподавания это реализуется через дискуссии, анализ текстов и проектную деятельность [4, с. 18–25].

Преподавание истории и литературы в условиях полиязычности требует акцента на неразрывной связи языка и культуры. Учитель выступает посредником между культурами, создавая условия для осмысления учащимися культурных различий и сходств.

Продуктивной методикой является сопоставление ключевых исторических понятий в разных языках (например: *революция* – *revolution* – *Revolution*), что демонстрирует вариативность культурных интерпретаций и способствует развитию аналитического мышления учащихся [1, с. 55–62].

Включение в учебный процесс фрагментов оригинальных документов, хроник и художественных текстов на разных языках (с переводом и комментариями) формирует навыки критического чтения и межкультурного анализа [2, с. 28–34].

Междисциплинарные проекты, включающие работу с источниками на различных языках, способствуют развитию исследовательских навыков, умений сопоставительного анализа и самостоятельной интерпретации культурных явлений.

Учитель истории и литературы должен обладать межкультурной компетентностью, владеть базовыми принципами лингвокультурного анализа и уметь организовывать учебную деятельность, направленную на диалог культур.

Полиязычный подход способствует не только расширению кругозора, но и укреплению собственной культурной идентичности обучающихся. Сопоставление языков и культур воспитывает уважение к иным традициям при осознании ценности своей культуры [5, с. 34–41].

Дальнейшее развитие данного направления требует разработки специальных учебных материалов, методических рекомендаций и межпредметных программ, обеспечивающих системное внедрение полиязычного компонента в преподавание истории и литературы.

Включение полиязычного компонента в преподавание истории и литературы усиливает аналитический потенциал обучающихся, поскольку работа с разноязычными источниками требует сопоставления смыслов, выявления культурных коннотаций и интерпретации контекста. Это способствует формированию метаязыкового сознания и способности критически оценивать информацию [2, с. 40–47].

Учебный перевод может рассматриваться не только как языковое упражнение, но и как средство культурного анализа. Сопоставление оригинального текста и его перевода позволяет выявить трансформацию смыслов, утраты и приобретения культурных значений, что особенно важно при изучении историко-литературных материалов.

Включение лингвокультурных комментариев к художественным текстам помогает обучающимся понять скрытые культурные смыслы, исторические реалии и национально-специфические элементы языка. Такой подход углубляет интерпретацию произведения и формирует межкультурную компетентность.

Интеграция полиязычного компонента предполагает межпредметное взаимодействие истории, литературы и лингвистики. Совместное рассмотрение языковых, культурных и исторических аспектов позволяет формировать целостное гуманитарное знание у обучающихся.

Полиязычное обучение создаёт условия для диалога культур, при котором учащиеся не только изучают другие языки и традиции, но и осмысливают

собственную культурную идентичность. Это способствует воспитанию уважения к культурному многообразию и формированию толерантности [5, с. 56–62].

Работа с текстами на разных языках формирует у обучающихся навыки критического чтения: умение выявлять авторскую позицию, оценивать достоверность информации, учитывать культурный контекст и возможные интерпретации исторических событий [1, с. 120–127].

Цифровые платформы современности предоставляют возможность использовать мультязычные источники, интерактивные карты, параллельные тексты и электронные архивы. Такой подход расширяет горизонты интеграции полиязычного компонента в учебный процесс истории и литературы, делая его более исследовательским.

Использование кейсов, основанных на анализе исторических событий через тексты на разных языках, позволяет моделировать реальные исследовательские ситуации и развивать у обучающихся навыки аргументации, интерпретации и межкультурного анализа.

Полиязычный подход способствует развитию языковой рефлексии – осознанию учащимися различий между языковыми системами, способами выражения мыслей и культурных смыслов. Это повышает качество как родной, так и иностранной речи [4, с. 150–156].

Для применения этих методик необходима целенаправленная подготовка учителей, которая должна включать знание основ лингвокультурологии, методик работы с текстами на разных языках и технологий межкультурного обучения.

Таким образом, включение многоязычного компонента в преподавание истории и литературы – перспективное направление гуманитарного образования, которое способствует воспитанию культурно ориентированной, критически мыслящей и коммуникативно компетентной личности. Для дальнейшего развития этой области необходимо создание системных учебных программ и методических пособий, которые будут учитывать особенности многоязычного образовательного окружения.

Литература

1. Бим И. Л. Теория и практика обучения иностранным языкам : учебник / И. Л. Бим. – Москва : Просвещение, 2007. – 256 с.
2. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам : учебник / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – Москва : Академия, 2007. – 336 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебник / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2010. – 208 с.
4. Сорокин Ю. А. Лингвокультурология : учебник / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина. – Москва : Академический проект, 2009. – 240 с.
5. Щукин А. Н. Методика преподавания иностранных языков : учебник / А. Н. Щукин. – Москва : Флинта, 2012. – 480 с.

ПРАВИЛЬНОЕ УДАРЕНИЕ И КУЛЬТУРА УСТНОЙ РЕЧИ: ВАЖНОСТЬ СОБЛЮДЕНИЯ НОРМ ПРОИЗНОШЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРАВИЛЬНОГО УДАРЕНИЯ

*Марущак А. С, студентка группы ПМ-31а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры прикладной
лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Правильное ударение является не только лингвистической нормой, но и ключевым элементом эффективной коммуникации, влияющим на восприятие говорящего в профессиональной и социальной среде; игнорирование этого аспекта ведёт к искажению смысла и снижению качества речевого взаимодействия в современном обществе.

Распространённость акцентологических ошибок обусловлена целым комплексом факторов, включающих как лингвистические особенности, так и социокультурные процессы. Необходимо детально проанализировать эти причины и наметившиеся тенденции [2, 3].

1. Языковые причины.

- Наш мозг автоматически пытается привести звучание похожих слов к общему знаменателю. Если в группе однородных слов встречается неправильное ударение, то и остальные слова начинают восприниматься с ошибкой по аналогии. Так, например, вместо правильного *срЕдства* часто говорят *средствА*.

- Иностранные слова часто приходят с непривычным для русского языка ударением. Со временем они приспособляются, но иногда возникают споры о том, как правильно ставить ударение, например, *маркетинг* – как *мАркетинг* или *маркЕтинг*.

- Живая речь, диалекты и акценты могут влиять на произношение слов, постепенно меняя его и распространяя новые варианты среди людей.

2. Социальные причины.

- Современные учебные программы меньше фокусируются на фонетике и правильном произношении. Вместо чётких образцов правильной речи ученики чаще сталкиваются с примерами ошибок, что закрепляет неправильное произношение.

- В обществе существует тенденция считать ошибки в речи естественной частью повседневности. Из-за этого люди начинают воспринимать неправильное ударение как норму, оправдывая это тем, что «все так говорят».

- Телевидение, реклама, кино и сериалы иногда демонстрируют некорректное произношение, которое становится примером для подражания. Это усугубляется отсутствием критического мышления и низким уровнем владения языком у зрителей.

- В публичном пространстве нормы произношения перестали строго соблюдаться, что создаёт впечатление, будто любые варианты произношения допустимы.

В результате действия этих факторов возникает самоподдерживающаяся спираль, приводящая к повсеместным ошибкам в ударении и общему упадку речевой культуры. Чтобы разорвать этот круг, необходимы многосторонние меры: образовательные программы, популяризация правильной речи и целенаправленное противодействие низкому уровню языковой подготовки в средствах массовой информации

Неверное ударение в русском языке серьёзно затрудняет общение и негативно сказывается на впечатлении от говорящего. Это происходит по нескольким причинам.

Прежде всего, неправильное ударение в словах-омографах, пишущихся одинаково, но имеющих разный смысл, приводит к неразберихе и непониманию. Например, путаница между *зАмок* и *замОк* искажает смысл сообщения и мешает эффективному обмену информацией [1].

Кроме того, в профессиональной среде ошибки в ударении часто воспринимаются как признак некомпетентности и недостаточного образования. Поскольку деловые отношения строятся на доверии и уверенности в профессионализме партнёров, пренебрежение нормами ударения подрывает эту основу.

Наконец, систематические ошибки в ударении создают впечатление о низком культурном уровне и недостаточной воспитанности говорящего. Окружающие, как правило, негативно реагируют на тех, кто постоянно нарушает правила произношения, что вредит репутации человека и его положению в обществе.

Таким образом, правильная расстановка ударений имеет огромное значение для успешного общения, поддержания профессионального имиджа и уважительного отношения к русскому языку.

Для коррекции орфоэпической компетенции требуются адресные меры, учитывающие потребности различных категорий носителей языка. Наиболее эффективные шаги включают интеграцию акцентологических тренингов в школьную программу, организацию специальных курсов и уроков, направляющих учащихся на правильную постановку ударения и произношение звуков с начальных классов вплоть до высшего образования. Важнейшими элементами процесса станут привлечение опытных филологов и методистов, создание специализированных учебных материалов и внедрение интерактивных заданий [3].

Дополнительно предлагается разработка корпоративных стандартов произношения, согласно которым сотрудники крупных корпораций и государственных учреждений обязаны соблюдать определённые нормы ударения и избегать распространённых ошибок. Регулярные тренировки и тренинги помогут поддерживать высокую грамотность и положительно скажутся на имидже бренда и качестве предоставляемых услуг.

Цифровые решения, такие как мобильные приложения и онлайн-платформы для проверки произношения, способны оказать значительную помощь в процессе самосовершенствования. Эти сервисы будут анализировать речь, выдавать рекомендации по исправлению ошибок и способствовать лучшему усвоению правильного варианта ударения путём упражнений и тестирования.

Совокупность указанных мер позволит широко распространить грамотную речь, сократить число орфоэпических ошибок и заметно повысить общий уровень владения русским языком в повседневном общении.

Точное ударение – это не просто формальность, а важнейший инструмент эффективного общения, который формирует наше впечатление в профессиональной и социальной сферах. Пренебрежение правильным произношением ведёт к серьёзным последствиям: искажению смысла сказанного, потере доверия и общему снижению уровня коммуникации.

Распространение ошибок в ударении объясняется разными факторами. С одной стороны, это особенности самого языка, где по аналогии могут возникать целые группы ошибочных произношений. С другой – множество заимствованных слов с непредсказуемым ударением усложняют задачу.

Важную роль играет и снижение значимости правильного произношения в образовании и общественном сознании. Многие считают ошибки естественной частью речи, не видя необходимости в соблюдении норм. СМИ, транслируя некорректное произношение, лишь усугубляют эту тенденцию.

Решение проблемы орфоэпических ошибок требует системных мер: улучшения обучения в учебных заведениях, внедрения стандартов произношения в компаниях и использования современных технологий для самоконтроля. Только такой подход позволит остановить негативную тенденцию и вернуть русской речи должный уровень.

Литература

1. Ахвандерова А. Д. Обучение нормам ударения русского языка / А. Д. Ахвандерова, Т. Н. Юркина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 4 (117). – С. 3–9.
2. Бондарева Л. А. Исследование норм произношения и ударения на уроках русского языка / Л. А. Бондарева // Кубанская школа. – 2021. – № 2. – С. 77–79.
3. Семенова Г. П. Освоение заимствованной лексики: проблемы русского ударения / Г. П. Семенова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2024. – № 211. – С. 289–303.

УДК 37.02

**ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВИЗМА:
ОПЫТ ДОНБАССА И ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

*Попова Д. Ю., студентка группы УГПП-25,
Садовская Н. Н., старший преподаватель кафедры краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Полилингвизм в постсоветском пространстве является значимым фактором трансформации гуманитарного образования, направленного на формирование поликультурной компетентности, развитие толерантности и межкультурного диалога. После распада СССР языковая ситуация изменилась: от доминирования русского языка как *lingua franca* – к многоуровневым моделям би- и полилингвизма, где русский язык сохраняет интеграционную роль, сталкиваясь при этом с вызовами национальных языковых политик и глобализации [4]. В странах СНГ (Казахстан, Узбекистан, Армения и др.) он функционирует как родной, неродной или иностранный язык в трилингвальных моделях (государственный + русский + английский) [5]. В балтийских странах и на Украине он используется преимущественно в образовательных учреждениях меньшинств, способствуя сохранению культурной идентичности русскоязычных общин. В диаспоре русский язык выступает «языком наследия», поддерживаемым семейным воспитанием и дополнительным образованием [9].

Полилингвизм обеспечивает когнитивные преимущества: развитие гибкости, метаязыковой осознанности, дивергентного мышления и умения переключать коды [1]. Однако он сопряжён с рисками интерференции, языковой ассимиляции и снижением престижа языков меньшинств. Русский язык в гуманитарном образовании сохраняет культурно-историческую миссию, обеспечивая доступ к русской и мировой классике и выступая ресурсом интеграции постсоветского пространства. В этом контексте формируется концепт «русского мира» как совокупности культурных и ценностных практик, укрепляющих межкультурный диалог и гражданскую солидарность.

Опыт регионов демонстрирует разные модели языкового сосуществования. В Приднестровье сочетание русского, молдавского и украинского языков способствует межэтническому диалогу. В Средней Азии полилингвизм реализуется через государственные программы трилингвального образования при сохранении ведущей роли русского языка [8]. Особое положение занимает Донбасс, где формировалась устойчивая модель русско-украинского билингвизма, дополненная элементами суржика [7]. После 2014 г. языковая политика региона была переориентирована на закрепление русского языка как основного в делопроизводстве и образовании, что в 2020 г. было закреплено конституционно. Украинский язык сохранил статус факультативного, что отражает сочетание доминирования русского и ограниченной поддержки языков меньшинств.

Современное гуманитарное образование Донбасса ориентировано на формирование поликультурной личности и использование местного культурного материала в контексте российской и мировой культуры. Активно применяются краеведческие проекты, музейная педагогика, онлайн-форматы и

фестивали, укрепляющие поликультурное взаимодействие (например, проект «Арт-Донбасс»). Этнокультурные общества (греческие, татарские и др.) сохраняют свои языки и традиции, формируя многослойную полилингвальную среду при ведущей роли русского [10].

Психолингвистические исследования показывают, что билингвальные учащиеся обладают большей когнитивной гибкостью и легче осваивают иностранные языки, хотя подвержены интерференции и орфографической нестабильности, что требует методической коррекции [2]. Для гуманитарного образования актуален акцент не только на языковой, но и на социокультурной, дискурсивной и медиакоммуникативной компетентности. Русский язык при этом выступает медиатором между национальными и глобальными культурными пространствами [3].

Главные вызовы – интерференция, неравенство языковых меньшинств в доступе к ресурсам, влияние глобализации и дефицит подготовленных педагогов. Перспективы связаны с развитием полиглотного образования, интеграцией цифровых технологий, адаптацией программ по российским моделям с учётом региональной специфики и поддержкой этнокультурных инициатив. Важнейшая задача – формирование у обучающихся толерантности, медиаграмотности и уважения к языковому многообразию как основы гуманизма [6].

Опыт Донбасса позволяет рассматривать полилингвизм как ресурс гуманитарного развития и интеграции личности в полиэтничных обществах. Будущее гуманитарного образования связано с поиском баланса между поддержкой русского языка как инструмента единства и сохранением культурного многообразия, а также с формированием новых образовательных моделей, способных к адекватному ответу на вызовы полилингвальной реальности.

Литература

1. Барсегян С. С. Лингвокреативность билингва: дивергентное мышление и языковая игра / С. С. Барсегян // Язык и речевая деятельность. – 2020. – № 2. – С. 37–48.
2. Бондаренко Л. В. Влияние билингвизма на социо-когнитивное развитие личности / Л. В. Бондаренко // Образование и наука. – 2015. – № 2. – С. 95–114.
3. Залевская А. А. Введение в теорию учебного двуязычия : учебник для магистрантов / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской государственный университет, 2016. – 269 с.
4. Камышева С. Ю. Русский язык в пространстве культуры стран бывшего СССР / С. Ю. Камышева // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 450–465.
5. Организация полилингвального образования в странах СНГ: государственный язык, русский язык и английский язык : сборник

- научных статей / под редакцией Е. В. Хромовой. – Москва : Русское слово, 2021. – 192 с.
6. Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности : коллективная монография / под редакцией Л. Н. Никифорова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2018. – 220 с.
 7. Суржик / ответственный редактор Л. Л. Масенко. – Киев : Наукова думка, 2012. – 210 с.
 8. Хажгалиева Г. Х. Организация полилингвального образовательного пространства вуза / Г. Х. Хажгалиева // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 3. – С. 123–130.
 9. Хилханова Э. В. Невидимое многоязычие постсоветской миграции как проявление транслингвальности / Э. В. Хилханова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 45–60.
 10. Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы развития : сборник материалов Всероссийской заочной студенческой конференции. – Донецк : ДонАУиГС, 2023. – 156 с.

УДК 37.018.1

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В БИЗНЕСЕ И ОБРАЗОВАНИИ: КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО

*Сахно М. В., студент группы ПУС-9а,
Назар Р. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры
прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ*

Мы живём в мире, где границы стран стираются, но культурные границы остаются, создавая парадоксальную реальность единого, но внутренне сложного пространства. Каждая встреча, будь то деловая или образовательная, – это сложное взаимодействие систем ценностей и негласных правил, которые не проговариваются, но всегда влияют на исход. Успех в таком контексте уже не может опираться только на технические знания или владение языком, поскольку даже идеальный синхронный перевод не передаёт культурный подтекст и скрытые ожидания [6, с. 45–46]. Требуется особый «культурный радар» – способность распознавать и преодолевать эти невидимые барьеры, работающие как мощные фильтры восприятия. В сущности, мы постоянно переводим не слова, а контекст и намерения, что требует куда большей глубины понимания. Компетенция межкультурного диалога превратилась из дополнительного навыка в обязательное условие для любого, кто стремится развиваться в глобальном контексте. Эта способность становится стратегическим активом. Новая реальность ставит перед бизнесом и образованием задачи, требующие перехода от интуитивных догадок к профессионально выверенным стратегиям [2, с. 45]. Осознанное управление культурными различиями является сегодня ключевым

фактором устойчивости и долгосрочного роста на любом рынке.

В международном бизнесе цена ошибки особенно высока, измеряясь в потерянных контрактах и демотивированных сотрудниках. Проблемы кроются в различиях базовых представлений о том, как должно работать взаимодействие [1, с. 210]. Даже концепция «честной игры» или «устного слова» может кардинально отличаться. Например, подход к времени глубоко различен, коренясь в философских установках. В одних культурах минута опоздания – признак непрофессионализма, и время воспринимается как линейный и безвозвратно уходящий ресурс. В других – время гибко, циклично, и приоритет отдаётся построению доверительных личных отношений, даже ценой задержки, поскольку прочный фундамент важнее сиюминутного результата. То же касается лидерства, которое является серьёзным управленческим вызовом. Этот стиль опирается на низкую дистанцию власти. В культурах с высокой дистанцией власти оспаривание решения воспринимается как саботаж. Если менеджер, привыкший к первому стилю, применит его там, где ждут указаний сверху, его сочтут слабым. Критичен и стиль общения, способный свести на нет даже блестящую аргументацию. Прямой разговор «по делу», ценимый на Западе, в странах Азии может быть воспринят как грубость и потеря лица, поскольку гармония и сохранение социального статуса ценятся выше немедленной правды [6, с. 120]. Обратная связь, данная «в лоб», способна деморализовать сотрудника, который ожидает максимально мягкой и опосредованной критики. Выбор между высококонтекстным и низкоконтекстным общением – критический фактор. Особенно важно понимать невысказанное: что скрывается за вежливым согласием или затяжной паузой в процессе переговоров. Понимание этих нюансов позволяет создавать устойчивые партнёрства.

Образовательная сфера сталкивается со своими, не менее острыми, вызовами. Современные университеты стали международными хабами, где встречаются студенты и преподаватели с уникальными академическими традициями. Здесь возникают нестыковки в самих основах учебного процесса – в том, что считается знанием и как его следует получать. В одних традициях студент должен активно спорить с преподавателем и проявлять критическое мышление – это показатель зрелости. В других культурах такое поведение считается вызовом авторитету. Этот конфликт традиций часто приводит к неверной оценке потенциала. Студент, воспитанный в традиции почтительного молчания, на западе будет казаться пассивным, а его западный однокурсник на востоке – дерзким. Даже понятие академической честности укоренено по-разному. Там, где знание считается общим достоянием, заимствование фраз без ссылки может не восприниматься как проступок. Следовательно, требуются универсальные и чёткие правила. Цифровая среда добавила новый слой сложности: различаются ожидания от скорости ответа на письмо и допустимой степени неформальности в чате. Сетевой этикет также становится объектом культурных различий. Необходима кросс-культурная калибровка норм поведения в виртуальном пространстве, чтобы обеспечить равные условия участия. Задача образования сегодня – не просто дать знания, но и создать

инклюзивную среду, где различия признаются, обсуждаются и становятся инструментом личного роста.

Набор необходимых компетенций можно разделить на три взаимосвязанных уровня, образующих пирамиду мастерства. Первый – это фундамент личной позиции. Его основа – межкультурная чувствительность и эмпатия, то есть искренний интерес и уважение к различиям, отказ от мысли, что «наше» – единственно правильное. Этот уровень требует постоянной саморефлексии. Второй уровень – когнитивный, уровень мышления и знаний. Ключевой шаг – осознание собственной культурной «призмы», тех скрытых установок, через которые мы неосознанно смотрим на мир. Это требует глубокого изучения своего культурного кода, прежде чем анализировать чужой. Важно и знание ключевых культурных измерений (Хофстеде, Холл), которые служат системой координат для анализа и построения гипотез. Использование этих моделей позволяет формулировать проверяемые гипотезы, а не полагаться на случайные стереотипы. Третий уровень – практический, поведенческий, где знания превращаются в действие. Это конкретные навыки: коммуникативная адаптивность (умение выбрать верный тон и понять невербальные сигналы), активное контекстуальное слушание (слышать скрытый смысл и тактично уточнять его) и управление конфликтами, вызванными разностью культурных кодов. Культурный интеллект объединяет эти три уровня в единую динамическую систему. Он представляет собой постоянно развивающуюся способность менять своё поведение и мышление в зависимости от культурного контекста [5, с. 50].

Эти навыки не появятся сами по себе. Их формирование требует целенаправленных и системных действий со стороны компаний и университетов, которые должны стать архитекторами этой новой компетентности. В бизнесе межкультурный тренинг должен стать не разовым мероприятием, а частью постоянной программы развития для всех менеджеров. Это создаёт корпоративную культуру, где вопросы различий можно открыто обсуждать. В образовательных учреждениях необходимо переходить от абстрактной теории к иммерсивной практике. Лучший способ – проектная работа в международных виртуальных командах, где студенты вместе решают реальные задачи. Такой опыт позволяет на практике прочувствовать необходимость синхронизации разных рабочих процессов и коммуникационных стилей. Крайне важна и специальная подготовка преподавателей, которые должны выступать не просто лекторами, а модераторами межкультурного диалога, помогающими студентам рефлексировать свой опыт [4, с. 170].

Таким образом, компетенция межкультурного взаимодействия сегодня – это не просто «мягкий навык», а форма стратегического интеллекта, определяющая саму возможность работать. Для бизнеса это прямой путь к снижению рисков, удержанию талантов и созданию прорывных инноваций на стыке разных взглядов. Для образования – это критерий его актуальности. Выпускник должен выходить из вуза с внутренней готовностью к реалиям глобального рынка труда. Инвестируя в развитие этой способности, организации делают стратегическую

инвестицию в устойчивое будущее, где разнообразие превращается из источника проблем в источник силы.

Литература

1. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин; под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 352 с.
2. Дерябо С. Д. Экспертиза образовательной среды: международный контекст и культурные измерения / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин // Вопросы образования. – 2015. – № 2. – С. 42–58.
3. Луцкович В. В. Сетевой этикет как новая форма межкультурной коммуникации в глобальном образовательном пространстве / В. В. Луцкович // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 6. – С. 144–152.
4. Панина С. В. Роль преподавателя как модератора межкультурного диалога в международной образовательной среде / С. В. Панина, М. В. Храмова // Педагогика. – 2019. – № 8. – С. 168–175.
5. Садохин А. П. Концепция культурного интеллекта (CQ) в контексте глобального менеджмента / А. П. Садохин // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 3 (83). – С. 48–55.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. / С. Г. Тер-Минасова – М. : Слово / Slovo, 2018. – 264 с.

УДК 811.1/.8'243:378.147

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ

*Тиханова М. Н., студентка группы РУМС-24,
Балко М. В., д-р филол.н., доцент,
заведующий кафедрой краеведения
Донецкого филиала РАНХиГС*

Уникальная лингвистическая среда Донбасса, сформированная доминированием русского языка в социокультурной сфере, оказывает

многогранное влияние на преподавание и изучение иностранных языков. С одной стороны, функционирование русского языка на высоком нормативном уровне способствует развитию у студентов навыков анализа языковых структур, что облегчает понимание грамматики других языков. С другой стороны, это преобладание русского языка создаёт серьёзные препятствия, в первую очередь – отсутствие естественной потребности в использовании иностранного языка в реальной жизни за пределами учебного процесса.

Иностранный язык, оставаясь инструментом исключительно учебным, рискует стать лишь набором грамматических правил, что замедляет переход от декларативных знаний к реальным коммуникативным компетенциям. Перед системой гуманитарного образования стоит задача – использовать развитые аналитические способности учащихся, сформированные русскоязычной средой, для преодоления дефицита живой иноязычной практики.

Таким образом, в условиях преобладания русскоязычной среды, основным препятствием на пути формирования иноязычных навыков является существенная нехватка реального языкового опыта. Отсутствие естественного применения иностранного языка в быту и профессиональной деятельности приводит к значительному снижению его значимости в глазах обучающихся.

В регионе наблюдается выраженная ориентация информационных и социальных потоков на русскоязычную аудиторию. От традиционных медиа до цифровых платформ, весь контент и интерактивность формируются с учётом потребностей русскоязычного потребителя. Следствием этого является полное удовлетворение всех коммуникативных запросов в рамках уже устоявшейся и преобладающей языковой парадигмы.

Внешняя среда существенно снижает внутреннюю мотивацию к изучению иностранного языка для реального общения. Отсутствие практического применения иноязычных навыков приводит к тому, что процесс овладения языком становится оторванным от реальных жизненных ситуаций.

Психологические барьеры играют значительную роль в процессе обучения иностранному языку. Страх совершить ошибку, вызванный высокой значимостью языковой нормы в русскоязычной культуре, способствует возникновению тревожности при говорении на иностранном языке. Этот эффект усиливается из-за отсутствия естественной среды, где можно было бы безопасно экспериментировать с новой языковой системой. В отличие от регионов с многоязычием, где смешение кодов является нормой, в русскоязычном контексте любое отклонение от языковой нормы может восприниматься как нарушение нормы общения. В результате возникает языковой стыд – феномен, при котором учащиеся сознательно избегают использования иностранного языка, даже если они обладают необходимыми знаниями.

Феномен низкой самооценки в иноязычной деятельности также оказывает значительное влияние на процесс обучения. Поскольку русский язык рассматривается как эталон коммуникативной успешности, любое отклонение от идеала в иностранном языке воспринимается как личная неудача. Этот эффект особенно заметен на начальных этапах освоения языка, когда когнитивные

ресурсы направляются не столько на понимание учебного материала, сколько на преодоление негативных эмоциональных состояний. В таких условиях даже эффективные методики обучения могут демонстрировать сниженную результативность, если не учитывать психолингвистические особенности русскоязычных учащихся.

Ещё одним важным фактором является конкуренция с русскоязычной медиасредой. Современные цифровые платформы, ориентированные на русскоязычную аудиторию, предоставляют разнообразный контент – от развлекательного до профессионально ориентированного. Это создаёт замкнутый цикл потребления информации: учащиеся получают доступ к знаниям и развлечениям без необходимости обращаться к иностранным источникам. В результате, мотивация к изучению иностранных языков смещается в инструментальную плоскость, связанную с необходимостью сдачи экзаменов или получения сертификата, что снижает потенциал для формирования глубокой интегративной мотивации, основанной на интересе к культуре и ценностям других народов.

В заключение стоит отметить, что преподавание иностранных языков в Донбассе сталкивается с комплексными вызовами, требующими пересмотра традиционных педагогических подходов. Главным барьером является критическая нехватка реального языкового опыта, вызванная повсеместным доминированием русского языка в жизни и медиа. Это порождает инструментальное отношение к языку и усиливает психологические проблемы, такие как языковой стыд и неуверенность в себе. Поэтому для преодоления дефицита коммуникативной практики необходимы глубокое понимание социокультурного контекста региона и целенаправленная педагогическая работа.

Чтобы преподавание перестало быть просто формальностью и начало приносить реальные плоды, нужно решить две ключевые задачи. Первая – понять, что именно мотивирует студентов к изучению и использованию иностранного языка, особенно если русский язык для них уже привычен и достаточен. Вторая – активно внедрять и проверять цифровые инструменты, которые могут создать ощущение погружения в настоящую иноязычную среду. Важно также собирать и распространять лучшие практики, которые уже успешно применяются в местных школах и вузах. Только объединив глубокое понимание мотивации с современными цифровыми технологиями, мы сможем помочь молодёжи стать по-настоящему многоязычной.

Литература

1. Barakhta A. V. Interference phenomenon during the second foreign language acquisition including Russian as a foreign language / A. V. Barakhta // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10 (160). – С. 83–87.
2. Rybakova M. V. Methodological conditions of teaching Russian as a foreign language and their implementation at Kazan Innovation University /

M. V. Rybakova, A. G. Khoroshavina, Y. D. Smirnova // Samara Journal of Science. – 2024. – Vol. 13, No 1. – С. 193–197.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

ДОНЕЦКИЙ ФИЛИАЛ

Кафедра краеведения

**Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы
развития**

**Материалы Всероссийской заочной студенческой конференции,
посвящённой Международному дню родного языка**

20 февраля 2026 г.

г. Донецк

Ответственный за издание: *М. В. Балко*

**Авторы тезисов несут ответственность
за оригинальность текстов,
а также достоверность изложенных фактов и положений**